

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам (языкознание, литературоведение)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

6 (86) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместители главного редактора:

Ю. Г. Данилов, к. г. н.

М. А. Кириллина, к. филол. н.

Ответственный секретарь

М. В. Куличкина

Члены редакционной коллегии:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Павлодарский педагогический университет, Казахстан;

Н. Н. Винокуров, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Н. Н. Гермогенов, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Л. Г. Гольдфарб, PhD, Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS)

Национальных институтов здоровья США, США;

Ю. М. Григорьев, д.ф.-м.н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Д. К. Фишер, PhD, Мичиганский университет, США;

Л. С. Дампилова, д. филол. н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия;

Н. Н. Ефремов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Россия;

А. П. Исаев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия;

Коно Кимитоши, PhD, институт РИКЕН, Япония;

В. В. Красных, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия;

Г. Ф. Крымский, д. ф.-м. н., ИКФиА им. Ю. Г. Шафера СО РАН, Россия;

Луиза Сальмон, PhD, Генуэзский университет, Италия;

В. Ю. Михальченко, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Россия;

И. И. Мордосов, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

А. А. Петров, д. филол. н., Институт народов Севера, Россия;

Л. Д. Раднаева, д. филол. н., БГУ, Россия;

Санг-Ву Ким, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея;

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Н. Г. Соломонов, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Д. А. Таярский, д.ф.-м.н., Казанский федеральный университет, Россия;

А. Н. Тихонов, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Г. Г. Филиппов, д. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;

Л. М. Хусаинова, д. филол. н., Башкирский государственный университет, Россия.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677005, г. Якутск, ул. Курашова, 30/4, каб. 7 Тел./факс: +7 (4112) 42-28-75

Северо-Восточный федеральный университет

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Academic periodical
Published since 2004
The frequency of publication is 6 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies (Linguistics, Literature Studies)

The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

6 (86) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editors:

Yu. G. Danilov, Candidate of Geographical Sciences

M. A. Kirillina, Candidate of Philological Sciences

Executive editor

M. V. Kulichkina

Members of the editorial board:

A. E. Agmanova, Doctor of Philology, Kazakhstan; *N. N. Vinokurov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *Woo Suk Hwang*, PhD, Soom Biotechnology Research Foundation, South Korea; *N. N. Germogenov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *L. G. Goldfarb*, PhD, National Institute of Neurological Diseases (NIH / NINDS) US National Institutes of Health, USA; *Yu. M. Grigoriev*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *D. K. Fisher*, PhD, University of Michigan, USA; *L. S. Dampilova*, Doctor of Philology, Russia; *N. N. Efremov*, Doctor of Philology, Russia; *A. P. Isaev*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *Kono Kimitoshi*, PhD, RIKEN Institute, Japan; *V. V. Krasnykh*, Doctor of Philology, Russia; *G. F. Krymsky*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *Louise Salmon*, PhD, University of Genoa, Italy; *V. Yu. Mikhailchenko*, Doctor of Philology, Russia; *I. I. Mordosov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *A. A. Petrov*, Doctor of Philology, Russia; *L. D. Radnaeva*, Doctor of Philology, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, South Korea; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Doctor of Philology, Russia; *N. G. Solomonov*, Doctor of Biological Sciences, Russia; *D. A. Tayurskiy*, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Russia; *A. N. Tikhonov*, Ph.D., Russia; *G. G. Philippov*, Doctor of Philology, Russia; *L. M. Khusainova*, Doctor of Philology, Russia.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 7 off., 30/4 Kurashova str., Yakutsk, Russia, 677005

Telephone/Fax: +7 (4112) 42-28-75

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Subscription index in the “Rospechat” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Тяптурьянов М. М., Тяптурьянова В. М., Тяптурьянова Т. М.</i> Влияние гидростроительства на рыб бассейна реки Колымы.....	5
--	---

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гололобов П. Ю., Павлов Г. С.</i> Временной ход полусуточных вариаций интенсивности космических лучей по данным наземных детекторов за 1971–2021 гг.....	14
<i>Шарин Е. П.</i> Структура и электронные свойства фторированного графена.....	24

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алибаев З. А.</i> Поэтика исторических романов Б. Рафикова.....	31
<i>Васильева Т. В.</i> Геопэтика водных пространств в прозе В. П. Сысоева.....	40
<i>Гольдман А. А., Тихонова Е. Э.</i> Опыт интерпретации постмодернистского текста (на материале рассказа Бобби Энн Мейсон «Шайло»).....	51
<i>Демидова Е. Е.</i> Символы власти в русской лингвокультуре (на примере когнитивных признаков заимствованного концепта <i>скипетр</i>).....	59
<i>Иванова С. В., Текенова У. Н.</i> Проблема передачи индивидуального стиля писателя в художественном переводе: на материале повести «Пепел звезд» Дибаша Каинчина.....	69
<i>Мархадаев Г. Б.</i> Литературно-фольклорные взаимодействия и взаимовлияние в современной бурятской прозе.....	79
<i>Мыреева А. Н.</i> Традиции исторических преданий в якутской прозе XX века.....	90
<i>Наумова Е. В.</i> Термин «многозначность» и ее виды в отечественной и зарубежной лингвистике.....	100

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

<i>Ефремова Н. А.</i> Винокуровские чтения, посвященные 80-летию профессора СВФУ Ивана Петровича Винокурова.....	108
<i>Трофимцев Ю. И.</i> Воин, математик, педагог. (К столетию Михаила Павловича Кылатчанова).....	114

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

Tyaptirgyanov M. M., Tyaptirgyanova V. M., Tyatirgyanova T. M. The influence of hydraulic engineering on the fish on the Koluma river basin..... 5

PHYSICAL AND MATHEMATICAL SCIENCES

Gololobov P. Yu., Pavlov G. S. Time course of semidiurnal variations in the intensity of cosmic rays according to the data of ground-based detectors for 1971-2021..... 14

Sharin E. P. The structure and electronic properties of fluorinated graphene..... 24

PHILOLOGICAL STUDIES

Alibaev Z. A. The poetics of historical novels of B. Rafikov..... 31

Vasilieva T. V. Geopoetics of water spaces in V. P. Sysoev’s prose..... 40

Goldman A. A., Tikhonova E. E. Frame analysis of cognitive dissonance on the material of the story «Shiloh» by B. E. Mason..... 51

Demidova E. E. Symbols of power in russian linguistic culture (on the example of a *scepter* borrowed concept)..... 59

Ivanova S. V., Tekenova U. N. The problem of transmitting the individual style of the writer in literary translation: based on the material of the story “Ashes of the Stars” by Dibash Kainchin..... 69

Markhadaev G. B. Interaction and interrelation of literature and folklore in the modern Buryat prose..... 79

Myreeva A. N. Traditions of historical legends in the yakut novel of the late XXth century..... 90

Naumova E. V. Ambiguity and its types in international linguistic studies..... 100

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

Efremova N. A. Vinokurov Readings commemorating the 80th anniversary of Ivan Petrovich Vinokurov, esteemed professor of the NEFU..... 108

Trofimtsev Yu. I. Soldier, mathematician, educator. (Commemorating the Centenary of Mikhail Pavlovich Kylatchanov)..... 114

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 574.24

М. М. Тяптурганов, В. М. Тяптурганова, Т. М. Тяптурганова

Влияние гидростроительства на рыб бассейна реки Колымы

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Приводятся сведения о повышенном содержании микроэлементного состава в теле рыб после строительства Вилюйской ГЭС. На его содержание повлияло извлечение минерального сырья, особенно алмазодобывающей промышленности. Изучены изменения условий обитания гидробионтов рек Северо-Востока Якутии, включая бассейн Колымы, их питания, роста и размножения, проанализированы изменения размерно-возрастной и половой структуры в процессе усиливающегося антропогенного воздействия. Задачей данного исследования является оценка состояния организмов рек на основании морфо-патологического анализа, а также описание основных морфологических аномалий в жизненно важных органах рыб (печень, почки, жабры, гонады), изучение закономерности накопления тяжелых металлов и их распределения в организме рыб и разработке рекомендации по оптимизации управления рыбными ресурсами в бассейне Колымы. Для всех рыб проводился полный общебиологический анализ (морфометрия, размерно-возрастной состав, оценка численности и т. п.), дана оценка аномалий методом патолого-анатомического анализа, а для части рыб проводились специальные биохимические исследования (анализ крови и определение концентрации тяжелых металлов в органах и тканях рыб). Обнаружены почечно-каменная болезнь (нефрокальцитоз) у исследованных рыб, патологии в скелете рыб – мопсовидное рыло, искривление жаберных тычинок и ребер, образование горба и слияние 2-3 позвонков в грудной клетке. При интоксикации

ТЯПТИРГЯНОВ Матвей Матвеевич – д. б. н., проф., ИЕН СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: matyap@mail.ru

ТЯПТИРГЯНОВ Matvei Matveevich – Doctor of Biological Sciences, Professor, the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТЯПТИРГЯНОВА Виктория Матвеевна – к. мед. н., доцент, МИ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: vtyap@mail.ru

ТЯПТИРГЯНОВА Victoria Matveevna – PhD, Associate Professor Medical Institute of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТЯПТИРГЯНОВА Татьяна Матвеевна – д. мед. н., проф., МИ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: TMT50@mail.ru

ТЯПТИРГЯНОВА Tatyana Matveevna – M.D., Professor, Medical Institute of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

организма обнаружены следующие аномалии печени и почек: отмирание клеток и появление на их месте соединительной ткани. Нарушение структуры и функционирования популяций рыб, возникновение глубоких патологий и дисфункций в их организме привели к снижению рыбохозяйственного потенциала водоемов Якутии, в том числе и бассейна Колымы.

Ключевые слова: энергообеспеченность, токсичность, тяжелые металлы, сукцессия, эвтрофикация водоема, аномалии, эвритермные и стенотермные рыбы, тепловой сток, трофические цепи, гемоглобин, эритроциты, анемия, интоксикация организма, рыбодобыча, мониторинг, критические точки.

DOI 10.25587/s7475-2607-5823-k

М. М. Тьяптирбянов, В. М. Тьяптирбянова, Т. М. Тьяптирбянова

The influence of hydraulic engineering on the fish on the Kolyma river basin

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Information is given about the increased content of trace elements in fish bodies after the construction of the Vilyuyskaya HPP. Its content was greatly influenced by the extraction of mineral raw materials, especially by the diamond mining industry. There is study of changes in the habitat conditions of hydrobionts of the rivers of the north-east of Yakutia, including the Kolyma basin, their nutrition, growth and reproduction to analyze changes in size, age and sexual structure in the process of increasing anthropogenic impact. On the basis of morpho-pathological analysis to assess the state of their organisms, as well as to describe the main morphological anomalies in the vital organs of fish (liver, kidneys, gills, gonads), to study the patterns of accumulation of heavy metals and their distribution in the body of fish, and to develop recommendations for optimizing the management of fish resources in the Kolyma basin. A complete general biological analysis for all the fish was carried out (morphometry, size-age composition, population assessment, etc.) and an assessment of anomalies was given by pathoanatomic analysis, and for some fish, special biochemical studies were carried out (blood analysis and determination of the concentration of heavy metals in the organs and tissues of fish). In the studied fish were found kidney stone disease (nephrocalcitosis), pathologies in the skeleton of the fish - a pug-shaped snout, curvature of the gill stamens and ribs, the formation of a hump and the fusion of 2-3 vertebrae in the chest. During intoxication of the body, the following liver and kidney abnormalities were detected: cell death and the appearance of connective tissue in their place. Violation of the structure and functioning of fish populations, the occurrence of deep pathologies and dysfunctions in their bodies led to a decrease in the fishing potential of the reservoirs of Yakutia, including the Kolyma river basin.

Keywords: energy supply, toxicity, heavy metals, succession, eutrophication of the reservoir, intoxication of the body, fisheries sector, monitoring, anomalies, eurythermal and stenothermic fish, heat runoff, trophic chains, hemoglobin, erythrocytes, anemia, critical points.

Введение

Река Колыма образуется слиянием рек Кулу и Аян-Юрях, берущих начало в отрогах хребта Черского, и впадает в Восточно-Сибирское море. От места слияния до устья Колыма имеет длину 2129 км, площадь водосбора – 643 тыс. км², в том числе дельты – 13400 км². В верхнем течении до устья р. Бахапча течет в узкой и глубокой долине; в русле местами шиверы и пороги, особенно значительные (Прижимающий и Длинный) выше устья р. Бахапчи. Справа впадает р. Детрин. В среднем течении Колымы долина широкая. Основные притоки: справа – Буюнда, Балагачан, Сугой, Коркодон; слева – Сеймчан. В нижнем течении на протяжении 1150 км протекает по Колымской низменности, левый берег низменный, правый – местами гористый. Русло извилистое и разбивается на рукава. Наиболее крупные притоки: Поповка, Ясачная, Ожогина, Седедема – слева; Березовка, Омолон, Анной – справа. Впадает в Колымский залив Восточно-Сибирского моря тремя главными протоками: Колымской (Команной), правой, судоходной, Походской и Чукочьей. Длина дельты 110 км, площадь 3000 км². Питание смешанное: снеговое (47%), дождевое (42%) и подземное (11%). Половодье с середины мая по сентябрь. Размах колебания уровня до 14 м. Средний расход воды у г. Среднеколымска (641 км от устья) 2250 м³/сек, наибольший – 25100 м³/сек (июнь), наименьший – 23,5 м³/сек (апрель). Годовой сток в устье 123 км³ (3900 м³/сек). Среднегодовой сток наносов 5,5 млн т. Замерзает в середине октября, реде – в конце сентября. Перед ледоставом ледоход и шугоход продолжительностью от 2 суток до месяца, зазоры. Зимой наледи, русловые и обширные грунтовые. Вскрывается во второй половине мая, начале июня. Ледоход длится от 2 до 18 суток, сопровождается заторами. Колыма судоходна от устья р. Бахапча, навигация 3-3,5 месяца. В бассейне Колымы из полезных ископаемых – золото.

Основные рыбопромысловые участки расположены на административной территории Нижнеколымского района, где общая площадь водоемов (рек, проток, висок, озер) составляет 14566 км². Общий рыбохозяйственный фонд представлен 16 реками и 2 крупными протоками: Стадухинской, протяженностью 254 км, и Чукочьей – 60 км.

Площадь рыбохозяйственного фонда озер – 12716 км². Протяженность береговой линии Восточно-Сибирского моря, омывающего его северную часть, составляет 560 км, а его площадь – 913 тыс. км².

Эти реки используются для лесосплава, в интересах рыбного хозяйства (рыболовство и рыбоводство) и рекреации.

Влияние антропогенного фактора

Известно, что сточные воды горноперерабатывающих производств изменяют физико-химические параметры водоемов и создают новое качество – токсичность среды обитания. Дымовые выбросы предприятий оловорудной, золото- и алмазодобывающей промышленности загрязняют территории водосборов рек органическими и неорганическими солями и тяжелыми металлами, которые поступают в реки с тальми водами и дождевыми осадками. Результаты исследования показали, что сброс минерализованных вод из временного накопителя и дренажных полигонов оказывает определенное влияние на формирование гидрохимического режима обследованных водоемов. Хозяйственно-бытовые стоки городов и поселков, а также животноводческих ферм, на которых разводят таких животных, как песец, лисица, нутрия, а также крупный рогатый и мелкий скот и др., вносят биогенные элементы и способствуют эвтрофированию северных водоемов. Химический состав их вод находится под прямым воздействием высокоминерализованных сбросов. В результате химический состав воды изменился с гидрокарбонатно-кальциевого на хлоридно-натриевый.

Изменение абиотических параметров субарктических водоемов, имеющих различную направленность и степень проявления, повлекло за собой изменение водных сообществ.

Вопросы о путях миграций и накопления тяжелых металлов в водной экосистеме весьма актуальны для водоемов Якутии, где ведется добыча полезных ископаемых. Уровни накопления металлов в организмах рыб и беспозвоночных остаются неизменными несколько лет, повторное их загрязнение может проходить в воде и в донных отложениях.

В целом структурные изменения в сообществах водных беспозвоночных организмов при антропогенном прессе сводятся к выпадению их из списка видов ранее существовавших типичных представителей фауны северных водоемов, либо их полной замене, например, солоноватоводными организмами [1].

Интенсивное развитие горнодобывающей промышленности и ее инфраструктур в начале 1960-х гг. на Северо-Востоке России требовало значительного увеличения мощности энергообеспечения. Использование для этих целей гидроэлектростанций, весьма эффективных и надежных источников энергии, не вызывало никаких сомнений. Отсутствие скрупулезных экологических экспертиз на стадии проектной документации не могло дать объективные прогнозные оценки влияния зарегулирования крупных рек на структуру и функционирование весьма хрупких природных экосистем, в т. ч. и водных, в условиях криолитозоны [1–5].

Известно, что водохранилища, хотя и являются результатом деятельности человека, обладают многими свойствами естественных водоемов [1, 6–11]. Мощное антропогенное влияние последних десятилетий (загрязнения, разрушение нерестилищ, селективный промысел, интродукция чужеродных видов и др.) на водные экосистемы, нарушившие исторически сложившуюся структуру рыбного населения в Колымском бассейне, привело к существенному снижению доли сиговых и возрастанию окунево-карповых рыб. В нижнем бьефе изменение экологической обстановки привело к полному уничтожению крупных нерестилищ сибирского осетра.

Снижение уровня воды к весне на 7–8 м в результате сработки сливной линзы приводит к тому, что лед оседает на наиболее продуктивной части мелководья, удобной для размножения осенненерестующих рыб. Икра, отложенная на двух-трехметровой глубине, погибает, и пополнение популяций за счет естественного воспроизводства становится невозможным [1].

На начальных этапах формирования водохранилища большое количество затопленной древесной и травянистой растительности привело к возникновению бескислородных зон. Протяженность сероводородных зон в 1971 г. в водохранилище достигала 213 км, что вызвало гибель рыб и водных организмов. В 1970–1990-х гг. в водохранилище часто встречались рыбы (щука, окунь, плотва) с аномалиями в развитии (укороченное рыло, деформированный позвоночник и др.) [1]. Такое же явление должно быть и на Колымской ГЭС.

На примере Колымского водохранилища можно сказать, что с момента заполнения ложа водохранилища началась эвтрофикация водоема за счет поступления большого количества биогенных элементов из почвы и растительности, что привело к повышению его трофического статуса. В свою очередь увеличение трофности обусловило сукцессию фауны рыб, известную для северных водоемов последовательной сменой лососевого комплекса на сиговый, затем на сигово-щучье-окуневый с последующим переходом к карповому. Этот процесс был многократно ускорен рыболовством (биологическая форма воздействия), определившим промысловую сукцессию рыб и превратившим Вилюйское водохранилище в окунево-плотвичный водоем [12, 13].

Значительные изменения в рыбном сообществе произошли и в нижнем течении Колымы. Сказалось влияние кардинального изменения объема годового стока реки [1, 14–16]. До зарегулирования реки весенний паводок обеспечивал свыше 70% годового расхода воды, зимой сток сокращался до 20%. После строительства плотины ГЭС основная часть стока за счет сработки сливной линзы переместилась на зимний сезон на 58%, весенний сток составляет 16%, летний – 10% и осенний – 16% годового.

Следствием перераспределения стока явилось тепловое загрязнение реки в результате сброса через турбины ГЭС холодной воды летом и относительно теплой зимой. Тепловой сток в нижнем бьефе реки уменьшился на 110×10^9 кВт ч/год. Нарушение температурного оптимума отрицательно сказалось на лососевых (ленок, таймень) и сиговых (нельма, пыжьян) видах рыб. Эвритермные виды (плотва, окунь) оказались в благоприятных условиях, а увеличение их численности только усугубило положение stenotherмных видов рыб.

Вместе с тем уменьшение весеннего стока изменило уровень паводка, площадь затопляемых прибрежных и количество нерестовых участков весенне-нерестующих видов рыб. На эвритермные короткоцикловые виды рыб перераспределение годового стока оказывает двойное действие: с одной стороны, создает благоприятные условия для обитания, с другой – ухудшает условия воспроизводства [1].

Тепловое загрязнение нижнего бьефа Колымы сопровождается химическим. Особенно ярко химическая форма воздействия на ихтиофауну была выражена в период формирования водохранилища и сброса в нижний бьеф воды с высоким содержанием фенолов [1, 13, 16, 17].

Имеется еще одна форма антропогенного воздействия на рыб (физическая), появившаяся в результате зарегулирования стока, – действие турбин Колымского каскада ГЭС. При скате через турбины наблюдаются механические (раны, обрывы плавников) и биологические (разрыв плавательного пузыря, кровоизлияние) повреждения, аномальное поведение (нарушение ориентации, двигательной активности, реакции на раздражители) [1, 7, 13].

Зарегулирование речного стока Колымы в энергетических целях изначально является физической формой антропогенного воздействия на биологические объекты и прежде всего на рыб. Однако, как видно из приведенных примеров, перекрытие реки плотиной ГЭС обусловило включение и остальных форм – химической и биологической. Отрицательное действие на гидробионтов идет сразу по нескольким направлениям, обостряя общую стрессовую ситуацию в речной экосистеме [17].

Стрессовое влияние ГЭС на рыб в нижней Колыме усиливается жестким прессом техногенного воздействия золотодобывающей промышленности. Как видно на примере Вилуйского водохранилища, на протяжении ряда лет производственно-научное объединение «Якуталмаз» (ныне АК «АЛРОСА») загрязнило реки Малую Ботуюбую и Вилую высокоминерализованными стоками, за 10 лет (1979–1988 гг.) их было сброшено 56,5 млн м³. В 1987 г. в Малую Ботуюбую с накопителя сброс рассолов достигал 2,25 м³/сек при расходе воды в реке 3-4 м³/сек. Минерализация в 20 км от устья доходила до 80 г/л, что значительно выше предела выживаемости рыб, не превышающего 7-8 г/л. В реке наблюдалась массовая гибель тайменя, ленка, окуня, ельца и налима. Естественно, погибли и планктонные, и бентосные организмы, т. е. была уничтожена кормовая база рыбного населения, ущерб составил (по данным «Якутрыбвода») более 300 тыс. руб. в ценах 1987 г.

Химическое воздействие на гидробионтов усиливается сбросом токсических веществ, входящих в состав сбросных вод. Они включают соли стронция, хрома, лития и другие высокотоксичные вещества. Токсиканты депонируются в мышцах и органах рыб, продукты питания из которых становятся опасными для человека. У исследованных рыб выявлено превышение ПДК, на примере р. Вилуй, по хromу – в 3 раза (окунь), по никелю – в 2-4 раза (щука, плотва, налим), по свинцу – в 2 раза (щука, окунь) [1, 17].

Результаты исследований показывают, что при зарегулировании речного стока (Вилуйская и Колымская ГЭС) пики половодий и летних паводков резко срезаются, устраняя тем самым условия затопления пойменных озер и низин (до 50%) – основных биотопов нагула туводной ихтиофауны и воспроизводства весенне-нерестующих рыб. Отсутствие озерно-речной связи также препятствует выходу из озер половозрелой части

популяции чира, пеляди, тем самым приводит в напряженное состояние их запасы, особенно в бассейне Колымы [1].

Верхний бьеф водохранилища является механическим барьером на пути миграции твердых стоков, вызывая стойкое изменение руслообразующих процессов и качества воды на значительном расстоянии речной системы, с обваловкой берегов и резким сокращением литеральной зоны – наиболее продуктивных участков как в кормовом, так и в нерестовом отношении для рыбного населения [18]. Плотина ГЭС в целом ограничивает качественный состав ихтиофауны, препятствует прохождению нерестовой миграции ценных промысловых рыб: сибирского осетра, нельмы и чира для р. Колыма, запасы которых в настоящее время находятся в катастрофическом состоянии, а также кеты и горбуши.

Затопление огромных лесных площадей без предварительной очистки ложа водохранилищ Колымской ГЭС вызвало существенные изменения качества воды, образование обширных бескислородных зон и, как следствие, угнетение жизнедеятельности водной биоты на всех уровнях трофических цепей [1, 7, 13, 14].

На водную биоту большое физиологическое влияние оказывает изменение термического режима воды, связанное с созданием водохранилища и зарегулированием сезонного стока реки. Выявлено, что в первую половину безледного периода водохранилище оказывает на воду нижнего бьефа охлаждающее влияние, во второй и зимний периоды – отепляющее на расстоянии до 1000 и более километров. Эффект низких температур в нерестовый период для весенне-нерестующих рыб выражается в запоздании сроков нереста на 30-40 суток, как видно из наблюдений за Вилюйским водохранилищем. Осенне-зимнее повышение температуры, наоборот, провоцирует не только более ранний по сроку выклев личинок сиговых рыб и налима, обрекая их на значительную элиминацию, но и поздние сроки нерестового подъема сибирской ряпушки и омуля Колымы, что значительно снижает показатели рыбодобычи указанных видов [1].

Система крови рыб реагирует на ухудшение условий обитания большим разнообразием форм патологических изменений, были описаны общие закономерности ее трансформации. Из результатов взятия проб крови рыб в нижнем течении р. Вилюй отмечено, что первая ответная реакция рыб на действие токсичного агента – сгущение крови: на смену разрушающимся клеткам в русло крови выбрасываются молодые эритроциты, моноциты, сегментоядерные и незрелые лейкоциты. Концентрация гемоглобина в крови, СОЭ и содержание лейкоцитов увеличиваются [18, 19]. Для картины крови характерно наличие наряду с предгемолизированными эритроцитами множества молодых незрелых клеток. В дальнейшем происходит постепенное снижение концентрации гемоглобина вследствие интенсивного разрушения эритроцитов и развивается анемия. Изменения в системе крови обратимы, пока не исчерпаны защитные функции кроветворения. В качестве критерия установлена граница минимального количества гемоглобина – 8 г%. Дальнейшее его снижение – признак развития токсикоза рыб [1, 4, 20].

Система крови рыб реагирует на ухудшение условий обитания большим разнообразием форм патологических изменений. Так, например, летом в июле 2009 г. нами была взята кровь окуня и плотвы ниже п. Сюльдюкар (р. Вилюй) у рр. Харыялах и Куранах (июль 2009 г.), которая после лабораторного анализа показала следующую картину крови: лейкоцитов – от 210 до 499; эритроцитов – 168-326; СОЭ – 0-2; гемоглобина – 3,7-8,9, в среднем 6,1 г % [1].

Общая закономерность развития токсикоза рыб, раскрытая на основе изучения реакции системы кроветворения, характеризуется четырьмя стадиями: I – контакт, II – мобилизация, III – дестабилизация, IV – деградация. Методически стадии токсикоза разграничиваются по соотношению разрушенных (или патологических) форм эритроцитов и «нормальных» при различных концентрациях гемоглобина в крови. Переход к

необратимым изменениям и гибели организма характеризуется «критической точкой», разделяющей «норму и патологию», т. е. III и IV стадии токсикоза при снижении концентрации гемоглобина менее 80%, когда в крови отмечаются массовые разрушения эритроцитов. Судя по литературным данным [18, 20], такой тип крови свидетельствует о далеко зашедших процессах токсикоза у рыб [1].

Заключение

Затронутые вопросы не охватывают всей полноты изученности проблемы устойчивости водных экосистем и прогноза при широкомасштабном техногенном воздействии в условиях многолетней мерзлоты и требуют дальнейших комплексных исследований со стороны широкого круга специалистов Магаданской области и Республики Саха (Якутия).

Литература

1. Андреева, А. М. Принципы организации белков крови и стабилизация внутренней жидкой среды организма рыб / А. М. Андреева // Физиологические, биохимические и молекулярно-генетические механизмы адаптации гидробионтов : материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Борок, 2012. – С. 9-14.
2. Аршаница, Н. М. Диагностика токсикозов рыб и оценка среды их обитания / Н. М. Аршаница, А. А. Стекольников // Физиологические, биохимические и молекулярно-генетические механизмы адаптации гидробионтов : материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Борок, 2012. – С. 269-274.
3. Гемоглобин рыб при действии аммиака и солей тяжелых металлов / В. В. Грубинко, А. С. Смольский, И. Н. Коновец, О. М. Арсан // Гидробиологический журнал. – 1995. – Т. 31. – № 4. – С. 82-87.
4. Дгебуадзе, Ю. Ю. Экосистемы водохранилищ как модельный объект экологических исследований для оценки риска природных и антропогенных вызовов / Ю. Ю. Дгебуадзе // Бассейн Волги в XXI веке : структура и функционирование экосистем водохранилищ : сборник материалов докладов Всероссийской конференции (г. Борок, 22-26 октября, 2012). – Ижевск : Издатель Пермьяков С. А., 2012. – С. 6-7.
5. Ильина, Л. К. Значение уровня режима для рыбного хозяйства водохранилищ / Л. К. Ильина, Н. А. Гордеев // Водные ресурсы. – 1980. – № 2. – С. 123-136.
6. Кириллов, А. Ф. Промысловые рыбы Вилюйского водохранилища / А. Ф. Кириллов. – Якутск : ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – 108 с.
7. Кириллов, Ф. Н. Рыбы Якутии / Ф. Н. Кириллов. – Москва : Наука, 1972. – 358 с.
8. Кириллов, Ф. Н. Промысловая и популяционные аспекты рыб Вилюйского водохранилища / Ф. Н. Кириллов, М. М. Тяптиргянов, А. Ф. Кириллов // Биологические проблемы Севера : материалы 6-го симпозиума. – Якутск, 1974. – С. 60-67.
9. Биология Вилюйского водохранилища / Ф. Н. Кириллов, А. Ф. Кириллов, Т. М. Лабутина [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1979. – 271 с.
10. Моисеенко, Т. И. Водная экотоксикология : теоретические и прикладные аспекты / Т. И. Моисеенко. – Москва : Наука, 2009. – 400 с.
11. Оловин, Б. А. Техногенные изменения природных условий в системе гидроузлов – среда на Крайнем Севере / Б. А. Оловин, Б. И. Колмаков, В. И. Федоряк // Влияние ГЭС на окружающую среду в условиях Крайнего Севера : сборник научных трудов. – Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1987. – С. 42-57.
12. Экология бассейна реки Вилюй: промышленное загрязнение / Д. Д. Саввинов, М. М. Тяптиргянов, В. Г. Кривошапкин [и др.]. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. – 119 с.
13. Тяптиргянов, М. М. Изменение рыбного населения пресноводных водоемов Якутии в условиях антропогенного загрязнения / М. М. Тяптиргянов. – Москва : ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2016. – 308 с.
14. Тяптиргянов, М. М. Влияние качества воды на ихтиофауну нижнего бьефа реки Вилюй / М. М. Тяптиргянов, А. Ф. Кириллов, С. В. Ларионов // Вопросы региональной гигиены, санитарии и эпидемиологии. – Якутск, 1990. – С. 225-227.

15. Тяптиргянов, М. М. Промышленное загрязнение и микроэлементоз / М. М. Тяптиргянов, В. Г. Кривошапкин // Актуальные проблемы экологии ЯАССР. – Якутск, 1990. – С. 76-78.
16. Тяптиргянов, М. М. К прогнозу состояния зоопланктона в Адычанском водохранилище / М. М. Тяптиргянов, В. А. Соколова, С. В. Ларионова // Вопросы региональной гигиены, санитарии и эпидемиологии. – Якутск, 1990. – С. 231-233.
17. Тяптиргянова, В.М. Влияние качества воды в водоемах Якутии на организм рыб : на примере рр. Виллой, Хрома, Индигирка и Колыма / В. М. Тяптиргянова, М. М. Тяптиргянов // Якутский медицинский журнал. – Якутск : ЯНЦ КМП СО РАМН, 2014. – № 3 (47). – С. 66-69.
18. Тяптиргянов, М. М. Оценка качества воды реки Колыма на водную биоту / М. М. Тяптиргянов, В. М. Тяптиргянова, А. В. Черных // Успехи современной науки и образования. – Белгород : Эпицентр, 2016. – № 5. – Т. 2. – С. 115-119.
19. Dyakina, N. N. The new fish species in the water bodies of Kaluga region / N. N. Dyakina, V. V. Korolev, Ya. S. Reshetnikov // III International Symposium Invasion of allian species in Holartic (Borok-3). 5-9 October 2010. Myshkin-Borok. Russia. – Programme and Book of Abstracts. – 2010. – P. 42.
20. Novel relationships among lampreys (Petromyzontiformes) revealed by a taxonomically comprehensive molecular dataset / N. J. Lang, K. J. Roe, C. B. Renaud [et al.] // Trans. American Fishery Society. – 2009. – V. 72. – P. 41-55.
21. A planktivorous specialist turns rapacious: piscivory in invading vendace *C.albula* / S. Liso., R. O. Gjeland, Yu. S. Reshetnikov [et al.] // J. Fish Biol. – 2011. – Vol. 78. – P. 332-337.
22. Wiley, E. O. A teleost classification based on monophyletic groups / E. O. Wiley, G. D. Johnson // Origin and phylogenetic interrelationships of teleost (Nelson J.S., Schultze H.-P., Wilson M.V.H., eds.). – Munchen : Verlag Dr. Friedrich Pfeil., 2010. – P. 123-182.

References

1. Andreeva, A. M. Principy organizacii belkov krovi i stabilizaciya vnutrennej zhidkoj sredy organizma ryb / A. M. Andreeva // Fiziologicheskie, biohimicheskie i molekulyarno-geneticheskie mekhanizmy adaptacii gidrobiontov : materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Borok, 2012. – S. 9-14.
2. Arshanica, N. M. Diagnostika toksikozov ryb i ocenka sredy ih obitaniya / N. M. Arshanica, A. A. Stekol'nikov // Fiziologicheskie, biohimicheskie i molekulyarno-geneticheskie mekhanizmy adaptacii gidrobiontov : materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Borok, 2012. – S. 269-274.
3. Gemoglobin ryb pri dejstvii ammiaka i solej tyazhelyh metallov / V. V. Grubinko, A. S. Smol'skij, I. N. Konovec, O. M. Arsan // Gidrobiologicheskij zhurnal. – 1995. – Т. 31. – № 4. – С. 82-87.
4. Dgebuadze, Yu. Yu. Ekosistemy vodohranilishch kak model'nyj ob'ekt ekologicheskikh issledovanij dlya ocenki riska prirodnyh i antropogennyh vyzovov / Yu. Yu. Dgebuadze // Bassejn Volgi v XXI veke : struktura i funkcionirovanie ekosistem vodohranilishch : sbornik materialov dokladov Vserossijskoj konferencii (g. Borok, 22-26 oktyabr', 2012). – Izhevsk : Izdatel' Permyakov S. A., 2012. – S. 6-7.
5. Il'ina, L. K. Znachenie urovennogo rezhima dlya rybnogo hozyajstva vodohranilishch / L. K. Il'ina, N. A. Gordeev // Vodnye resursy. – 1980. – № 2. – S. 123-136.
6. Kirillov, A. F. Promyslovye ryby Vilyujskogo vodohranilishcha / A. F. Kirillov. – Yakutsk : YANC SO AN SSSR, 1989. – 108 s.
7. Kirillov, F. N. Ryby Yakutii / F. N. Kirillov. – Moskva : Nauka, 1972. – 358 s.
8. Kirillov, F. N. Promyslovaya i populyacionnye aspekty ryb Vilyujskogo vodohranilishcha / F. N. Kirillov, M. M. Tyapirgjanov, A. F. Kirillov // Biologicheskie problemy Severa : materialy 6-go simpoziuma. – Yakutsk, 1974. – S. 60-67.
9. Biologiya Vilyujskogo vodohranilishcha / F. N. Kirillov, A. F. Kirillov, T. M. Labutina [i dr.]. – Novosibirsk : Nauka, 1979. – 271 s.
10. Moiseenko, T. I. Vodnaya ekotoksikologiya : teoreticheskie i prikladnye aspekty / T. I. Moiseenko. – Moskva : Nauka, 2009. – 400 s.

11. Olovin, B. A. Tekhnogennyye izmeneniya prirodnykh usloviy v sisteme gidrouzel – sreda na Krajnem Severe / B. A. Olovin, B. I. Kolmakov, V. I. Fedoryak // Vliyanie GES na okruzhayushchuyu sredu v usloviyakh Krajnego Severa : sbornik nauchnykh trudov. – Yakutsk : YAF SO AN SSSR, 1987. – S. 42-57.
12. Ekologiya bassejna reki Vilyuj: promyshlennoe zagryaznenie / D. D. Savvinov, M. M. Tyaptirgyanov, V. G. Krivoshepkin [i dr.]. – Yakutsk : YANC SO RAN, 1992. – 119 s.
13. Tyaptirgyanov, M. M. Izmenenie rybnogo naseleniya presnovodnykh vodoemov Yakutii v usloviyakh antropogennogo zagryazneniya / M. M. Tyaptirgyanov. – Moskva : POLIGRAF-PLYUS, 2016. – 308 s.
14. Tyaptirgyanov, M. M. Vliyanie kachestva vody na ihtiofaunu nizhnego b'efa reki Vilyuj / M. M. Tyaptirgyanov, A. F. Kirillov, S. V. Larionov // Voprosy regional'noj gigieny, sanitarii i epidemiologii. – Yakutsk, 1990. – S. 225-227.
15. Tyaptirgyanov, M. M. Promyshlennoe zagryaznenie i mikroelementoz / M. M. Tyaptirgyanov, V. G. Krivoshepkin // Aktual'nye problemy ekologii YAASSR. – Yakutsk, 1990. – S. 76-78.
16. Tyaptirgyanov, M. M. K prognozu sostoyaniya zooplanktona v Adychanskom vodohranilishche / M. M. Tyaptirgyanov, V. A. Sokolova, S. V. Larionova // Voprosy regional'noj gigieny, sanitarii i epidemiologii. – Yakutsk, 1990. – S. 231-233.
17. Tyaptirgyanova, V. M. Vliyanie kachestva vody v vodoemakh Yakutii na organizm ryb : na primere rr. Vilyuj, Hroma, Indigirka i Kolyma / V. M. Tyaptirgyanova, M. M. Tyaptirgyanov // Yakutskij medicinskij zhurnal. – Yakutsk : YANC KMP SO RAMN, 2014. – № 3 (47). – S. 66-69.
18. Tyaptirgyanov, M. M. Ocenka kachestva vody reki Kolyma na vodnuyu biotu / M. M. Tyaptirgyanov, V. M. Tyaptirgyanova, A. V. Chernyh // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. – Belgorod : Epicentr, 2016. – № 5. – T. 2. – S. 115-119.
19. Dyakina, N. N. The new fish species in the water bodies of Kaluga region / N. N. Dyakina, V. V. Korolev, Ya. S. Reshetnikov // III International Simposium Invasion of allian species in Holartic (Borok-3). 5-9 October 2010. Myshkin-Borok. Russia. – Programme and Book of Abstracts. – 2010. – P. 42.
20. Novel relationships among lampreys (Petromyzontiformes) revealed by a taxonomically comprehensive molecular dataset / N. J. Lang, K. J. Roe, C. B. Renaud [et al.] // Trans. American Fishery Society. – 2009. – V. 72. – P. 41-55.
21. A planktivorous specialist turns rapacious: piscivory in invading vendace *C. albula* / S. Liso., R. O. Gjeland, Yu. S. Reshetnikov [et al.] // J. Fish Biolog. – 2011. – Vol. 78. – P. 332-337.
22. Wiley, E. O. A teleost classification based on monophyletic groups / E. O. Wiley, G. D. Johnson // Origin and phylogenetic interrelationships of teleost (Nelson J.S., Schultze H.-P., Wilson M.V.H., eds.). – Munchen : Verlag Dr. Friedrich Pfeil., 2010. – P. 123-182.

УДК 53.05

П. Ю. Гололобов, Г. С. Павлов

Временной ход полусуточных вариаций интенсивности космических лучей по данным наземных детекторов за 1971–2021 гг.

Институт космофизических исследований и аэронауки им. Ю.Г. Шафера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. Регистрируемые наземными детекторами галактические космические лучи (КЛ) по пути своего распространения подвергаются воздействию основного воздействующего фактора – солнечного ветра, заполняющего всю гелиосферу. Модуляция космических лучей гелиосферой приводит к образованию их анизотропного пространственно-углового распределения в межпланетном пространстве. В данных наземных детекторов КЛ такая анизотропия проявляет себя вследствие вращения Земли вокруг своей оси в виде периодических суточных колебаний регистрируемой интенсивности. Параметры таких колебаний определяются состоянием солнечной активности (СА) и соответствующими изменениями крупномасштабной структуры. Как правило, амплитуда подобных колебаний мала и составляет лишь сотые доли от общего потока КЛ. Однако анизотропия КЛ служит важным источником информации о свойствах и структуре всей гелиосферы. Существующая на сегодня картина модуляции КЛ в гелиосфере предполагает существование их избытка с направлений поперек силовых линий межпланетного магнитного поля (ММП). Экспериментальные данные подтверждают такую картину, и в среднем максимум колебаний наблюдается как раз в 3 и 15 ч по местному времени. Учитывая, что направление силовых линий поля сохраняется почти неизменным, справедливо ожидать, что указанное выше время максимума должно оставаться также неизменным. Однако длительные наблюдения показали, что в зависимости от уровня СА время максимума может существенно смещаться

ГОЛОЛОБОВ Петр Юрьевич – м. н. с., Институт космофизических исследований и аэронауки им. Ю.Г. Шафера СО РАН.

E-mail: gpeter@ikfia.ysn.ru

GOLOBOV Petr Yurievich – Junior Researcher High energy cosmic ray laboratory Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

ПАВЛОВ Гавриил Сергеевич – м. н. с. лаборатории космических лучей высоких энергий, ИКФИА им. Ю.Г. Шафера СО РАН.

E-mail: ganya1981@mail.ru

PAVLOV Gavriil Sergeevich – Junior Researcher High energy cosmic ray laboratory Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

на раннее время. Данная работа представляет собой попытку объяснения наблюдаемых амплитудно-фазовых колебаний полусуточных вариаций интенсивности КЛ. На основе актуальных представлений о взаимодействии КЛ с атмосферой Земли и геомагнитным полем проведены расчеты ожидаемых полусуточных вариаций интенсивности КЛ, регистрируемых мировыми сетями мюонных детекторов и нейтронных мониторов. Сопоставление расчетных и наблюдательных данных показало, что наблюдаемое смещение возможно объяснить динамикой энергетического спектра полусуточных вариаций КЛ. Полученный результат подтверждает и дополняет полученные ранее другими авторами результаты, а также ее можно рассматривать как указание для дальнейшего развития теории гелиосферной модуляции КЛ.

Ключевые слова: космические лучи, полусуточные вариации, анизотропия КЛ, энергетический спектр, межпланетное магнитное поле, мюонный телескоп, нейтронный монитор, солнечная активность, гелиосфера, вторичные КЛ, атмосфера.

Работа в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации №АААА-А21-121011890014-0 с использованием оборудования уникальной научной установки «Российская национальная наземная сеть станций космических лучей». Авторы благодарны центру данных по космической физике NASA/GSFC (<https://omniweb.gsfc.nasa.gov/>), базам данных WDCCR (<https://cidas.isee.nagoya-u.ac.jp/WDCCR/>) университета Нагоя, Япония и GMDN (<http://cosray.shinshu-u.ac.jp/crest>) университета Синсю, Япония за предоставленные данные.

DOI 10.25587/e8425-8852-9054-g

P. Yu. Gololobov, G. S. Pavlov

Time course of semidiurnal variations in the intensity of cosmic rays according to the data of ground-based detectors for 1971-2021.

Federal State Budgetary Scientific Institution Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

Abstract. Galactic cosmic rays (CR) registered by ground-based detectors are subjected to the main influencing factor along their propagation path - the solar wind, which fills the entire heliosphere. Modulation of CR by the heliosphere leads to the formation of their anisotropic spatial-angular distribution in interplanetary space. In the data of ground-based detectors, such anisotropy manifests itself, due to the rotation of the Earth around its axis, in the form of periodic daily fluctuations in the registered intensity. The parameters of such fluctuations are determined by the state of solar activity and the corresponding changes in the large-scale structure. As a rule, the amplitude of such oscillations is small and amounts to only hundredths of the total flux of CR. However, the anisotropy of CR is an important source of information about the properties and structure of the entire heliosphere. The current picture of modulation of CR in the heliosphere suggests the existence of their excess from directions across the lines of force of the interplanetary magnetic field. Experimental data confirm this picture and, on average, the maximum of fluctuations is observed within 3 and 15 hours local time. Considering that the direction of the field lines remains almost unchanged, it is fair to expect that the aforementioned maximum time should also remain unchanged. However, long-term observations have shown that, depending on the level of solar activity, the time of the maximum can significantly shift to an earlier time. This paper is an attempt to explain the observed amplitude-phase oscillations of semidiurnal variations in the intensity of cosmic rays. Based on current ideas about the interaction of CR with the Earth's atmosphere and the geomagnetic field, calculations of the expected semidiurnal variations in the intensity of CR recorded by world networks of muon detectors and neutron monitors have been carried out. Comparison of the calculated and observational data has shown that the observed shift can be explained by the dynamics of the energy spectrum of semidiurnal CR variations. The result obtained confirms and

supplements the results obtained earlier by other authors, and it can also be considered as an indication for the further development of the theory of heliospheric CR modulation.

Keywords: cosmic rays, semidiurnal variations, energy spectrum, CR anisotropy, interplanetary magnetic field, muon telescope, neutron monitor, solar activity, heliosphere, secondary CR, atmosphere.

The study was done under the project of the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation №AAAA-A21-121011890014-0 with the use of the Unique Research Facility “Russian National Ground Network of Cosmic Ray Stations”. Authors express gratitude to the Space Physics Data Facility of NASA at the Goddard Space Flight Center, USA (<https://omniweb.gsfc.nasa.gov>), WDCCR database at Nagoya University, Japan (<https://cidas.isee.nagoya-u.ac.jp/WDCCR/>), and the Global Muon Detection Network station at Shinshu University, Japan (<http://cosray.shinshu-u.ac.jp/crest>) for the provided data.

Введение

Гелиосферная модуляция КЛ имеет анизотропный характер и вследствие вращения Земли вокруг своей оси регистрируется наземными детекторами в виде периодических суточных колебаний. Существование второго углового момента этой анизотропии подтверждается наличием 12-часовой гармоник суточных вариаций интенсивности КЛ, регистрируемых наземными детекторами. Как правило, амплитуды таких колебаний малы и составляют порядка 0,1% и фазу около 3 и 15 ч по местному времени [1].

С обнаружения этого явления во второй половине прошлого столетия проводились попытки его теоретического осмысления, которые привели к возникновению нескольких успешных гипотез. В частности, эти теории представлены в ряде работ [2–8]. Не вдаваясь в детали, отметим, что физические механизмы, предлагаемые в этих работах, исходили из представлений о распространении КЛ в гелиосфере и объясняли избыток частиц поперек силовых линий ММП. При этом очевидно, что фаза вариаций должна была оставаться практически неизменной, так как закрутка силовых линий ММП слабо меняется со временем. Действительно, фаза полусуточных вариаций КЛ в основном не испытывает существенных изменений с циклами солнечной активности. Однако, как было обнаружено в ходе мониторинга состояния углового распределения КЛ на сайте https://www.ysn.ru/~starodub/SpaceWeather/global_survey_real_time.html, фаза полусуточных вариаций КЛ преимущественно была направлена на раннее время, около 0-1 ч по местному времени. Действительно, обработка длительного ряда экспериментальных данных показывает, что подобное смещение фазы наблюдается в периоды минимумов СА в эпоху положительной полярности ОМПС (рис. 1). Такое явление выходит за рамки существующих теорий образования полусуточных вариаций КЛ. Данная работа представляет собой попытку объяснения наблюдаемых амплитудно-фазовых колебаний полусуточных вариаций интенсивности КЛ.

Материалы и методы исследования

Традиционные детекторы КЛ (нейтронные мониторы и мюонные телескопы) регистрируют т. н. «вторичные КЛ» – продукты взаимодействия КЛ с веществом атмосферы. Количество сгенерированных вторичных частиц (множественность) определяется энергией первичной частицы и растет с ее ростом. С другой стороны, поток КЛ в межпланетном пространстве уменьшается с ростом энергии. Совокупность этих факторов определяет чувствительность детектора к энергии КЛ, которая отражена в понятии коэффициентов связи, впервые предложенном Дорманом [9]. На сегодняшний

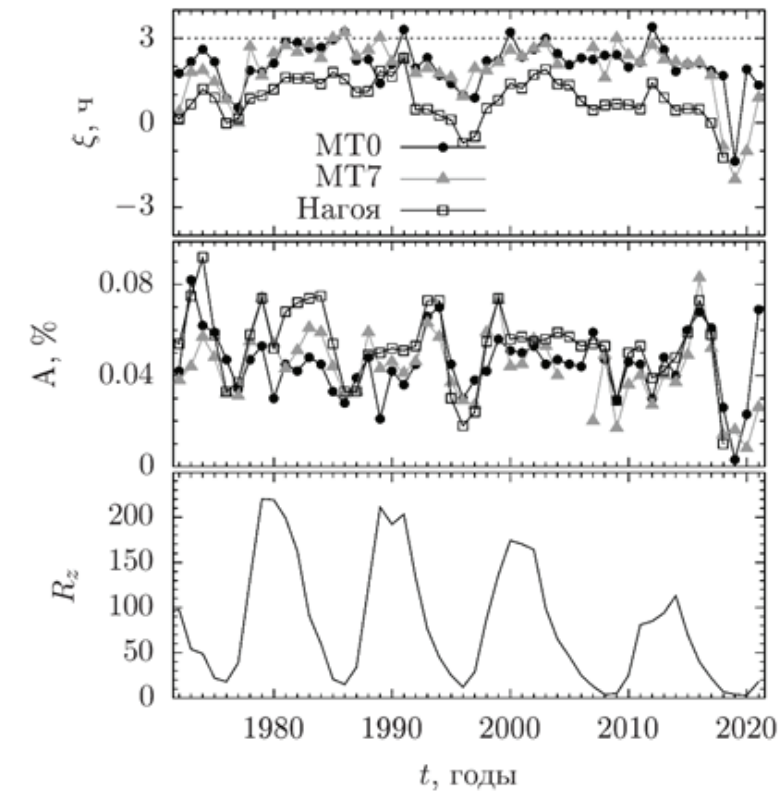

Рис. 1. Амплитуда (A) и фаза (ξ) полусуточных вариаций интенсивности КЛ по данным МТ Якутского спектрографа КЛ на уровнях 0 и 7 м в.э. и МТ станции Нагоя за 1972–2021 гг. В нижней панели представлено число солнечных пятен Вульфа (R_z) согласно базе данных OMNI [1]

день коэффициенты связи для большинства наземных детекторов КЛ можно считать известными. С исследованиями по определению коэффициентов связи можно ознакомиться, например, в работах [10–14].

Являясь заряженными частицами, КЛ испытывают воздействие геомагнитного поля. В основном это приводит к искривлению траекторий их движения и сносу полей. Как правило, величина сноса может быть отражена в т. н. асимптотических углах прихода частиц, связывающих направления прихода частиц к поверхности Земли и их точку входа в геомагнитное поле. Кроме того, геомагнитное поле также выполняет роль экранирования КЛ в результате возникновения в ней запрещенных траекторий. В результате возникают т. н. геомагнитные жесткости обрезания R_c , устанавливающие нижний предел жесткости заряженных частиц для достижения поверхности Земли. В грубом приближении можно сказать, что значение R_c увеличивается в направлении от полюсов к экватору Земли.

Расчет траекторий КЛ в геомагнитном поле производится путем численного интегрирования уравнений движения заряженных частиц в магнитных полях, описанного в [15], а также в [16]. Для задачи геомагнитного поля нами было использовано Международное геомагнитное аналитическое поле IGRF (<https://www.ngdc.noaa.gov/IAGA/vmod/igrf.html>).

Взаимодействие КЛ с атмосферой Земли и геомагнитным полем приводит к тому, что вариации ее интенсивности, наблюдаемые наземными детекторами, отличаются от тех, которые наблюдаются в межпланетной среде. Для учета этого эффекта мы будем основываться на идее приемных векторов, предложенных якутскими космофизиками

в 1960-х гг. [17, 18]. В основе метода лежат указанные выше представления о взаимодействии КЛ с геомагнитным полем и атмосферой Земли. При этом также учитываются и индивидуальные особенности геометрии детектора, определяемые диаграммами направленности $N(\theta, \varphi)$. В общем виде выражение для определения приемных векторов имеет вид:

$$z_n^m = \frac{\int_{E_{min}}^{\infty} \int_0^{2\pi} \int_0^{\pi/2} W(E, \theta) f_n(E) N(\theta, \varphi) \sin\theta e^{im\psi(E, \theta, \varphi)} P_n^m[\sin\theta] (E, \theta, \varphi) dE d\theta d\varphi}{\int_{E_{min}}^{\infty} \int_0^{2\pi} \int_0^{\pi/2} W(E, \theta) N(\theta, \varphi) \sin\theta dE d\theta d\varphi}, \quad (1)$$

где E, θ, φ — энергия, географическая долгота и широта, $W(E, \theta)$ — коэффициенты связи, Φ, Ψ — асимптотические углы прихода частиц, $f_n(E)$ — энергетический спектр вариаций.

В итоге амплитуды и фазы первичных (A, ξ) и, соответственно, ожидаемых вторичных (A_i', ξ_i') вариаций, наблюдаемых на i -м детекторе КЛ, будут связаны выражениями $A_i' = A\sqrt{\chi_{n,i}^{m2} + y_{n,i}^{m2}}$ и $\xi - \xi_i' = \arctan y_{n,i}^m / \chi_{n,i}^m$, соответственно.

Единственным параметром в выражении (1), свободным и неизвестным для нас, остается $f_n(E)$. Игнорируя различные теоретические предполагаемые виды спектров, будем грубо предполагать его плоским с верхним E_1 и нижним E_0 порогами обрезания: $f(E) = 1$ при $E_0 \leq E \leq E_1$, $f(E) = 0$ при $E < E_0$ и $E > E_1$.

Теперь, подбирая значения E_1 и E_0 можно с помощью метода наименьших квадратов добиться наилучшего согласия рассчитанных данных A_i' и ξ_i' с реальными наблюдаемыми данными. При этом будем ограничивать фазу первичных вариаций ξ в пределах 1,5–4,5 ч по местному времени, опираясь на результаты исследований Смита и Бибера [19] об изменениях закрутки силовых линий ММП с циклами солнечной активности. Это позволит объяснить вариации фазы полусуточных вариаций КЛ, не противореча существующим теориям.

Для охвата наибольшего энергетического диапазона привлечем к анализу данные низкоширотных и высокоширотных нейтронных мониторов, а также мюонные телескопы, расположенные на разных уровнях под Землей. Список использованных детекторов КЛ представлен в табл.

Таблица

№	Станция	Географические координаты	высота над уровнем моря, м / глубина, м в.э.	Жесткость геомагнитного обрезания, ГВ
Нейтронные мониторы				
1	Апатит	67.55N 33.33E	177 / 0	0.57
2	Клаймакс	39.37N 106.18W	3400 / 0	2.99
3	Ломницкий штит	49.20N 20.22E	2634 / 0	3.98
4	Якутск	62.01N 129.43E	105 / 0	1.65
5	Туле	76.50N 68.7W	26 / 0	0.00
6	Рим	41.90N 12.52E	60 / 0	6.32
7	Халеакала	20.72N 156.27W	3030 / 0	12.91
Мюонные телескопы				
8	Нагоя	35.15N 136.97E	77 / 0	11.50
9	Якутск	62.01N129.43E	105 / 0	01.65
10			105 / 7	
11			105 / 20	
12	Мисато	36.12N 137.50E	735 / 30	11.39
13	Сакашита	35.58N 137.53E	334 / 80	11.50
14	Матсуширо	35.15N 136.97E	408 / 220	11.50

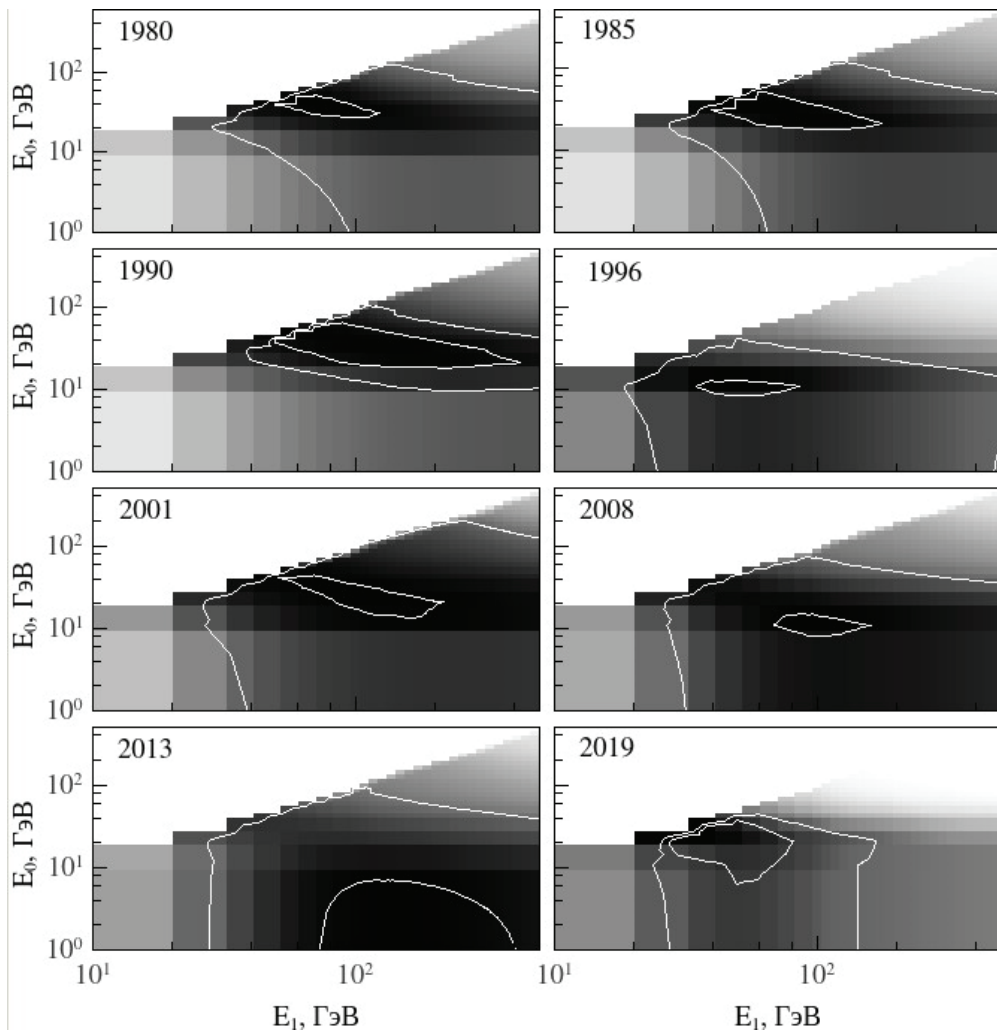

Рис. 2. Контурная карта минимальных отклонений расчетных и наблюдательных данных при различных значения нижнего E_0 и верхнего E_1 порогов обрезания энергетического спектра полусуточных вариаций КЛ для периодов максимумов (1980, 1990, 2001, 2013 гг.) и минимумов (1985, 1996, 2008, 2019 гг.) солнечной активности. Переход оттенка от светлого к темному соответствует уменьшению минимальных отклонений

Результаты и обсуждение

Результаты сопоставления теоретически ожидаемых и наблюдательных значений параметров полусуточной анизотропии КЛ для различных значений E_1 и E_0 представлены на рис. 2 в виде контурных карт распределений минимальных отклонений между экспериментальными и модельными расчетами. Отдельно рассматривались периоды минимумов и максимумов СА.

Как следует из рисунка, в периоды максимумов солнечной активности спектр должен быть жестким и ограничен $\sim 30\text{--}100$ ГэВ. Немного мягким спектр наблюдается и в периоды минимумов солнечной активности в $qA < 0$ (1984–1986 гг., 2007–2009 гг.). В периоды минимумов СА при $qA > 0$ наблюдается резкое смягчение спектра, при котором спектр оказывается ограниченным сверху ~ 50 ГэВ. При этом отметим, что последний минимум СА характеризовался наиболее мягким спектром. По-видимому, это является следствием тенденции ослабления СА и соответствующего ослабления модуляции КЛ.

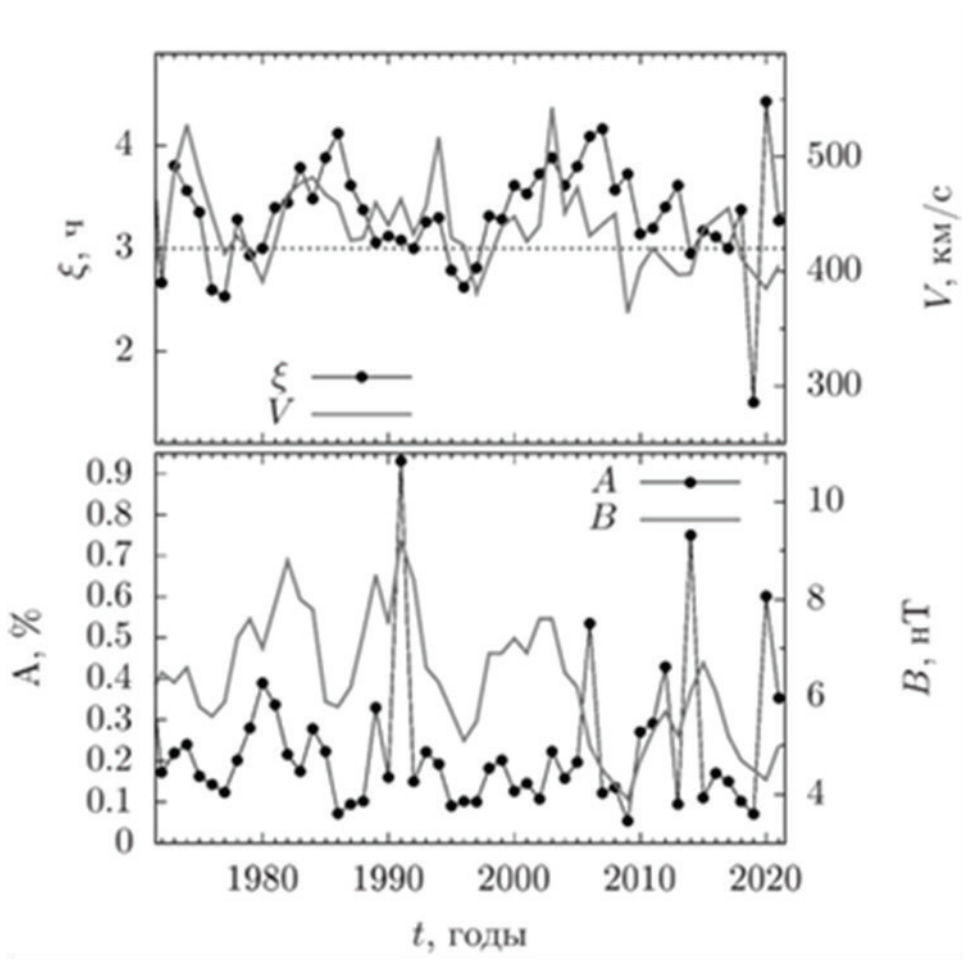

Рис. 3. Значение амплитуды и фазы полусуточной вариации КЛ A , ζ , соответствующее наилучшему согласию модельных расчетов и экспериментальных данных (кривые с точками). Также представлены значения скорости солнечного ветра V и модуля вектора ММП B согласно базе данных OMNI

Рассмотрим временной ход среднегодовых значений амплитуды A и фазы ζ полусуточной вариации КЛ, которые соответствуют наилучшему согласию модельных расчетов и наблюдательных данных, за 1971–2021 гг. Полученные значения A и ζ , а также скорость солнечного ветра и напряженность ММП представлены на рис. 3. Видно, что амплитуда A положительно коррелирует с напряженностью ММП, что может быть связано с изменением уровня модуляции КЛ. Из рисунка также следует, что фаза ζ также испытывает незначительные вариации, которые согласуются со скоростью солнечного ветра. Это связано с тем, что повышение скорости солнечного ветра сопровождается выпрямлением силовых линий ММП, и, наоборот, ее понижение — закруткой.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что наблюдаемое смещение фазы полусуточных вариаций КЛ на раннее время может удовлетворительно объясняться изменениями ее энергетического спектра. Тем не менее следует признать, что использованный нами энергетический спектр второй сферической гармоники является грубым и может сильно отличаться от действительности. В работе Крымского и др. [20] предполагалось, что наблюдаемые полусуточные вариации КЛ обусловлены

экранирующим воздействием регулярного ММП, создающего избыток частиц с направления поперек поля. При этом энергетический спектр, следующий из этой теории, имеет вид: E^{γ_1} при $E < E_{max}$ и E^{γ_2} при $E > E_{max}$, где $\gamma_1 = 1$ и $\gamma_2 = -2$, а характерная энергия E_0 определялась параметрами ММП. Анализ экспериментальных данных позволил оценить E_{max} в 70 ГэВ. Подобный спектр и значения E_{max} были также получены Зусмановичем и Миркиным в работе [21]. С другой стороны, по оценкам Алувальи и Фикани [22], показатели энергетического спектра составляли несколько другие значения $\gamma_1 = 0,7 \pm 0,3$ и $\gamma_2 = 0,4 \pm 0,2$, а E_{max} зависела от цикла СА, достигая 50 ГэВ в минимуме солнечной активности и 150 ГэВ в максимуме. Несмотря на несколько различные оценки энергетического спектра, полученные в вышеуказанных работах, в целом можно утверждать, что полусуточные вариации интенсивности КЛ должны наблюдаться в области энергий, близких к 70 ГэВ, и варьироваться в пределах 50–150 ГэВ в зависимости от цикла солнечной активности. Поэтому можно заключить, что полученные в данной работе выводы о динамике энергетического спектра полусуточной вариации КЛ с циклами СА согласуются с работами других авторов.

Заключение

Проведен анализ поведения полусуточных вариаций интенсивности КЛ, наблюдаемых наземными детекторами, за период с 1971 по 2021 гг. Показано, что наблюдаемые необычные смещения фазы вариаций на раннее время не согласуются с теоретическими представлениями. Установлено, что подобное может удовлетворительно объясняться изменениями ее энергетического спектра полусуточных вариаций КЛ. Наиболее мягкий спектр наблюдается в периоды минимумов солнечной активности при положительной полярности ОМПС. Полученный результат можно рассматривать как указание для дальнейшего развития теории гелиосферной модуляции КЛ.

Литература

1. King, J. H. Solar wind spatial scales in and comparisons of hourly Wind and ACE plasma and magnetic field data / J. H. King, N. E. Papitashvili // *Journal of Geophysical Research*. – 2005. – V. 110. – № A02104. – P. 1-8.
2. Subramanian, G. Consequences of the distribution of galactic cosmic-ray density in the solar system / G. Subramanian, V. Sarabhai // *The Astrophysical Journal*. – 1967. – V. 149. – P. 417-428. doi: 10.1086/149266.
3. Quenby, J. J. The second harmonic of the cosmic ray daily variation / J. J. Quenby, B. Lietti // *Planetary and Space Science*. – 1968. – V. 16. – P. 1209-1219. doi: 10.1016/0032-0633(68)90027-5.
4. Sarabhai, V. Anisotropy of galactic cosmic rays and the interplanetary magnetic field / V. Sarabhai, G. L. Pai, M. Wada // *Nature*. – 1965. – V. 206. – P. 703-704. doi: 10.1038/206703a0.
5. Sarabhai, V. Galactic cosmic rays in the solar system / V. Sarabhai, G. Subramanian // *The Astrophysical Journal*. – 1966. – V. 145. – P. 206-214.
6. Nagashima, K. Three-dimensional cosmic ray anisotropy in interplanetary space. Part III — Origin of Cosmic Ray Solar Semidiurnal Variation / K. Nagashima, H. Ueno, K. Fujimoto [et al.] // *Report of ionosphere and space research in Japan*. – 1972. – V. 26. – P. 1-30.
7. Nagashima, K. Three-dimensional cosmic ray anisotropy in interplanetary space. Part IV — Origin of Solar Semidiurnal Variation / K. Nagashima, K. Fujimoto, Z. Fujii [et al.] // *Report of ionosphere and space research in Japan*. – 1972. – V. 26. – P. 31-68.
8. Krivoschapkin, P. A. The second spherical harmonics in the distribution of cosmic rays / P. A. Krivoschapkin, G. F. Krymsky, A. I. Kuzmin [et al.] // *Acta Physica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1970. – V. 29. – P. 147-151.
9. Дорман, Л. И. Вариации космических лучей: монография / Л. И. Дорман. – Москва : Гостехиздат. – 1957. – 492 С.
10. Nuntiyakul, W. Latitude survey investigation of galactic cosmic ray solar modulation during 1994-2007 / W. Nuntiyakul, P. Evenson, D. Ruffolo [et al.] // *The Astrophysical Journal*. – 2014. – V. 795:11. – Issue 5. – 13 pp. doi:10.1088/0004-637X/795/1/11.

11. Крымский, Г. Ф. Модель генерации мюонов в земной атмосфере / Г. Ф. Крымский, П. А. Кривошапкин, В. Г. Григорьев // *Геомагнетизм и аэрономия*. 2011. – Т. 51. – №5. – С. 716-720.
12. Алексаньян, Т. М. Экспериментальные исследования геомагнитных эффектов в космических лучах и спектр эффекта возрастания перед магнитными бурями / Т. М. Алексаньян, И. В. Дорман, Л. И. Дорман [др.] // *Известия АН СССР. Серия физическая, журнал*. – 1982. – Т. 46. – №9. – С. 1689-1691.
13. Fujimoto, K. Coupling coefficients of the cosmic ray variations for meson telescopes / K. Fujimoto, S. Yasue, I. Kondo, K. Nagashima // *Proceedings of 15th International Cosmic Ray Conference. Budapest, Bulgaria*. – 1977. – V. 4. – P. 321-325.
14. Murakami, K. Response functions for cosmic-ray muons at various depths underground / K. Murakami, K. Nagashima, S. Sagisaka [et al.] // *Il Nuovo Cimento*. – 1979. – V. 2 C. – No. 5. – P. 635-651.
15. Дорман, Л. И. Космические лучи в магнитном поле Земли : монография / Л. И. Дорман В. С. Смирнов, М. И. Тясто. – Москва : Наука. – 1971. – 400 С.
16. Smart, D. F. Magnetospheric models and trajectory computations / D. F. Smart, M. A. Shea, E. O. Flückiger // *Space Science Reviews*. – 2000. – V. 93. – P. 305-333. doi: 10.1023/A:1026556831199.
17. Крымский, Г. Ф. Распределение космических лучей и приемные векторы детекторов. I / Г. Ф. Крымский, А. И. Кузьмин, Н. П. Чирков [и др.] // *Геомагнетизм и аэрономия*. – 1966. – Т. 6. – № 3. – С. 991-996.
18. Крымский, Г. Ф. Распределение космических лучей и приемные векторы детекторов. II / А. И. Кузьмин, Н. П. Чирков, П. А. Кривошапкин [и др.] // *Геомагнетизм и аэрономия*. – 1967. – Т. 7. – № 1. – С. 11-15.
19. Smith, C. W. Solar cycle variations of the interplanetary magnetic field spiral / C. W. Smith, J. W. Bieber // *The Astrophysical Journal*. – 1991. – V. 370. – P. 435-441.
20. Космические лучи и солнечный ветер: монография / Г. Ф. Крымский А. И. Кузьмин, П. А. Кривошапкин [и др.] – Новосибирск : Наука. – 1981. – 224 с.
21. Zusmanovich, A. G. Energy Spectrum of the Semidiurnal Variation of Cosmic Rays / A. G. Zusmanovich, L. A. Mirkin // *Proc. 18Th ICRC*. – 1983. – P. 333-336.
22. Ahluwalia, H. S. Cosmic ray solar semidiurnal anisotropy. 1. Treatment of experimental data / H. S. Ahluwalia, M. M. Fikani // *Journal of Geophysical Research*. – 1996. – V. 101. – No. A5. – P. 11075-11085.

References

1. King, J. H. Solar wind spatial scales in and comparisons of hourly Wind and ACE plasma and magnetic field data / J. H. King, N. E. Papitashvili // *Journal of Geophysical Research*. – 2005. – V. 110. – № A02104. – P. 1-8.
2. Subramanian, G. Consequences of the distribution of galactic cosmic-ray density in the solar system / G. Subramanian, V. Sarabhai // *The Astrophysical Journal*. – 1967. – V. 149. – P. 417-428. doi: 10.1086/149266.
3. Quenby, J. J. The second harmonic of the cosmic ray daily variation / J. J. Quenby, B. Lietti // *Planetary and Space Science*. – 1968. – V. 16. – P. 1209-1219. doi: 10.1016/0032-0633(68)90027-5.
4. Sarabhai, V. Anisotropy of galactic cosmic rays and the interplanetary magnetic field / V. Sarabhai, G. L. Pai, M. Wada // *Nature*. – 1965. – V. 206. – P. 703-704. doi: 10.1038/206703a0.
5. Sarabhai, V. Galactic cosmic rays in the solar system / V. Sarabhai, G. Subramanian // *The Astrophysical Journal*. – 1966. – V. 145. – P. 206-214.
6. Nagashima, K. Three-dimensional cosmic ray anisotropy in interplanetary space. Part III — Origin of Cosmic Ray Solar Semidiurnal Variation / K. Nagashima, H. Ueno, K. Fujimoto [et al] // *Report of ionosphere and space research in Japan*. – 1972. – V. 26. – P. 1-30.
7. Nagashima, K. Three-dimensional cosmic ray anisotropy in interplanetary space. Part IV — Origin of Solar Semidiurnal Variation / K. Nagashima, K. Fujimoto, Z. Fujii [et al.] // *Report of ionosphere and space research in Japan*. – 1972. – V. 26. – P. 31-68.

8. Krivoschapkin, P. A. The second spherical harmonics in the distribution of cosmic rays / P. A. Krivoschapkin, G. F. Krymsky, A. I. Kuzmin [et al.] // *Acta Physica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1970. – V. 29. – P. 147-151.
9. Dorman, L. I. Variacii kosmicheskikh luchej: monografiya / L. I. Dorman. – Moskva : Gostekhizdat. – 1957. – 492 S.
10. Nuntiyakul, W. Latitude survey investigation of galactic cosmic ray solar modulation during 1994-2007 / W. Nuntiyakul, P. Evenson, D. Ruffolo [et al.] // *The Astrophysical Journal*. – 2014. – V. 795:11. – Issue 5. – 13 pp. doi:10.1088/0004-637X/795/1/11.
11. Krymskij, G. F. Model' generacii myuonov v zemnoj atmosfere / G. F. Krymskij, P. A. Krivoschapkin, V. G. Grigor'ev // *Geomagnetizm i aeronomiya*. 2011. – T. 51. – №5. – S. 716-720.
12. Aleksan'yan, T. M. Eksperimental'nye issledovaniya geomagnitnyh effektov v kosmicheskikh luchah i spektr efekta vozrastaniya pered magnitnymi buryami / T. M. Aleksan'yan, I. V. Dorman, L. I. Dorman [dr.] // *Izvestiya AN SSSR. Seriya fizicheskaya, zhurnal*. – 1982. – T. 46. – №9. – S. 1689-1691.
13. Fujimoto, K. Coupling coefficients of the cosmic ray variations for meson telescopes / K. Fujimoto, S. Yasue, I. Kondo, K. Nagashima // *Proceedings of 15th International Cosmic Ray Conference*. Budapest, Bulgaria. – 1977. – V. 4. – P. 321-325.
14. Murakami, K. Response functions for cosmic-ray muons at various depths underground / K. Murakami, K. Nagashima, S. Sagisaka [et al.] // *Il Nuovo Cimento*. – 1979. – V. 2 C. – No. 5. – P. 635-651.
15. Dorman, L. I. Kosmicheskie luchy v magnitnom pole Zemli : monografiya / L. I. Dorman V. S. Smirnov, M. I. Tyasto. – Moskva : Nauka. – 1971. – 400 S.
16. Smart, D. F. Magnetospheric models and trajectory computations / D. F. Smart, M. A. Shea, E. O. Flückiger // *Space Science Reviews*. – 2000. – V. 93. – P. 305-333. doi: 10.1023/A:1026556831199.
17. Krymskij, G. F. Raspredelenie kosmicheskikh luchej i priemnye vektory detektorov. I / G. F. Krymskij, A. I. Kuz'min, N. P. Chirkov [i dr.] // *Geomagnetizm i aeronomiya*. – 1966. – T. 6. – № 3. – S. 991-996.
18. Krymskij, G. F. Raspredelenie kosmicheskikh luchej i priemnye vektory detektorov. II / A. I. Kuz'min, N. P. Chirkov, P. A. Krivoschapkin [i dr.] // *Geomagnetizm i aeronomiya*. – 1967. – T. 7. – № 1. – S. 11-15.
19. Smith, C. W. Solar cycle variations of the interplanetary magnetic field spiral / C. W. Smith, J. W. Bieber // *The Astrophysical Journal*. – 1991. – V. 370. – P. 435-441.
20. Kosmicheskie luchy i solnechnyj veter: monografiya / G. F. Krymskij A. I. Kuz'min, P. A. Krivoschapkin [i dr.] – Novosibirsk : Nauka. – 1981. – 224 s.
21. Zusmanovich, A. G. Energy Spectrum of the Semidiurnal Variation of Cosmic Rays / A. G. Zusmanovich, L. A. Mirkin // *Proc. 18Th ICRC*. – 1983. – P. 333-336.
22. Ahluwalia, H. S. Cosmic ray solar semidiurnal anisotropy. 1. Treatment of experimental data / H. S. Ahluwalia, M. M. Fikani // *Journal of Geophysical Research*. – 1996. – V. 101. – No. A5. – P. 11075-11085.

УДК 538.958

*Е. П. Шарин***Структура и электронные свойства фторированного графена**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Графен обладает целым рядом уникальных свойств, чем и привлекает внимание многих исследователей. Кроме фундаментального интереса, связанного с «релятивистским» поведением носителей заряда, графен перспективен как материал для приборов нано-, оптоэлектроники и плазмоники. Когда мы говорим о достоинствах приборов на основе графена, в литературе везде упоминаются: высокая подвижность электронов, возможность эффективного управления электрическими и оптическими свойствами с помощью внешнего напряжения. Эффективность в данном случае обусловлена низкой плотностью электронных состояний, которая определяется линейной зависимостью энергетического спектра от волнового вектора. Основным препятствием к применению графена в электронике является отсутствие запрещенной зоны между валентной зоной и зоной проводимости. Химическая модификация графеновых слоев имеет большое значение для разработки новых материалов, поскольку она не только открывает щель между валентной зоной и зоной проводимости, но и позволяет контролировать ее ширину. Поэтому одной из областей исследований таких систем является химическая функционализация, а именно адсорбирование атомами фтора графена. В данной работе мы изучили структурные и электронные свойства фторированного графена в зависимости от концентрации атомов фтора и от их местоположения в кристаллической решетке, используя вычисления из первых принципов, основанные на теории функционала плотности. Результаты показывают, что электронные свойства фторированного графена сильно зависят от степени фторирования и местоположения атомов в кристаллической решетке.

Ключевые слова: теория функционала плотности, обобщенное градиентное приближение, обменно-корреляционный потенциал, графен, фторированный графен, структурная оптимизация, суперячейка, валентная зона, зона проводимости, запрещенная зона, зонная структура.

DOI 10.25587/q4320-9154-5425-v

*E. P. Sharin***The structure and electronic properties of fluorinated graphene**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Graphene has a number of unique properties, which attracts the attention of many researchers. In addition to the fundamental interest associated with the “relativistic” behavior of charge carriers, graphene is promising as a material for nano-, optoelectronic and plasmonic devices. When we talk

ШАРИН Егор Петрович – к. ф.-м. н., доцент кафедры теоретической физики, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: ep.sharin@s-vfu.ru

SHARIN Egor Petrovich – Docent of the Theoretical Physics Department M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

about the advantages of graphene-based devices in the literature, they everywhere mention: high electron mobility, the ability to effectively control electrical and optical properties using an external voltage. The efficiency in this case is due to the low density of electronic states arising from the linearity of the spectrum. The main obstacle to the use of graphene in electronics is the absence of a band gap between the valence and conduction bands. Chemical modification of graphene layers is of great importance for the development of new materials, since it not only opens the gap between the valence and conduction bands, but also makes it possible to control its width. Therefore, one of the areas of research for such systems is chemical functionalization, namely, the adsorption of one graphene layer by fluorine atoms. In this paper, we have studied the structural and electronic properties of fluorinated graphene depending on the concentration of adsorbed fluorine and on the location of the fluorine atom in the crystal lattice, using first principles calculations based on density functional theory. The results show that the electronic properties of a fluorinated graphene sheet strongly depend on the degree of fluorination and the location of atoms in the crystal lattice.

Keywords: density functional theory, generalized gradient approximation, exchange correlation potential, graphene, fluorinated graphene, structural optimization, supercell, valence band, conduction band, forbidden band, band structure.

Введение

Графен – это один атомный слой графита, который обладает исключительными структурными, механическими, электрическими и оптическими свойствами. Эти свойства графена делают его перспективным материалом для широкого спектра применений в гибкой электронике, нанoeлектронике, устройствах преобразования энергии и хранения [1–4]. Однако отсутствие запрещенной зоны в графене ограничивает ее применение в различных устройствах нанoeлектроники.

Химическая модификация графеновых слоев имеет большое значение для разработки новых материалов, поскольку она не только открывает щель между валентной зоной и зоной проводимости, но и позволяет контролировать ее ширину. Поэтому одной из областей исследований таких систем является химическая функционализация. Фторированный графен вызывает интерес с точки зрения получения гетероструктур с контролируемой запрещенной зоной, что может иметь большое значение для производства фотоприемников или устройств хранения. Экспериментально получен фторированный графен с различной концентрацией атома фтора и взаимного расположения атомов фтора в кристаллической решетке [5–8]. Структурные, механические и электронные свойства фторированного графена были исследованы как экспериментально, так и теоретически [8–14].

С недавних пор стало возможным контролировать ширину запрещенной зоны путем контролируемого изменения плотности фторирования. Проведены экспериментальные исследования селективного фторирования графеновых слоев путем удаления атомов фтора из графена с использованием электронного пучка [7] или локального осаждения атома фтора лазерным облучением фторополимерами [8].

В настоящей работе, используя вычисления из первых принципов, основанные на теории функционала плотности, мы исследуем кристаллическую структуру частично фторированного графена с различными концентрациями атомов фтора на его поверхности

и изучаем изменение его электронных свойств в зависимости от концентрации и взаимного расположения адсорбированных атомов на поверхности.

Метод вычисления

Все вычисления выполняются в рамках теории функционала плотности (DFT) с использованием метода псевдопотенциала на основе плоских волн, реализованного в программном пакете Quantum Espresso [15]. В расчетах по структурной оптимизации и зонной структуры применяется обменно-корреляционный потенциал (GGA) в форме Perdew-Burke-Ernzerhof (PBE). Влияние электронов атомных остовов учитывалось введением ультрамягкого псевдопотенциала Rappe-Rabe-Kaxiras-Joannopoulos. В качестве базисных функций использовались плоские волны с энергией обрезания $E_{cut} = 540$ эВ. Была использована схема генерации k-точек по методу Монкхорста-Пака [16] с плоскими сетками размерностью 16×16 . Для всех систем оптимизация базисных векторов и координат атомов выполняется путем минимизации полной энергии. Структурная оптимизация была проведена с использованием алгоритма Бройдена-Флетчера-Гольфарда-Шанно (Broyden-Fletcher-Goldfarb-Shanno, BFGS) до тех пор, пока остаточные силы на атомах не будут ниже 10^{-4} эВ/Å. Чтобы избежать взаимодействия между слоями соседних фторированных графеновых слоев, в суперячейке используется вакуумное пространство 15 Å в направлении z , перпендикулярной атомной плоскости. В этой работе мы исследуем фторированный графен при различных концентрациях атомов фтора, который обозначается как CH_x , где $x = \frac{n_F}{n_C}$. Здесь n_F – число атомов фтора, n_C – число атомов углерода. Величина x характеризует степень адсорбции графена атомами фтора. Чтобы моделировать свойства фторированного CH_x , мы используем суперячейки, размеры которых приведены в таблице.

Таблица

Фторированный графен, CH_x	Концентрация, $x = n_F / n_C$	Размер ячеек
$CH_{0.111}$	2/18	3x3
$CH_{0.125}$	1/18	3x3
$CH_{0.167}$	3/18	3x3
$CH_{0.222}$	4/18	3x3
$CH_{0.25}$	2/8	2x2

Результаты и обсуждение

В элементарной ячейке графена содержится два атома углерода, которые условно можно обозначить как А и В. При сдвиге на векторы трансляций образуются две подрешетки, состоящие из эквивалентных атомов. Как известно, в графене атомы углерода взаимодействуют друг с другом посредством sp^2 связей. Добавление атомов фтора к атомам углерода с sp^2 гибридизацией изменяет их состояние на sp^3 гибридизацию, которая существенно влияет на электронные свойства и локальную структуру материала. Однако при этом сохраняется двумерная гексагональная симметрия. Такие структурные изменения могут привести к открытию нулевой запрещенной зоны графена. Было показано [17], что подвижность носителей заряда для графена полностью адсорбированного атомами фтора (фтораграфен) на 3 порядка меньше по сравнению с графеном, и он ведет себя как изолятор с минимальной прямой запрещенной зоной в точке Г.

В этой работе мы изучаем однослойный графен, адсорбированный атомами фтора только с одной стороны, предполагая, что с другой стороны будет находиться подложка. Если атомы фтора связаны с атомами углерода, расположенными на одной и той же подрешетке, то такую конфигурацию называют АА-конфигурацией. Если атомы фтора связаны с атомами углерода из разных подрешеток, то такую конфигурацию называют АВ-конфигурацией. Когда для данной суперячейки рассматривается только один атом фтора, то все атомы фтора в кристаллической решетке связаны с атомами углерода, принадлежащими к одной и той же подрешетке. Такая система обозначается как CF_x^{AA} . Эффект симметрии подрешеток может быть исследован только тогда, когда рассматривается несколько F-атомов на элементарную ячейку и обозначение CF_x^{AB} используется для системы с атомами углерода из А и В подрешеток, химически связанными с атомами F. Устойчивость односторонне фторированного графена в зависимости от концентрации фтора и его положения относительно решетки графена подробно изучена в [10]. Наиболее устойчивая структура с односторонней адсорбцией наблюдается при $x = 0.25$, т. е. для структуры $CH_{0.25}$ [11, 12]. Функционализация графена атомами фтора деформирует плоскую структуру и модифицирует гибридизацию связей С-С атомов. Гибридизацию можно исследовать по структурным параметрам, таким как углы связи F-C и C-C (для атомов С, участвующих в связях С-F). Оптимизированная атомная структура системы $C_8F_2^{AA}$, содержащая два атома фтора, адсорбированных на атомах углерода, расположенных на одной подрешетке, изображена на рис. 1. Длины связей между двумя одинаковыми атомами углерода изменяются от 1.389 Å до 1.428 Å, а длины связей между атомом углерода и атомом, где адсорбирован атом фтора, – от 1.463 Å до 1.482 Å. Углы между атомами в соте, где находятся адсорбированные атомы фтора, изменяются от 115.3° до 119.9°.

На рис. 2 показана оптимизированная структура системы $C_8F_2^{AB}$, содержащая два атома фтора, адсорбированных на атомах углерода, расположенных на разных подрешетках. В этом случае длины связей между двумя одинаковыми атомами углерода меняются от 1.378 Å до 1.413 Å, а длины связей между атомом углерода и атомом, где адсорбирован атом фтора, не меняются и равны 1.492 Å. Углы между атомами в соте, где находятся адсорбированные атомы фтора, меняются от 113.7° до 119.4°.

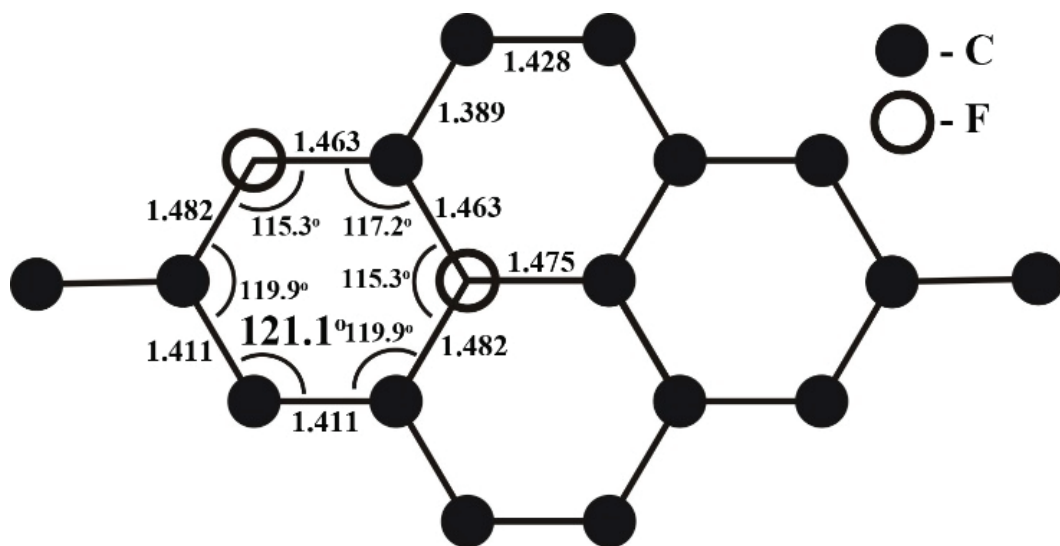

Рис. 1. Оптимизированная атомная структура системы $C_8F_2^{AA}$, содержащая два атома фтора, адсорбированных на атомах углерода, расположенных на одной подрешетке. С и F атомы представлены черными и белыми кругами (шарами). Расстояния между атомами даны в ангстремах

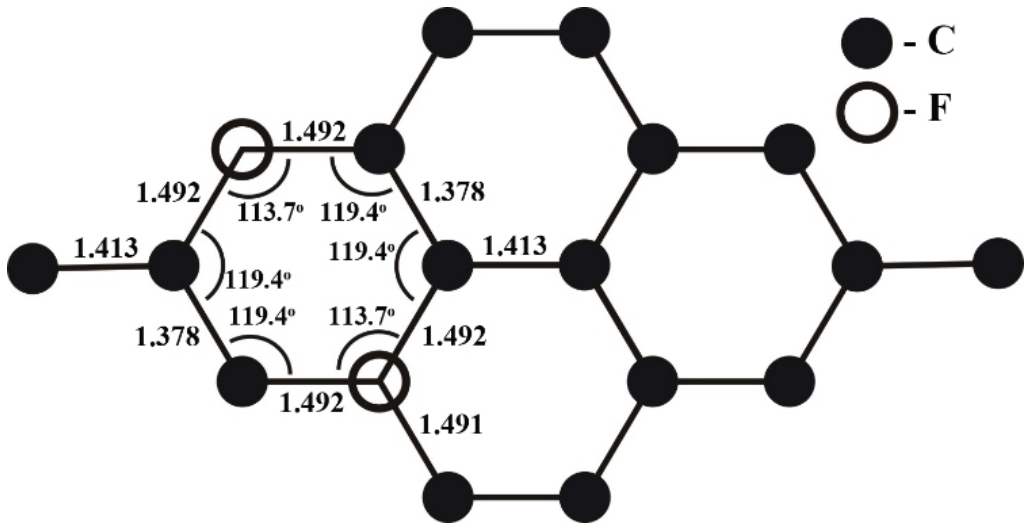

Рис. 2. Оптимизированная атомная структура системы $C_8F_2^{AB}$, содержащая два атома фтора, адсорбированных на атомах углерода, расположенных на разных подрешетках. С и F атомы представлены черными и светлыми кругами (шарами). Расстояния между атомами даны в ангстремах

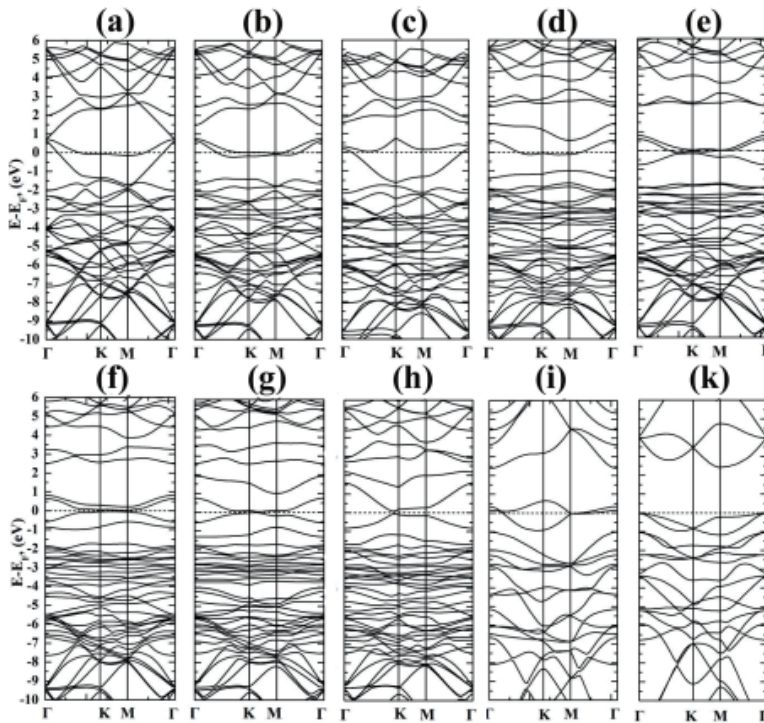

Рис. 3. Зонные структуры (a) $CF_{0.125}$, (b) $CF_{0.111}^{AA}$, (c) $CF_{0.111}^{AB}$, (d) $CF_{0.167}^{AAA}$, (e) $CF_{0.167}^{AAB}$, (f) $CF_{0.222}^{AAAA}$, (g) $CF_{0.222}^{AAAB}$, (h) $CF_{0.222}^{AABB}$, (i) $CF_{0.25}^{AA}$ (k) $CF_{0.25}^{AB}$

Перейдем теперь к анализу зонных структур CF систем. Электронное поведение сильно зависит от расположения атомов F в элементарной ячейке. На рис. 3 показаны

зонные структуры различных графеновых систем, адсорбированных атомами F: (a) – зонная структура для системы с одним адатомом F в суперячейке графена 3×3 $CF_{0.125}$, (b) и (c) – зонные структуры для систем с двумя F-адатомами в суперячейке графена 3×3 $CF_{0.111}^{AA}$, и $CF_{0.111}^{AB}$, соответственно; (d) и (e) – зонные структуры для систем с тремя адатомами F в суперячейке графена 3×3 $CF_{0.167}^{AAA}$, $CF_{0.167}^{AAB}$, соответственно; (f), (g) и (h) – зонные структуры для систем с четырьмя адатомами F в суперячейке графена 3×3 $CF_{0.222}^{AAAA}$, $CF_{0.222}^{AAAB}$ и $CF_{0.222}^{AABB}$, соответственно; (i) и (k) – зонные структуры для систем с двумя адатомами F в суперячейке графена 2×2 $CF_{0.25}^{AA}$ и $CF_{0.25}^{AB}$, соответственно.

Как видно из рис. 3, зонная структура зависит не только от концентрации адатома F, но и от подрешетки, к которой прикреплен адатом. Например, структуры $CF_{0.125}$, $CF_{0.111}^{AA}$, $CF_{0.111}^{AB}$, $CF_{0.167}^{AAA}$, $CF_{0.167}^{AAB}$, $CF_{0.222}^{AAAB}$ и $CF_{0.25}^{AA}$ имеют почти плоские зоны, пересекающие уровень Ферми. Эти системы являются системами с металлической проводимостью. Системы $CF_{0.222}^{AAAA}$, $CF_{0.222}^{AABB}$ и $CF_{0.25}^{AB}$ являются полупроводниками, с шириной запрещенной щели 0,06 эВ, 0,11 эВ и 2,7 эВ, соответственно.

Заключение

Мы использовали метод первых принципов в теории функционала плотности для изучения структурных и электронных свойств фторированных графенов с различным покрытием фтора. Установлено, что электронные свойства графена могут быть изменены путем поглощения различных количеств адатомов фтора. Графен – это немагнитный полуметалл, который может быть превращен либо в полупроводник, либо в металл в зависимости от концентрации адсорбированных атомов фтора. Настоящее исследование показывает, что адсорбция фтора на поверхности графена является многообещающим подходом к изменению свойств графена.

Литература

1. Geim, A. The rise of grapheme / A. Geim, K. Novoselov // Nature Materials. – 2007. – Vol. 6. – P. 183–191. – URL: <http://dx.doi.org/10.1038/nmat1849>.
2. Pendry, J. Negative Refraction for Electrons? // Science. – 2007. – Vol. 315. – P. 1226–1227.
3. Popinciuc, M. Electronic spin transport in graphene field-effect transistors / M. Popinciuc [et al.] // Physical Review B. – 2009. – Vol. 80. – №. 21. – P. 214427. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.80.214427>
4. Seol, J. H. Two-dimensional phonon transport in supported grapheme / J. H. Seol [et al.] // Science. – 2010. – Vol. 328. – №. 5975. – P. 213–216. – DOI: 10.1126/science.1184014
5. Charlier, J. C. First-principles study of the electronic properties of graphite / J. C. Charlier, X. Gonze, J. Michenaud // Physical Review B. – 1991. – Vol. 43. – №. 6. – P. 4579. DOI: 10.1103/physrevb.47.16162.
6. Theoretical analysis of the chemical bonding and electronic structure of graphene interacting with group ia and group viia elements / M. Klinterbarg, S. Lebegue, M. Katsnelson, O. Eriksson // Physical Review B. – 2010. – Vol. 81. – P. 085433–085438. DOI: 10.1103/PhysRevB.81.085433
7. First-principles investigation of graphene fluoride and graphane / O. Leenaerts [et al.] // Physical Review B. – 2010. – Vol. 82. – №. 19. – P. 195436.
8. Markevich, A. Doping of fluorographene by surface adsorbates / A. Markevich, R. Jones, P. R. Briddon // Physical Review B. – 2011. – Vol. 84. – №. 11. – P. 115439. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.84.115439>
9. Reversible fluorination of graphene: Evidence of a two-dimensional wide bandgap semiconductor / Cheng S. H. [et al.] // Physical Review B. – 2010. – Vol. 81. – №. 20. – P. 205435. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.81.205435>.
10. Selective-area fluorination of graphene with fluoropolymer and laser irradiation / Lee W. H. [et al.] // Nano letters. – 2012. – Vol. 12. – №. 5. – P. 2374–2378.
11. Withers F. [et al.] // Nanopatterning of fluorinated graphene by electron beam irradiation / F. Withers [et al.] // Nano letters. – 2011. – Vol. 11. – №. 9. – P. 3912–3916.
12. Santos, H. Fluorine adsorption on single and bilayer graphene: role of sublattice and layer decoupling / H. Santos, L. Henrard // The Journal of Physical Chemistry C. – 2014. – Vol. 118. – №. 46. – P. 27074–27080.

13. Wang, Z. Fluorine adsorption on the graphene films: from metal to insulator / Z. Wang [et al.] // *Computational Materials Science*. – 2015. – Vol. 97. – P. 14-19.
14. Electronic and magnetic properties of fluorinated graphene with different coverage of fluorine / Liu H. Y. [et al.] // *The Journal of Physical Chemistry C*. – 2012. – Vol. 116. – №. 34. – P. 18193-18201.
15. QUANTUM ESPRESSO: a modular and open-source software project for quantum simulations of materials / P. Giannozzi [et al.] // *Journal of physics: Condensed matter*. – 2009. – Vol. 21. – №. 39. – P. 395502.
16. Monkhorst, H. J. Special points for Brillouin-zone integrations / H. J. Monkhorst, J. D. Pack // *Physical review B*. – 1976. – Vol. 13. – №. 12. – P. 5188.
17. Karlický, F. Halogenated Graphenes: Rapidly Growing Family of Graphene Derivatives / F. Karlický [et al.] // *ACS Nano*. – 2013. – Vol. 7. – No. 8. – P. 6434–6464.

References

1. Geim, A. The rise of grapheme / A. Geim, K. Novoselov // *Nature Materials*. – 2007. – Vol. 6. – P. 183–191. – URL: <http://dx.doi.org/10.1038/nmat1849>.
2. Pendry, J. Negative Refraction for Electrons? // *Science*. – 2007. – Vol. 315. – P. 1226–1227.
3. Popinciuc, M. Electronic spin transport in graphene field-effect transistors / M. Popinciuc [et al.] // *Physical Review B*. – 2009. – Vol. 80. – №. 21. – P. 214427. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.80.214427>
4. Seol, J. H. Two-dimensional phonon transport in supported grapheme / J. H. Seol [et al.] // *Science*. – 2010. – Vol. 328. – №. 5975. – P. 213-216. – DOI: 10.1126/science.1184014.
5. Charlier, J. C. First-principles study of the electronic properties of graphite / J. C. Charlier, X. Gonze, J. Michenaud // *Physical Review B*. – 1991. – Vol. 43. – №. 6. – P. 4579. DOI: 10.1103/physrevb.47.16162.
6. Theoretical analysis of the chemical bonding and electronic structure of graphene interacting with group ia and group viia elements / M. Klintenberg, S. Lebegue, M. Katsnelson, O. Eriksson // *Physical Review B*. – 2010. – Vol 81. – P. 085433–085438. DOI: 10.1103/PhysRevB.81.085433.
7. First-principles investigation of graphene fluoride and graphane / O. Leenaerts [et al.] // *Physical Review B*. – 2010. – Vol. 82. – №. 19. – P. 195436.
8. Markevich, A. Doping of fluorographene by surface adsorbates / A. Markevich, R. Jones, P. R. Briddon // *Physical Review B*. – 2011. – Vol. 84. – №. 11. – P. 115439. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.84.115439>.
9. Reversible fluorination of graphene: Evidence of a two-dimensional wide bandgap semiconductor / Cheng S. H. [et al.] // *Physical Review B*. – 2010. – Vol. 81. – №. 20. – P. 205435. – URL: <https://doi.org/10.1103/PhysRevB.81.205435>.
10. Selective-area fluorination of graphene with fluoropolymer and laser irradiation / Lee W. H. [et al.] // *Nano letters*. – 2012. – Vol. 12. – №. 5. – P. 2374-2378.
11. Withers F. [et al.] // Nanopatterning of fluorinated graphene by electron beam irradiation / F. Withers [et al.] // *Nano letters*. – 2011. – Vol. 11. – №. 9. – P. 3912-3916.
12. Santos, H. Fluorine adsorption on single and bilayer graphene: role of sublattice and layer decoupling / H. Santos, L. Henrard // *The Journal of Physical Chemistry C*. – 2014. – Vol. 118. – №. 46. – P. 27074-27080.
13. Wang, Z. Fluorine adsorption on the graphene films: from metal to insulator / Z. Wang [et al.] // *Computational Materials Science*. – 2015. – Vol. 97. – P. 14-19.
14. Electronic and magnetic properties of fluorinated graphene with different coverage of fluorine / Liu H. Y. [et al.] // *The Journal of Physical Chemistry C*. – 2012. – Vol. 116. – №. 34. – P. 18193-18201.
15. QUANTUM ESPRESSO: a modular and open-source software project for quantum simulations of materials / P. Giannozzi [et al.] // *Journal of physics: Condensed matter*. – 2009. – Vol. 21. – №. 39. – P. 395502.
16. Monkhorst, H. J. Special points for Brillouin-zone integrations / H. J. Monkhorst, J. D. Pack // *Physical review B*. – 1976. – Vol. 13. – №. 12. – P. 5188.
17. Karlický, F. Halogenated Graphenes: Rapidly Growing Family of Graphene Derivatives / F. Karlický [et al.] // *ACS Nano*. – 2013. – Vol. 7. – No. 8. – P. 6434–6464.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.512.141

З. А. Алибаев

Поэтика исторических романов Б. Рафикова

Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акмуллы,
г. Уфа, Россия

Аннотация. В современных литературоведческих исследованиях насущная необходимость анализа и постижения литературного процесса XX столетия, который всецело завершился, неопровержимо превратилась в очевидность. Актуальность исследования определяется особым качественным подъемом жанра романа в башкирской литературе. Безусловно, необходимость исследования поэтики башкирского романа, анализ его художественно-эстетической, духовно-нравственной, патриотической и др. ценностей вызвана современной реальностью. В процессе развития национальных литератур Российской Федерации вызывает теоретический интерес исследование поэтики и эволюции башкирской прозы с точки зрения типологии. Изучение в эстетическом аспекте исторических путей развития башкирской литературы, относящейся к тюркоязычным литературам, в частности прозы, ориентируясь не только на русско-европейские традиции, но и не упуская из виду восточные традиции, синтез поэтики фольклора, национальную специфику, генетические корни, обеспечивает актуальность данной работы. Актуальность научной работы, прежде всего, обусловлена выявлением насущных проблем, позиционированием идей, принципов, точек зрения, убеждений и др., составляющих неразрывный литературный процесс. Исторический роман последних двух десятилетий обнаруживает много общего с произведениями на современную тему в стилевых тенденциях развития, принципах, приемах и средствах типизации характера. В то же время анализ многогранного художественного мира исторического романа является фактом, способствующим воссозданию картины современной литературы в ее единстве. Автор, придерживаясь цели и задач исследования, дает представление о степени изученности обозначенной проблематики, формулирует и подробно рассматривает необходимые направления исследовательской работы. Целью данной статьи является исследование проблем поэтики исторических романов Б. Рафикова, что приводит к созданию более полной картины современной

АЛИБАЕВ Заки Арсланович – к. филол. н., доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акмуллы.

E-mail: alibaev.zaki@mail.ru

ALIBAEV Zaki Arslanovich – candidate of philological sciences, associate professor of the Bashkir State Pedagogical University named after Miftakhedin Akmulla.

башкирской прозы в русле выявления основных ее стилевых направлений. В соответствии с поставленной целью закономерно решение следующих конкретных задач: исследование природы (эпической, риторической, художественно-смысловой и т. д.) исторического романа и анализ творческого мастерства создателя художественного произведения. В статье применяется метод библиографического, биографического, мотивного, сюжетного анализа; сравнительно-типологического и сравнительно-исторического литературоведения. Результатом работы выступает, в первую очередь, впервые проведенное всестороннее исследование и совокупный анализ исторического романа на принципе формирования поэтики башкирского романа. Намечается совершенно иной подход в изучении поэтики современного башкирского романа и выявляются новые направления, перспективы развития жанра и национальной литературы XXI столетия.

Ключевые слова: башкирская литература, поэтика романа, жанр, автор, сюжет, образ, характер, персонаж, исторические события.

DOI 10.25587/k9607-3568-3282-t

Z. A. Alibaev

The poetics of historical novels of B. Rafikov

Bashkir State Pedagogical University named after Miftakhettin Akmulla, Ufa, Russia

Abstract. There is the urgent need to analyze and comprehend the literary process of the twentieth century, which has completely ended and has irrefutably turned into evidence. The relevance of the research is determined by the special qualitative rise of the novel genre in Bashkir literature. The need to study the poetics of the Bashkir novel, the analysis of its artistic and aesthetic, spiritual and moral, patriotic and other values is caused by modern reality. In the process of development of the national literatures of the Russian Federation, there is the theoretical interest in the study of the poetics and evolution of Bashkir prose from the point of typology. The relevance of this work is the study of the historical ways of development of Bashkir literature related to Turkic literatures, in particular prose, in the aesthetic aspect, focusing not only on Russian-European traditions, but also including Eastern ones, the synthesis of folklore poetics, national specifics, genetic roots. The relevance of scientific work is primarily due to the identification of pressing problems, the positioning of ideas, principles, points of view, beliefs, etc., which constitute an inseparable literary process. The historical novel of the last two decades reveals much in common with works on a modern theme in stylistic trends of development, principles, techniques and means of character typification. At the same time, the analysis of the multifaceted artistic world of the historical novel is a fact that contributes to the reconstruction of the picture of modern literature in its unity. The author, adhering to the purpose and objectives of the study, gives an idea about the degree of study of the identified issues, formulates and considers in detail the necessary directions of research work. The purpose of this article is to study the problems of poetics of historical novels by Bulat Rafikov, which will lead to the creation of a more complete picture of modern Bashkir prose in line with the identification of its main stylistic trends. In accordance with this goal, it is natural to solve the following specific tasks: the study of the nature (epic, rhetorical, artistic, semantic, etc.) of the historical novel and the analysis of the creative skill of the artist. The author uses the method of bibliographic, biographical, motivic, plot analysis; comparative typological and comparative historical literary criticism. The result of the work is, first of all, a comprehensive study and a comprehensive analysis of the historical novel conducted for the first time on the principle of forming the poetics of the Bashkir novel. A completely different approach is outlined in the study of the poetics of the modern Bashkir novel and new directions, prospects for the development of the genre and national literature of the XXI century are revealed.

Keywords: Bashkir literature, poetics of the novel, genre, author, plot, image, character, character, historical events.

Введение

Прослеживаемая тенденция изучения проблем поэтики в тесной связи с природой художественного творчества, с методикой изучения разных жанров и видов послужила основой для более широкого рассмотрения исследуемых вопросов. Думается, что поэтика должна изучать не только структуру литературных произведений разных жанров и систему эстетически-образительных средств, используемых в этих произведениях: определенные ее достижения должны развить как индивидуальное творчество отдельных прозаиков, так и литературный процесс в целом. Проблемы поэтики жанра и сравнительного изучения жанров считаются перспективными в современном литературоведении. В контексте активно развивающихся исследований в области исторической поэтики изучение поэтики исторического романа и закономерностей его развития является весьма важным, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Исследование древнегреческого философа Аристотеля «Об искусстве поэзии» или «Поэтика» обычно связывают с началом истории поэтики [1]. А в русском литературоведении фундаментальные труды А. А. Потебни «Мысль и язык» [2], «Из лекций по теории словесности», «Эстетика и поэтика», в которых излагает стройную теорию слова и образа, занимают особое место [3]. А. Н. Веселовский, который трактует историческую поэтику как «эволюцию поэтического сознания и его форм», со своими научными трудами является основоположником исторической поэтики [4].

Среди исследований, посвященных изучению общей поэтики, представляются труды В. В. Виноградова, Ю. Н. Лотмана, М. М. Бахтина, Н. К. Гея, В. М. Жирмунского, Ю. Н. Тынянова, Д. С. Лихачева, Я. Мукаржовского и других.

Несомненный интерес представляют монографические исследования посвященные поэтике отдельных мастеров слова: Л. Тимофеева, А Чудакова, М. Бахтина, С. Бочарова, А. Марченко.

В якутском литературоведении имеется ряд работ такого направления. Монография С. Е. Ноевой «Поэтика геокультурного ландшафта в якутском романе 2-й половины XX века» посвящена изучению репрезентативности образов геотопики в якутском романе на примере художественных произведений В. С. Соловьева-Болот Боотура, В. С. Яковлева-Далана, И. М. Гоголева-Кындыла [5]. В диссертации Г. Е. Саввиновой «Художественные аспекты изображения природы в якутской литературе: По произведениям якутских писателей начала XX века» анализируются особенности национального мировоззрения, поэтика изображения природы [6]. В статье Л. И. Румянцевой «Пространственная поэтика русской литературы о Якутии» выявляются особенности воплощения пространственной парадигмы Якутии в значимых текстах русской литературы с учетом современного междисциплинарного подхода к изучению пространственно-временного континуума произведения [7].

Особенности развития башкирской прозы до 80-х гг. XX века были комплексно и систематически исследованы в фундаментальных трудах А. Х. Вахитова и Р. Н. Баимова. Докторская диссертация А. Вахитова посвящена изучению истоков возникновения и процесса становления стиля в различных жанрах башкирской прозы 20-70-х гг. XX века. Большое внимание ученый уделяет освещению роли русской классической и советской литератур в истории развития башкирской прозы этого периода [8]. Докторская диссертация Р. Баимова посвящена исследованию специфики жанров башкирской прозы, в первую очередь, детальному анализу процесса формирования и эволюции жанра романа. Кроме этого, в монографиях Р. Баимова «Шаг в зрелость», «Поискам нет конца», «Судьба жанра» [9-11], А. Вахитова «На эпических просторах», «Суть таланта», «Башкирский советский роман», «Закономерности жанрово-стилевого развития башкирской прозы», а также в многочисленных статьях освещались вопросы историко-литературного характера, изучались аспекты теории и истории жанров романа. В 7-томной

«Истории башкирской литературы» [12] анализируются этапы развития башкирского романа. Р. Хасанов в своей докторской диссертации изучает вопросы типологии, жанра и стиля башкирского исторического романа последней четверти XX века [13]. А. Абдуллина в докторской диссертации анализирует поэтику башкирской прозы 1986–2006 гг. [14]. Монография Г. Хусаинова «Поэтика башкирской литературы» [15], К. Ахметьянова «Теория литературы», «Поэтическая образность» [16–17] освещают вопросы теории литературы. В трудах Р. Бикбаева «Эволюция современной башкирской поэзии», «Поэтическая летопись времени», «Время. Поэт. Народ», «Слово поэта – совесть поэта» [18–20] основное внимание уделено исследованию башкирской поэзии в историческом плане. Монографии М. Гайнуллина «Действительность. Конфликт. Характер» [21], Т. Кильмухаметова «Поэтика башкирской трагедии» [22], Р. Ахмадеева «Жанровые формы драматургии» [23] посвящены исследованию драматических произведений, в частности изучению их жанровых и стилевых особенностей, сюжета и композиции, природы конфликта. В башкирской литературе в последние годы развивается наука о художественно-эстетических средствах, языковых и композиционных структурах литературных произведений, о жанрах и формах литературы. В научных трудах З. Я. Шариповой, Г. Н. Гареевой рассматриваются процесс формирования и эволюция жанров башкирской литературы, развитие традиций, новаторские искания, многообразие жанров и форм. Целью данной работы является разработка нового научного направления в башкирском литературоведении, связанного с исследованием проблем поэтики исторического романа, что приведет к более полной картине исторической прозы в русле основных ее стилевых направлений.

Исторические предпосылки романа

В романе Б. Рафикова «Карасакал» описан быт башкир первой половины XVIII века, беспримерное восстание 1735–1740 гг. против деспотизма и колониального режима царской власти. В целях усиления национального и колониального гнета российский царь направлял на башкирские земли разные экспедиции, намереваясь построить на Южном Урале заводы, укрепленные крепости и города, силой отбирал для этого башкирские земли и проявлял небывалую жестокость по отношению к тем, кто пытался противостоять его политике. А народ боролся за сохранение самобытного социального облика и права на самостоятельную жизнь. Образованные, авторитетные люди своего времени, как Бенепейабыз, Карасакал, были главной опорой народа в этой борьбе. В романе нашли отражение такие исторические события, как Оренбургская экспедиция, трагедия деревни Сеянтус, приказы о казнях одна страшней другой, провозглашение Минегула Юлаева башкирским ханом, побег Карасакала в казахские степи, казнь участников восстания; и исторические герои – предводители восстания Кильмяк, Юсуп Арыков, позже – Турупбердин, Аланзиянгул Кутлугузин, Мандар Карабаев, Тюлькучура Алдагулов. Отношение автора к историческим личностям и событиям передается через логическое мышление, мечтания и разные литературные приемы. В целях сравнения подачи исторических героев и событий в истории и романе мы обратились к Краткой энциклопедии Башкортостана. Автор не смог включить в роман все события тех лет, выбрав лишь самые главные из них, сыгравшие большую роль в жизни башкирского народа.

В первую очередь, это организация Оренбургской экспедиции и ее влияние на башкирский народ. «Оренбургская экспедиция (с 1737 года – Оренбургская комиссия) была организована в 1734–1744 гг. по проекту обер-секретаря Сената И. К. Кирилова для строительства системы укреплений на юго-востоке башкирских земель, которые должны были выполнить роль плацдарма для присоединения Казахстана и Средней Азии к России. Автору проекта было поручено сформировать и возглавить Оренбургскую экспедицию. В помощники ему был определен переводчик Коллегии иностранных дел

А. И. Тевкелев. 10 ноября 1734 г. Оренбургская экспедиция прибыла в Уфу. В составе экспедиции находились 130 офицеров, 3500 солдат, строители, купцы, канцеляристы, специалисты по горному делу, ученые разных профессий, разведывавшие полезные ископаемые, проводившие географические и этнографические исследования края, составлявшие карты и т. д. Основной задачей экспедиции являлось строительство крепостей на башкирских землях. В 30–50-е гг. XVIII века здесь было основано 53 крепости, в том числе Оренбург, Орск и другие, 32 горных завода. Организация Оренбургской экспедиции привела к изменению политики царя в отношении коренного народа. Правительство начало отбирать большие площади башкирской земли в пользу казны, дворян, чиновников и других переселенцев. В результате за XVIII век башкиры потеряли половину своих вотчинных земель. Налоги выросли, началось насильственное крещение мусульман. Башкирам запретили переезжать с места на место, выезжать на охоту в степи и т. д. Народ восстал. После смерти Кирилова Оренбургскую экспедицию возглавляли В. И. Татищев, В. А. Урусов, И. И. Неплюев. В марте 1744 г. в связи созданием Оренбургской губернии Оренбургская экспедиция прекратила свое существование.

Б. Рафиков в своем романе «Карасакал» отражает данное событие с предельно исторической достоверностью. Приводит подробные сведения о том, что оно состоялось в мае 1734 г., кто был в составе комиссии и каковы были ее цели. События романа развиваются стремительно. О том, что экспедиция направляется в Уфу, читатель узнает из письма муллы Токсуры. Далее автор сообщает о встрече Юсуф батыра Арыка, Кильмякабыза Нурыша, Акай батыра Кусима, Бэпнэя Турупбердина, то есть предводителей четырех дорог. Через переписку Бенепея Турупбердина и муллы Туксуры писатель также доводит до читателя цели экспедиции.

Художественный вымысел и историческая реальность в романе «Карасакал»

Быстрая смена событий: сбор войск Юсуфом Арыком сразу после начала экспедиции, натравливание башкир друг против друга членами экспедиции, противостояние образов сторонников царской власти как Таймас тархан, Кидрас Муллакай и защитников интересов своего народа как Бенепей, Карасакал, Кильмяк, Тюлькусура, совещания Кирилова с членами экспедиции, притеснение и издевательства над башкирами; постоянная смена места действия: подготовка и ход экспедиции, картины готовности башкирских батыров к схваткам – все это добавляет остроты произведению.

Самое жестокое деяние царской власти за 1734–1740 гг. – это трагедия деревни Сеянтус. Она была расположена в Балыкчинской волости Сибирской дороги (на территории нынешнего Аскинского района). В январе 1736 г. в Сеянтус прибыл отряд под руководством заместителя Оренбургской экспедиции Тевкелева. 24 января Тевкелев отдал приказ уничтожить деревню. Очевидец этих событий Рычков позже напишет: «близ тысячи человек с женами и с детьми их во оной деревне перестреляно, и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мещеряков копьями переколото. Сверх того сто пять человек забраны были в один амбар и тут огнём сожжены». 51 деревня была сожжена дотла, уничтожено более двух тысяч человек, включая детей. Сеянтусская трагедия, описанная в романе, имеет огромное историческое значение. Во-первых, она раскрывает истинное лицо жестокости членов Оренбургской экспедиции и царских властей. А, во-вторых, позволяет ярко представить страдания и муки башкирского народа, крайнюю сложность ситуации. Опираясь на принцип историзма и свою фантазию, Б. Рафиков возвращается к событиям того времени и мастерски их анализирует. Автор подробно описывает прибытие отряда Тевкелева в деревню Сеянтус, его мерзкие поступки и злодеяния, истребление людей. В то же самое время он отходит от принципа историзма и, опираясь на свою фантазию, вводит в повествование некоторые элементы и события, помогающие более полно представить весь ужас трагедии. Более того, ввод разных

событий и образов является выигрышным и в целях наиболее полного изображения образа Тевкелева. Например, эпизоды о пойманном подростке, которого заморозили, о забавах Тевкелева с деревенскими девушками способствуют более полному раскрытию характера и образа.

Согласно правительственному указу, 16 февраля 1736 г. поступает приказ о казни участников восстания и ссылке тех, кто их будет защищать. Штрафы были взысканы лошадьми. В романе даны сведения о данном указе, ставшем причиной раскола среди народов, населяющих эти земли, и массового переселения сюда русских.

Из-за преследований Румянцева, Кирилова за 1736–1737 гг. были арестованы Акай Кусим, Юсуф Арык, Кильмяк Нурыш. После них восстание продолжили Бэпэнэй, Тюлькусура, Мандар Карабаев. Эти исторические события отражены в романе в развитии, поэтому писатель легко переходит с одного события на другое.

В 1730 г. Кирилову, Тевкелеву удастся склонить на свою сторону казахского хана Абульхаира. Настраивают против башкир также представителей марийского, чувашского народов и мишарей. Б. Рафиков отображает данные события через различные происшествия и ситуации: как, например, Карасакал, Низам-хаттат и Абрам-Ибрагим стали батраками из-за Абульхаира; или как башкирские чиновники хитростью женили Абульхаира на девушке из своего рода, когда ситуация на башкирских землях резко обострилась. Следует отметить, что описание в связи с этим башкирских свадебных обрядов добавляет особый колорит произведению.

В романе «Карасакал» события отражены в основном с сохранением докуменальности (при этом описание жизни народа в те годы, башкирских народных обычаев и преданий, а также внутреннего мира героев лишь способствует сочетанию художественности и историзма), поэтому ход романа продолжает последовательность исторических событий. Не об этом ли говорят такие события, как смерть Кирилова, назначение вместо него Татищева, нападения Тюлькусуры, Аланзияnguла, Бэпэнэя, Мандара на русские войска и, наконец, постепенная капитуляция руководителей дорог, начиная с 1738 года? Однако некоторые события описаны на основе фантазии автора. Так, если по историческим фактам известно, что Бэпэнэй Турупбердин сам сдался властям, то в романе написано, что его поймали и сдали Тюлькусура и Мандар. Возможно, такая подача материала имела целью идеализацию образа Бенепея.

В 1739 г. началась перепись населения. Эта задача была поручена генералу Соймонову. Отображение данного эпизода в романе помогает раскрытию степени угнетенности, полуголодного существования башкирского народа. Судя по историческим документам, в 1739 г. башкирские конники под руководством Карасакала, Мандара Карабаева, Исламгула Юлдашева подняли восстание против такого положения. В описании этих событий отведено много места внутренним переживаниям и покаянию Мандара Карабаева.

Одно из важных событий, зафиксированных в истории – это провозглашение Карасакала сыном Жунгарского хана Султан-Гиреем в 1740 г. Об этом свидетельствуют как записи Р. Г. Игнатьева, так и исторические факты. Провозглашение Карасакала ханом является в романе не только вдохновляющим моментом для восставшего башкирского народа, но и единственным обнадеживающим событием среди таких потерь, как гибель воинов в сражениях и мирного населения, смерть Алдара батыра, душевное упадничество Карасакала, поражения и отступления.

Исторические события в романе Б. Рафикова «Карасакал» нашли подробнейшее отражение, потому что автор, искусно сочетая знание истории со своей фантазией, сумел изобразить их в развитии. И читатель чувствует, как писатель умело использует исторические факты, одновременно прибегая к игре воображения, фантазии. Например, то, что восстанием Карасакала руководили абызы, и там огромную роль сыграл Бэпэнэй Турупбердин – это философия, взгляд самого Б. Рафикова. С одной стороны, писатель

дает оценку тем бурным событиям с точки зрения грамотной, трезвомыслящей личности, а с другой – стремится показать, что в истории народа важное место занимает не только меч, но и образование, интеллект.

Интересна и географическая подача исторических событий в романе «Карасакал»: читатель вместе с героями доходит от Агидели до Казахстана, Средней Азии, Аравии и Джунгарии. Однако главные события идут на юрматинской земле, близ горы Торатау. Картины восстания преимущественно происходят в центральной части башкирских земель, народные йыйыны проходят у подножия священной горы башкирских родов Торатау. Картины юрматинской земли связаны с жизнью главного героя: его детством, отрочеством, женитьбой, а также жизнью его родителей. В целом отображение героя на фоне природы способствует раскрытию характера Карасакала, пробуждению у читателя любви к родной земле и уверенности, что герои не зря проливали кровь за нее.

Характер представлен в произведении в двух аспектах – во внутреннем и внешнем. Предметом художественного отображения являются диалектика души героя, его духовный рост и развитие сознания. История и судьба народа во взаимосвязи с прошлым, настоящим и будущим проходят через внутренний мир Карасакала. Этот герой показан со сложным характером, способным влиять на умы и чувства читателей. В начале произведения различные события играют важную роль в формировании и развитии его характера. В конце же даны отражения в напряженных, драматических ситуациях характера Карасакала, который имеет свою твердую позицию на происходящие события и обладает силой определенного влияния на жизненные процессы. Испытание первого наказания за призыв к борьбе против колонизации не только не ломает свободолобивый дух героя, а, наоборот, усиливает в нем чувства протеста и кровавой мести. Встреча и общение с Бенепей-абызом, который имеет светлый ум и тонко чувствует пульс времени становились для Карасакала целой жизненной школой.

Современная действительность очень внимательна к правде характера. Именно в поэтике романа через логику фактов, документов писатели исторической прозы передают действительную жизнь исторической эпохи, восстанавливают правду истории. Ссылки на документы, которые имеют прямое отношение к герою и событиям, способствуют решению основной задачи – установлению многих фактов, важных для воссоздания биографии и деятельности исторических личностей. Этим путем идут сегодня создатели современного исторического романа.

Заключение

В поэтике рассмотренных выше исторических романов лежит отражение жизненных противоречий и конфликтов, характерные черты определенной исторической эпохи. Но мы воспринимаем эти противоречия не как копию жизни, а как художественное произведение. Художественный конфликт, лежащий в основе сюжета, который мы наблюдаем в развязке романа, созвучен с жизненным конфликтом, но это не одно и то же. Ценность литературного произведения не в отражении автором общественных противоречий жизни, а в разрешении художественного конфликта через людские судьбы и характеры. Особенность исторического романа заключается как раз в том, что исторические события связаны с общественным конфликтом через противоречивые коллизии в людских судьбах, их мнениях, мыслях и мечтах. Развитие препятствий, стоящих перед отдельным характером, помогает лучше понять, пропустить через душу коллизию времени.

Л и т е р а т у р а

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1112 с.
2. Потебня, А. А. Мысль и язык : избранные работы / А. А. Потебня. – Москва : Юрайт, 2019. – 238 с.

3. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Высшая школа, 1990. – 344 с.
4. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Пальмира, 2017. – 383 с.
5. Ноева, С. Е. Поэтика геокультурного ландшафта в якутском романе 2-ой половины XX века / С. Е. Ноева. – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2017. – 125 с.
6. Саввинова, Г. Е. Художественные аспекты изображения природы в якутской литературе : по произведениям якутских писателей начала XX века : специальность 10.01.02 : диссертация и автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. Е. Саввинова. 2005.
7. Румянцева, Л. И. Пространственная поэтика русской литературы о Якутии / Л. И. Румянцева. – URL: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=918920.
8. Вахитов, А. Башкирский советский роман / А. Вахитов. – Москва : Наука, 1978. – 240 с.
9. Баимов, Р. Н. Шаг в зрелость / Р. Н. Баимов. – Уфа : Китап, 1975. – 170 с.
10. Баимов, Р. Н. Поискам нет конца / Р. Н. Баимов. – Москва : Наука, 1980. – 120 с.
11. Баимов, Р. Н. Судьба жанра / Р. Н. Баимов. – Уфа : Китап, 1984. – 222 с.
12. История башкирской литературы в 7-ми томах. – Уфа : Китап, 1996-2020.
13. Хасанов, Р. Ф. Башкирский исторический роман : вопросы типологии, жанра и стиля : специальность : 10.01.02 : диссертация и автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук / Р. Ф. Хасанов. – 2005.
14. Абдуллина, А. Ш. Поэтика современной башкирской прозы : специальность : 10.01.02 : диссертация и автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. Ш. Абдуллина. – 2009.
15. Хусаинов, Г. Б. Поэтика башкирской литературы / Г. Б. Хусаинов. – Уфа : Гилем, 2006. – 403 с.
16. Ахметьянов, К. А. Теория литературы / К. А. Ахметьянов. – Уфа : Китап, 2011. – 236 с.
17. Ахметьянов, К. А. Поэтическая образность / К. А. Ахметьянов. – Уфа : Китап, 1996. – 120 с.
18. Бикбаев, Р. Т. Эволюция современной башкирской поэзии / Р. Т. Бикбаев. – Москва : Наука, 1991. – 140 с.
19. Бикбаев, Р. Т. Поэтическая летопись времени / Р. Т. Бикбаев. – Уфа : Башкнигоиздат, 1980. – 272 с.
20. Бикбаев, Р. Т. Время. Поэт. Народ / Р. Т. Бикбаев. – Москва : Современник, 1986. – 240 с.
21. Гайнуллин, М. Ф. Действительность. Конфликт. Характер / М. Ф. Гайнуллин. – Уфа : Китап, 1974. – 190 с.
22. Кильмухаметов, Т. А. Поэтика башкирской драматургии / Т. А. Кильмухаметов. – Уфа : Китап, 1996. – 336 с.
23. Ахмадеев, Р. Б. Жанровые формы драматургии / Р. Б. Ахмадеев. – Уфа : Китап, 2003. – 325 с.

References

1. Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii / Aristotel'. – Minsk : Literatura, 1998. – 1112 s.
2. Potebnya, A. A. Mysl' i yazyk : izbrannyye raboty / A. A. Potebnya. – Moskva : Yurajt, 2019. – 238 s.
3. Potebnya, A. A. Teoreticheskaya poetika / A. A. Potebnya. – Moskva : Vysshaya shkola, 1990. – 344 s.
4. Veselovskij, A. N. Istoricheskaya poetika / A. N. Veselovskij. – Moskva : Pal'mira, 2017. – 383 s.
5. Noeva, S. E. Poetika geokul'turnogo landshafta v yakutskom romane 2-oj poloviny HKH veka / S. E. Noeva. – Yakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2017. – 125 s.
6. Savvinova, G. E. Hudozhestvennyye aspekty izobrazheniya prirody v yakutskoj literature : po proizvedeniyam yakutskih pisatelej nachala HKH veka : special'nost' 10.01.02 : dissertaciya i avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / G. E. Savvinova. 2005.
7. Rumyanceva, L. I. Prostranstvennaya poetika russkoj literatury o Yakutii / L. I. Rumyanceva. – URL: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=918920.
8. Vahitov, A. Bashkirskij sovetskij roman / A. Vahitov. – Moskva : Nauka, 1978. – 240 s.
9. Baimov, R. N. Shag v zrelost' / R. N. Baimov. – Ufa : Kitap, 1975. – 170 s.
10. Baimov, R. N. Poiskam net konca / R. N. Baimov. – M.oskva : Nauka, 1980. – 120 s.
11. Baimov, R. N. Sud'ba zhanra / R. N. Baimov. – Ufa : Kitap, 1984. – 222 s.

12. Istoriya bashkirskoj literatury v 7-mi tomah. – Ufa : Kitap, 1996-2020.
13. Hasanov, R. F. Bashkirskij istoricheskij roman : voprosy tipologii, zhanra i stilya : special'nost' : 10.01.02 : dissertaciya i avtoreferat na soskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk / R. F. Hasanov. – 2005.
14. Abdullina, A. Sh. Poetika sovremennoj bashkirskoj prozy : special'nost' : 10.01.02 : dissertaciya i avtoreferat na soskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk / A. Sh. Abdullina. – 2009.
15. Husainov, G. B. Poetika bashkirskoj literatury / G. B. Husainov. – Ufa : Gilem, 2006. – 403 s.
16. Ahmet'yanov, K. A. Teoriya literatury / K. A. Ahmet'yanov. – Ufa : Kitap, 2011. – 236 s.
17. Ahmet'yanov, K.A. Poeticheskaya obraznost' / K. A. Ahmet'yanov. –Ufa : Kitap, 1996. – 120 s.
18. Bikbaev, R. T. Evolyuciya sovremennoj bashkirskoj poezii / R. T. Bikbaev. – Moskva : Nauka, 1991. – 140 s.
19. Bikbaev, R. T. Poeticheskaya letopis' vremeni / R. T. Bikbaev. – Ufa : Bashknigoizdat, 1980. – 272 s.
20. Bikbaev, R. T. Vremya. Poet. Narod / R. T. Bikbaev. – Moskva : Sovremennik, 1986. – 240 s.
21. Gajnullin, M. F. Dejstvitel'nost'. Konflikt. Harakter / M. F. Gajnullin. – Ufa : Kitap, 1974. – 190 s.
22. Kil'muhametov, T. A. Poetika bashkirskoj dramaturgii / T. A. Kil'muhametov. – Ufa : Kitap, 1996. – 336 s.
23. Ahmadeev, R. B. Zhanrovye formy dramaturgii / R. B. Ahmadeev. – Ufa : Kitap, 2003. – 325 s.

УДК 82-3(571.6)

*Т. В. Васильева***Геопэтика водных пространств в прозе В. П. Сысоева**

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. В последнее время в современном литературоведении наблюдается интерес к исследованию геопэтики отдельных регионов, нашедшей отражение в художественных произведениях. Геопэтические образы являются доминантными субзнаками, концептуализирующими символический образ территории как единого целого, узнаваемыми маркерами природного и социокультурного пространства региона. В творчестве В. П. Сысоева образ дальневосточного Приамурья раскрывается в изображении природно-географических пространств, в том числе водных пространств, которые не только являются изобразительным фоном разворачивающихся действий, но и выполняют хронопоэтическую функцию, связанную с инициацией героев в дальневосточном пространстве. Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа поэтики образов водного пространства Приамурья, художественная репрезентация которых является способом региональной самоидентификации автора-наблюдателя и читателя. Цель исследования – выделить и описать доминантные образы, представляющие в прозе В. П. Сысоева водное пространство Приамурья, раскрыть их художественное своеобразие. Для достижения поставленной цели решаются задачи изучения мотивно-сюжетной, образной и изобразительно-выразительной специфики произведений «За Черным собором», «Хозяин Малого Хинганга», «Светлые струи Амгуни» и т. д., проводится анализ геопэтической образности, представляющей водное пространство Дальнего Востока в природно-географическом, мифопоэтическом и социокультурных аспектах. В результате доказано, что образы водных пространств в прозе В. П. Сысоева не только связываются с общелитературной традицией изображения стихийных пространств, но и имеют уникальную региональную специфику, заключающуюся, с одной стороны, в объективно-научном изображении водных пространств Приамурья, с другой стороны, в символично-философском осмыслении образов как части идиллического, замкнутого, изолированного, регионально маркированного природного и социокультурного пространства, в котором человек познает естественные законы природы и осмысляет свое место в мироздании.

Ключевые слова: В. П. Сысоев, малая проза, геопэтика, геопэтический образ, хронопоэтика, идиллический хронопоэтический мир, мифопоэтика, образы водных пространств, поэтика.

DOI 10.25587/w6694-2131-3884-k

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Владимировна – ст. преп. кафедры русской филологии, Тихоокеанский государственный университет.

E-mail: t-1980@yandex.ru

VASILYEVA Tatiana Vladimirovna – Senior Lecturer in the Department of Russian Philology, Pacific State University.

T. V. Vasilieva

Geopoetics of water spaces in V. P. Sysoev's prose

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Abstract. Recently, in modern literary criticism, there has been an interest in the study of the geopoetics of individual regions, which is reflected in a work of fiction. A whole, recognizable markers of the natural and socio-cultural space of the region. In the work of V. P. Sysoev, the image of the Far Eastern Priamurye is revealed in the image of natural and geographical spaces, including water spaces, which are not only a pictorial background of unfolding actions, but also perform a chronotopic function associated with the initiation of heroes in the Far Eastern space. The relevance of this study is determined by the need to analyze the poetics of the images of the water space of the Amur region, the artistic representation of which is a way of regional self-identification of the author-observer and the reader. The purpose of the study is to highlight and describe the dominant images that represent the water space of the Amur region in V. P. Sysoev's prose, to reveal their artistic originality. To achieve this goal, the tasks of studying the motive-plot, figurative and pictorial-expressive specifics of the works "For the Black Sable", "The Master of the Small Khingang", "Light streams of Amgun", etc. East in natural-geographical, mythopoetic and social and cultural aspects. As a result, it was proved that the images of water spaces in V. P. Sysoev's prose are not only associated with the general literary tradition of depicting spontaneous spaces, but also have a unique regional specificity, which consists, on the one hand, in an objectively scientific depiction of water spaces in the Amur Region, and on the other hand, in symbolism. philosophical understanding of images as part of an idyllic, closed, isolated, regionally marked natural and social and cultural space, in which a person learns the natural laws of nature and comprehends his place in the universe.

Keywords: V. P. Sysoev, small prose, geopoetics, geopoetic image, chronotope of the path, idyllic chronotope, artistic world, mythopoetics, images of water spaces, poetics.

Введение

Геопоэтический подход к изучению литературы представлен в исследованиях в области культурной географии (Д. Н. Замятин, В. В. Абашев, В. Г. Щукин) [1–3]; путевой прозы (Ю. М. Лотман, В. М. Гуминский) [4–5]; региональных текстов (А. Н. Давыдов, О. А. Лавренова, И. А. Разумова и др.) [6–8].

Основной категорией геопоэтики является «геопоэтический образ», под которым подразумевается «символический образ территории как единого целого», в котором «территория, ландшафт <...> осознаются как значимая инстанция в иерархии уровней природного мира и становятся предметами эстетической и философской рефлексии <...> ландшафт концептуализируется <...> и его доминирующие черты получают символическое осмысление» [2, с. 143–144]. Ряд исследователей отмечает, что геопоэтический образ отличается символической насыщенностью и философичностью [9],

восприятие географического пространства в его экзистенциальной сущности невозможно без субъективно-личностного осмысления, а также выделяют особую аксиологическую значимость в структуре геопоэтического образа [10].

Геопоэтические образы являются доминантными субзнаками регионального локального текста. Геопоэтика дальневосточного локального текста как отдельное терминологически закрепленное направление литературоведческих исследований, по словам О. Н. Александровой-Осокиной, «находится в стадии формирования предметно-содержательной сферы» [11, с. 217]. Как отмечает исследователь, «существует значительное количество работ по литературе Дальнего Востока (по творчеству В. К. Арсеньева, русских писателей харбинской эмиграции, пейзажной прозе и поэзии дальневосточных писателей XX века), в которых без использования термина геопоэтика рассматриваются проблемы геопоэтического образа». Однако геопоэтические образы, составляющие геопоэтическую модель дальневосточного локального текста, остаются неизученными и требуют выделения и научного описания. В этом плане прозу В. П. Сысоева можно рассматривать как инвариант локального текста. В творчестве В. П. Сысоева образ Дальневосточного Приамурья раскрывается прежде всего в изображении природно-географических пространств. Опыт писателя как ученого-натуралиста определяет специфику изображения природного пространства, с одной стороны, представленного с документальной точностью, с другой стороны, образы дальневосточного пространства являются репрезентантом интимно-личностного соприкосновения автора и его героев с этим пространством. В социокультурном аспекте пространство Приамурья позиционируется как пространство «людей тайги»: охотников-промысловиков, звероловов, рыбаков, охотоведов, экспедиторов, лесников, «естественных людей» из числа коренных малочисленных народов. Опыт познания природно-географического и социокультурного пространства Приамурья происходит через феномен охоты как одной из характерных форм проявления национальной жизни, закрепленных многовековой традицией. Личный опыт В. П. Сысоева как профессионального охотника и охотоведа обусловил роль автобиографического контекста в качестве одной из доминант организации художественного пространства его прозы. Архетипика охоты как одного из древнейших видов деятельности человека и мифопоэтика пространства Приамурья, закрепленная в этнографо-фольклорном наследии коренных жителей Приамурья и корпусе текстов, образующих локальный дальневосточный текст, позволяют рассматривать глубинные архетипические пласты произведений В. П. Сысоева. Художественное изображение пространства Дальневосточного Приамурья становится способом выражения натурфилософских, этических, социальных, эстетических взглядов писателя в их идеальном содержании. В связи с этим целью данной статьи является попытка исследования поэтики геопоэтических образов водных пространств как одной из составляющих геопоэтического образа Приамурья.

Для достижения поставленной цели нами были разрешены следующие задачи:

- 1) обозначить место образов водных пространств в хромотопической структуре произведений;
- 2) выделить доминантные геопоэтические образы, представляющие водное пространство Приамурья;
- 3) проанализировать художественные особенности воплощения образов водных пространств Приамурья на мотивно-содержательном, идейно-художественном и изобразительно-выразительном уровнях.

Основные положения данной статьи свидетельствуют о том, что образы водных пространств в прозе В. П. Сысоева наделены геопоэтической составляющей, проявляющей себя в означивании специфики водных пространств дальневосточного региона в объективно-научном описании водных пространств (реальная топонимика,

обозначение размеров, специфика ландшафта, флоры, фауны и т. д.) и представляющей собой символично-философское осмысление геопоэтического образа дальневосточного региона как труднопроходимого, стихийного, опасного, но величественного и прекрасного пространства, в котором человек «явится именно тем, что он есть».

Материалы и методы исследования

Материалами исследования стали повести и рассказы В. П. Сысоева, в которых образы водных пространств выполняют хронотопическую функцию, связанную с мотивом пути и мотивами инициации героя. Это повести «Хозяин Малого Хингана», «За черным соболем», «Светлые струи Амгуни», «Мятежная душа», рассказ «Ход до смерти». Методами исследования выступили метод сравнения, сопоставления, наблюдения, анализа и классификации.

Водные пространства в хронотопической структуре прозы В. П. Сысоева

В хронотопической структуре малой прозы В. П. Сысоева ведущим мотивом является мотив путешествия. Динамика повествования обусловлена сменой локаций, в которых действуют герои, их судьбы переплетаются в процессе совместных путешествий, становление героев происходит в моменты различных приключений, схваток со стихийными силами природы, в процессе совместной деятельности по преобразованию природы. Хронотоп водных пространств, с одной стороны, является неотъемлемой частью хронотопа дальневосточной тайги (основного хронотопа прозы В. П. Сысоева), с другой стороны, в повестях «За черным соболем» и «Светлые струи Амгуни» выступает в качестве самостоятельного сюжетобразующего элемента. Хронотоп водных пространств связывается с мотивом пути, в процессе которого происходит становление героя-искателя как личности. В системе образов наблюдается четкая функциональная иерархия: в качестве главного героя это обычно начинающий молодой охотовед (охотник, зверолов и т. д.), который в процессе взаимодействия с остальными персонажами («мудрые проводники» — бывалые охотники, проводники из числа коренных народностей; антагонисты — браконьеры, чиновники, персонажи с «потребительской» идеологией и т. д.) проходит путь от неопытного новичка до умудренного «человека тайги», познавшего на фоне естественного мира природы свое место в мироздании и осознавшего ответственность перед ней. Поэтому с сюжетной точки зрения водные пространства организуют авантюрно-бытовой хронотоп, связанный с различными приключениями героев в процессе путешествия. Локации обычно обозначены в названиях глав: «По горбатой реке», «Робинзоны муравьиного острова», «К древнему озеру Чукчагир» и т. д. Время обозначается как природное, цикличное, связанное со сменой времени суток и календарного времени. Тем не менее оно динамично и проявляет себя не только в смене локаций и календарного времени, но и в изменении вещного мира (В. П. Сысоев детализирует изменение орудий труда, одежды, средств передвижения и т. д.). Водное пространство становится пространством инициации героев: герои ищут свою цель, свое предназначение, им выпадают различные испытания, в которых они должны сделать правильный выбор. Обычно испытания связаны с разгулом стихии (наводнения, пожары, испытания холодом, прохождение топей и т. д.). Одним из видов испытаний становится охота: это либо случайная встреча человека со зверем, либо сознательная охота, с одной стороны, оправдываемая автором как необходимость (добыча пищи, пополнение зоологических коллекций, природопользовательская деятельность по регулированию популяций животных), с другой – осуждаемая, если дело касается личных целей обогащения или охотничьего азарта (например, отстрел лебедей в повести «Светлые струи Амгуни»). Результатом инициации становится осознание героем единства с природой, постижение натурфилософии природы как изначально заданного естественного закона, по которому следует жить, принятие вины и ответственности перед природой. С другой стороны,

хронотоп водных пространств воспринимается как идиллический. Воплощая собой пространство, где все подчиняется естественным законам природы, водные пространства являются частью гармоничного универсума, к которому стремятся герои. Мастерски прорисовывая пейзажи водных пространств Приамурья, автор подчеркивает их эстетику, многообразие, изобилие, представляя их как «пространство жизни». Подчиненность всего живого «естественным» законам, отсутствие человеческих пороков в мире природы делают это пространство «райским местом», куда стремятся герои с «неведомой силой», осознавая все опасности. Идиллические представления у В. П. Сысоева связываются и с мечтами героев о преобразовании мира природы. В прозе В. П. Сысоева особенно актуализируется концепт труда. Его персонажи – охотники, охотоведы, рыбаки, экспедиторы – считают труд важнейшей характеристикой настоящего человека. Активное преобразование дальневосточного пространства на благо человека В. П. Сысоев считал миссией. Труд для В. П. Сысоева – это труд создателя идеального счастливого пространства, в котором царит изобилие, где нет места «бессмысленному труду» (мечты героев о смене сельскохозяйственного труда на затопляемых территориях на охоту и сбор дикоросов), где люди научатся жить по естественным законам природы, чувствовать и понимать ее, нести перед ней ответственность.

Можно заключить, что водные пространства в прозе В. П. Сысоева представлены как в качестве самодостаточных геопоэтических образов, так и в качестве отдельной составляющей, организующей хронотопическое пространство повестей и рассказов.

Поэтика пространства рек

Водное пространство Приамурья представлено в прозе В. П. Сысоева образами рек, моря, озер, болот, лесных ключей. Стихия воды имеет первостепенное значение в художественном пространстве прозы В. П. Сысоева. Речное пространство наряду с пространством тайги является хронотопом повестей «За черным соболем» и «Светлые струи Амгуни». Местом действия повестей становятся реки Амур, Зея, Сутырь, Ерик, Ниман, Буряя, Мая, Унья, Сагды-Бира, Баджал, Амгунь, Ольджикан. Смысловые доминанты геопоэтики рек связаны с семантикой стихийности. Автор постоянно подчеркивает их мощь и «свирепость», детализируя способность водной стихии сносить все на своем пути. Динамика достигается за счет глаголов «кипит», «сносит», «буравит», «вздыхается», «прорывает» и т. д. Часто используется прием противопоставления спокойных вод реки «буйным» рекам, подчеркивая их изменчивый характер. В описании реки Баджал автор использует анималистическое сравнение: «Баджал – река-тигр. Коварно петляя в горных теснинах, она стремительно бросает свои светлые струи под огромные заломы, прорывает галечные косы, с ревом несется к Амгуни» [12, с. 249]. Введение в поэтику рек сравнения с животными усиливает образность восприятия первозаданной мощи реки как динамического первопространства. Амур автор образно сравнивает с «кровожадным Черным драконом», апеллируя к нанайскому топониму, в котором закрепился миф о борьбе Черного и Белого дракона. В древнем сказании анималистический образ реки отражает также морфологию Амура: «хвост» Черного Дракона находится в степях Монголии и Даурии, «туловище» охватывает почти все пространство Дальнего Востока. Две левые «лапы» дотягиваются до самого Станового хребта, где берут начало притоки Амура Зея и Буряя, а две правые «лапы» – притоки Сунгари и Уссури — в Китае и в Приморье. «Голова» Дракона упирается в Охотское море, и он «пьет воду» Татарского пролива. Амур как «хозяин», мифическое первопространство, принимает в себя воды других рек. Так, В. П. Сысоев пишет об Амгуни: «Не успевая оттаять, земля не может вписать в себя эту массу воды, она скатывается со склонов гор, переполняя пади, переливаясь через берега малых рек, и, выраввшись в широкую долину Амгуни, с ликующим грохотом мчится в объятья седого Амура — Черного Дракона, неся ему в дар душистые тополя, миллионы кубометров золотого песка и прохладу

Дуссе-Алиня». Требование «жертвы» рекой отражается в нанайских мифах, где Черный дракон пожирал девушек, топил их. Безусловно, здесь нашло отражение концептуализация реального образа дальневосточных рек, в которых гибнет и человек, и животное. Этот мотив нашел отражение в прозе В. П. Сысоева. В «Хозяине Малого Хингана» описывается эпизод гибели лося, пытавшегося перейти реку по неокрепшему льду. На реке Зее погибает опытный проводник Ботракин. В эпизоде его гибели описывается неистовство реки, обусловленное какой-то «неведомой силой»: «Быстро замелькали береговые деревья. Некоторые из них, подмытые водой опрокинулись в реку... Над подтопленной вершиной одного такого дерева какая-то неведомая сила вдруг подняла проплывавший бат и опрокинула... Опрокинутый бат исчез в пене водоворота» [13, с. 178]. «Расвирепевшая водная стихия» пугает главного героя Буслаева, поскольку мощи воды сопутствует «лютый холод». Мотив холода является характеристикой все рек в художественном пространстве прозы В. П. Сысоева. Обычно он передает его через тактильные ощущения героев: «Быстрые прозрачные струи горной реки настолько холодны, что обжигают» [12, с. 239]; «Вода лютым холодом обожгла тело, руки и ноги мгновенно заоченели» [13, с. 178]. Мотив холода связывается с мотивом могилы: «Но самыми страшными были не холод, не темнота и лесная чащоба, а протоки и впадавшие в Зею ключи и речки. Еще не скованные льдом, они чернели на пути, как холодные могилы» [13, с. 179]. «Река могла стать могилой для всех троих» [13]. Река как пространство смерти концептуализируется и в лейтмотивном для творчества В. П. Сысоева и дальневосточного локального текста о природе мотиве «хода до смерти» – периода нереста кеты. Особенностью этого лейтмотива становится бинарность категорий «смерть / жизнь», погибая, кета дает жизнь потомству и кормит своими телами обитателей тайги. Этот мотив встречается у В. П. Сысоева в повести «Хозяин малого Хингана», ему посвящен анималистический рассказ «Ход до смерти», присутствует он и в повестях «За черным сободем» и «Светлые струи Амгуни». В. П. Сысоев называет этот процесс «тайнством», подчеркивая, что оно «происходит веками». Автор подчеркивает природную мощь этого явления, сравнивая ход кеты с грозой: «Время от времени до него доносился какой-то приглушенный гул, словно раскаты далекого грома... Это не гроза... Это кета на дне реки гнезда делает, чтобы отложить туда икру. Сдвигает камни, вода их сносит, они ударяются друг о друга и шумят» [13, с. 170]. У героев это тайнство вызывает почтение: «Буслаев удивлялся: и почему это людей с холодным, вялым темпераментом сравнивают с рыбой? Да есть ли среди теплокровных животных такая неудержимая стремительность, такой неистощимый запас энергии, направленный на сохранение вида, как у этой рыбы?!» [12, с. 244]. В момент гибели Авдеева, сквозного героя прозы В. П. Сысоева, отважного охотоведа, следопыта, тигролова, «всеобщего любимца экспедиции», Сафронов замечает: «Он шибко любил тайгу, ходил далеко, как кета. Хороший человек – хорошая смерть» [12, с. 325].

Со стихией воды в художественном пространстве связывается стихия воздуха. «Две стихии – вода и небо – незаметно переходили одна в другую», – отмечает писатель, описывая Чукчагирское озеро. С небом связана символика солнца как воплощения жизненного начала, которое «голубит» воды Приамурья: «Поднявшееся солнце залило озеро золотистым светом, наполнило его жизнью» [12, с. 278]; «Пасмурные дни сменились солнечными, и сразу Амгунь поголубела» [12, с. 262]; «Как можно было не любоваться Амуром в этот яркий летний день! Его широкая гладкая поверхность, отражая чистое небо, теряла свою светло-желтую окраску и становилась нежно-голубой...» [13, с. 161]. Пейзажная картина воды и неба всегда сопровождается проявлением живого, будь то рыбы, плескающиеся в светлых водах на отмели, но чаще всего птицы: «Что может быть красивее, светлее утренней поры у реки... Ликующими песнями встречают рассвет птицы: они больше всех на земле любят этот могучий источник тепла и света» [13, с. 168]. «С низких полузатопленных берегов то и дело взлетали утки, краснолапые кулички,

а однажды из-за поворота вылетел огромный орлан-белохвост. Тяжело поднимался он в голубую высь, но, когда достиг незримых воздушных потоков, начал плавно парить, поднимаясь все выше и выше» [12, с. 298]. Свет, который несет солнце, подчеркивает прозрачность вод, поэтому часто воды описываются как «светлые».

В характере дальневосточных рек автор подчеркивает их изменчивость. Так, в повести «За черным соболем» Боев отмечает, что Амур – непредсказуемая и опасная для плавания река: «Среди обширного мелководья основное русло реки пролегалo подобно гигантской канаве, конфигурация которой менялась ежегодно: там, где в прошлом году проходили пароходы, можно было основательно сесть на подводную косу» [13, с. 162]. В описании реки Ольджикан подчеркивается ее «капризность», связанная с изменением пространств: «Сначала Ольджикан казался большим заливом, но вскоре сузился до двадцати метров и начал капризно петлять по необозримой болотистой равнине, поросшей вейником и осокой» [12, с. 298]. В главе «По горбатой реке» описывается Амгунь во время половодья, и изменчивость реки писатель объясняет поэтически: «...как будто вспомнив свое право на берега и разливы» река «вздывается с шумом и ревом» настолько, что вода становится выше берегов и людям кажется, что они плывут «по выпуклой», «горбатой реке» [12, с. 258]. Символически мотив изменчивости рек писатель связывает с изменчивостью времени. В письме к Ольге Буслаев пишет: «Не думалось мне, когда я уезжал с Амура, что пройдет 20 лет, прежде, чем я увижу его синюющие сопки, услышу шум речных перекатов» [12, с. 239]. Для героя Амур – концептуальная точка отсчета времени, пространство, которое вновь соединяет его с дорогими людьми из первой экспедиции и любимой. Мотив реки также связывается с мифологемой жизненного пути, процесса становления героя.

Поэтика пространства озёр

Традиционно образы озер в литературе связываются со статикой. В поэтике отмечается их гладь, зеркальность, слиянность с небом. В традиционной литературе озера – это созерцательное пространство, на фоне которого авторы наслаждаются эстетикой природы. В. П. Сысоев, напротив, описывает таежные озера как гибкое пространство: «опасны озера, заросшие водяным орехом и остролистом» [12, с. 291]. В главе «Робинзоны Муравьиного острова» представлен образ торфяных болот, в которых вода «черная как нефть». Они настолько необычны и таинственны, что девушка Галя, плавающая в водах озера, представляется автору мифической «русалкой». Самым величественным предстает Чукчагирское озеро. Это озеро овеяно ореолом древности, мифопоэтикой легенд. Берега озера местные жители называют «берегом хорошей косы». Это место воспринимается сакральным, «когда-то на его берегах жили люди из племени Чукчагиров», по легенде погибшие в один день в результате боя с нигидальцами, а девушка, в которую был влюблен герой мифа, бросилась в воды озера [12, с. 278]. Легенда о чукчагирах, рассказанная Юкамзаном, очень поэтична: «Мой дед говорил, что, когда не было ружей, а птицу люди убивали стрелой и огонь добывали из камня, сюда пришло племя от большого озера Байкал. У них было немного оленей, но они были хорошие рыбаки. Это были люди рода чукчагир...» [12, с. 279]. Сама легенда восходит к топонимическим мифам, функция которых наравне с космогоническими и эсхатологическими мифами служила цели просвещения нового поколения. Сюжет легенды о чукчагирах социален, это повествование о традициях сватовства и кровной мести между родами, битва за жену, что свидетельствует о позднем типе мифов. Введение в план повествования этнического фольклора (песен, легенд, поговорок) связанных с топонимикой Приамурья (характерная черта для прозы В. П. Сысоева), с одной стороны, концептуализирует географическое пространство Приамурья в социокультурном аспекте (поликультурное пространство, становление которого основано на процессе взаимодействия русских с коренными народностями), с другой стороны, апеллирует к глубинным архетипическим пластам геопозитических образов.

Старик Юкамазан говорит о непредсказуемом, опасном характере озера, что плавать на нем можно «только когда ветер спит» [12]. Мистическим образом от главного героя отворачивается его обычная охотничья удача: «Буслаев попытался поймать рыбы – по всему чувствовалось, что ее в озере много, – но рыбацкая удача отвернулась от него: сколько ни забрасывал он спиннинг, рыба не ловилась» [12, с. 278]. Автор отмечает, что Чукчагирское озеро – самое большое озеро Приамурья: «Широко раскинулось водное зеркало Чукчагирского озера. Топографы определяют его в триста шестьдесят три квадратных километра, но в древние времена оно было почти в два раза больше» [12, с. 287]. Его «раздолье» сравнивается с раздольем Амура и Байкала, откуда по легенде пришло племя чукчагиров.

Можно заключить, что в поэтике озер В. П. Сысоев не столько следует литературным традициям, рассматривая озера как созерцательное пространство, сколько придает образам озер региональную специфику, связанную с социокультурным аспектом (пространство промысла, сакральное пространство, опасное пространство).

Поэтика морского пространства

Образ моря как водного пространства Дальнего Востока в прозе В. П. Сысоева представлен в повести «За Черным соболем» и рассказе «Ход до смерти». Примечательно, что море также становится для автора «пространством охоты», по сюжету на побережье Охотского моря происходит первая охота героя на медведей. Если в «Мятежной душе» в крымском тексте описание моря больше созерцательное, то в повести «За Черным соболем» герои действуют в прибрежном пространстве. Охотское море описывается спокойным, с «зеркальной поверхностью», но динамика моря все же подчеркивается: «у берегов била волна, шурша крупной галькой»; «накатываясь на берег, волны с шипением исчезали среди камней» [13, с. 163]. Море становится естественным препятствием для медведей, пришедших за «дарами моря» к берегу. Тут оно описывается как «пучина», которая «чернела глубиной», образуя «непропуск» на несколько километров. Это не только передает физические параметры места как труднопроходимого, но символически предвещает события, в которых побережье станет пространством смерти для животных. Образ моря представлен автором в дихотомии «море / суша», где побережье является частью пространства моря. Автор детально описывает разновидности прибрежного рельефа от отвесных скал до камней, обточенных морем, раскинутых на побережье. Пространственные образы морского побережья оказывают столь сильное влияние на героя, что медведя он принимает за один из камней: «Но вот один из продолговатых черных камней принял округлую форму и переместился ближе к полосе прибоя» [13, с. 163]. Море воспринимается автором как пространство, полное жизни: «В воздухе стремительно пронеслись топорки, медленно пролетали серо-желтые чайки... Пахло соленой рыбой» [13]. В. П. Сысоев создает образ дальневосточного северного моря как сурового пространства с труднопроходимым прибрежным рельефом, «густыми туманами», диким нравом в зимний период, но богатого фауной, важным местом для промысла тюлей и белух, источником пищи для медведей. Образ Японского моря представлен более светлым, теплым. Он связан с морским путешествием кеты Серебрянки в рассказе «Ход до смерти». Тем не менее морская символика в прозе В. П. Сысоева более характерна для образа тайги, где тайга сравнивается с океаном, подчеркивается ее «безбрежность», простор и вольность.

Поэтика «гиблых» пространств

Специфическим водными пространствами Приамурья являются мари, топи и болота. Семантика этих геопоэтических образов сводится к семантике «гиблого» места. В сюжете прозы В. П. Сысоева эти места связываются с труднопроходимыми препятствиями, которые герои преодолевают либо благодаря выдающимся качествам («За черным соболем», «Светлые струи Амгуни»), либо «чудесному спасению» («Лоська»). Это «гиблое пространство» автор обозначает как «бесконечные торфяные поля»,

«непроходимые топи и болота», «плавучие берега реки», «торфянистые заторы», водяные «окна», «коварные мари с обликом прерий». Автор подчеркивает обманчивость этих мест для человека: «С западной стороны к солонцу подступала марь, которая просматривалась на несколько километров. В свете гаснущего солнца она казалась привольным лугом: садись на коня и несись во весь опор. Но Буслаев знал коварство марей с обликом прерий... Издали марь кажется гладкой, а ступи шаг – запнешься о кочку, сделай второй — увязнешь в сыром мху, запутаешься в густой осоке» [12, с. 268]. Героям повести, увидевшим зеленые берега Ольджикана, показалось, что там идеальные места для сенокоса: «Сенокосы-то какие пышные!». Но позже они узнают, что «плавающая почва» не выдержит ни «лошадь с сенокосилкой», ни «человека с литовкой». Один из героев отмечает парадоксальность приамурской природы: «лугов в Приамурье много, травы – тьма, а сено заготовить не просто трудно, порой – невозможно» [12, с. 298]. В символическом плане в сюжете повести «Светлые струи Амгуни» образ топей связывается с образом «топкой» любви – безответной любви Гали к Молчанову. Авдеев говорит о невозможности этой любви: «Молчанов ей не пара, ...сильно городской он, да и женат, кажись» [12, с. 299]. Именно в пространстве топей в момент робинзонады на Муравьином острове и в совместном преодолении торфяных болот Галя понимает, что ее любовь к Молчанову сильна, но безответна, что она может погубить ее. В этой «топкой» любви завяз и Роман Ермолов. Мудрый старый охотник Авдеев, не видя смысла в отношениях городского парня и девушки, выросшей на лоне природы, напоминает им о природосообразности порядка вещей, в том числе и любви: «В жизни так всегда бывает, лычко с лычком сходится, ремешок с ремешком, а мотусок с мотуском» [12].

Образы «топких пространств», с одной стороны, являются специфическими геопоэтическими образами, концептуализирующими природно-географическое пространство Приамурья, с другой стороны – связываются с семантикой «гиблого» места. Сюжетообразующая функция этих пространств в художественном мире прозы В. П. Сысоева связывается с инициацией героев, с прохождением ими труднопреодолимых препятствий. Идиллический хронотоп связывается с мечтами героев о природоведческой деятельности в условиях таких ландшафтов (одомашнивание лосей для помощи в преодолении «плавающих» почв, смена сельского хозяйства в этих районах на охоту и собирательство и т. д.)

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что водное пространство Приамурья в прозе В. П. Сысоева предстает как целостная система, элементами которой являются образы рек, озер, болот и т. д. Оппозиции внутри системы организованы по иерархическому принципу: образы рек связываются с образами океана и морских пространств, болота и топи являются частью геопоэтического образа рек и озер как его «плавающая» суша. Изображение водных пространств в прозе В. П. Сысоева представлено в двух аспектах:

1) как объективно-научное географическое описание (реальная топонимика, описание размеров, сведения об истоках, притоках и устьях; особенности ландшафта, флоры, фауны и т. д.);

2) как символично-философское художественное обобщение (пространство инициации героев, воплощение стихийных сил природы, изменчивости природы, естественного круга жизни и смерти и т. д.).

Основными художественными приемами изображения водных пространств является метафоризация и сравнение, часто анималистическое, что является проявлением мифопоэтического понимания природы, обусловленного социокультурной спецификой освоения пространств Приамурья (взаимодействие с коренными народами). Образы водного пространства включены в хронотопическое художественное пространство, связанное с хронотопом пути и идиллическим хронотопом.

Литература

1. Замятин, Д. Н. Культура и пространство : Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – Москва : Знак, 2006. – 488 с.
2. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. – 404 с.
3. Шукин, В. Локальный текст / В. Шукин // Гуманитарная география. – Москва : Институт Наследия, 2010. – Вып. 6. – С. 290–293.
4. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 30–45.
5. Гуминский, В. М. Египет и Синай глазами русских паломников / В. М. Гуминский. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/20/egipet_i_sinaj_glazami_russkih_palomnikov.
6. Давыдов, А. Н. Архангельск : семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта / А. Н. Давыдов // Культура русского севера. – Ленинград, 1988. – С. 86–99.
7. Лавренова, О. А. Образ места и его значение в культуре провинции : Геопанорама русской культуры : Провинция и ее локальные тексты / О. А. Лавренова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 413–426.
8. Разумова, И. А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» : Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв. / И. А. Разумова // Русская провинция : миф – текст – реальность. – Москва ; Санкт-Петербург, 2000. – С. 324–334.
9. Богумил, Т. А. Геопозтика В. М. Шукшина : [коллективная монография] / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко ; научный редактор А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 176 с.
10. Скокова, Д. С. К определению понятия «геопозтика» / Д. С. Скокова // Геопозтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сборник научных статей. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 5–11.
11. Александрова-Осокина, О. Н. Вопросы геопозтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 216–241.
12. Сысоев, В. П. Избранное: в 3 т. / В. П. Сысоев. – Т. 2. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2013. – 384 с.
13. Сысоев, В. П. Избранное: в 3 т. / В. П. Сысоев. – Т. 1. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2013. – 304 с.

References

1. Zamyatin, D. N. Kul'tura i prostranstvo : Modelirovanie geograficheskikh obrazov / D. N. Zamyatin. – Moskva : Znak, 2006. – 488 s.
2. Abashev, V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka / V. V. Abashev. – Perm' : Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.
3. Shchukin, V. Lokal'nyj tekst / V. Shchukin // Gumanitarnaya geografiya. – Moskva : Institut Naslediya, 2010. – Vyp. 6. – S. 290–293.
4. Lotman, Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Yu. M. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1984. – Vyp. XVIII. – S. 30–45.
5. Guminskij, V. M. Egipet i Sinaj glazami russkikh palomnikov / V. M. Guminskij. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/20/egipet_i_sinaj_glazami_russkikh_palomnikov.
6. Davydov, A. N. Arhangel'sk : semantika gorodskoj sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta / A. N. Davydov // Kul'tura russkogo severa. – Leningrad, 1988. – S. 86–99.
7. Lavrenova, O. A. Obraz mesta i ego znachenie v kul'ture provincii : Geopanorama russkoj kul'tury : Provinciya i ee lokal'nye teksty / O. A. Lavrenova. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 413–426.
8. Razumova, I. A. «...Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko» : Petrozavodsk v literaturnyh i ustnyh tekstah XIX–XX vv. / I. A. Razumova // Russkaya provinciya : mif – tekst – real'nost'. – Moskva ; Sankt-Peterburg, 2000. – S. 324–334.

9. Bogumil, T. A. Geopoetika V. M. Shukshina : [kollektivnaya monografiya] / T. A. Bogumil, A. I. Kulyapin, E. A. Hudenko ; nauchnyj redaktor A. I. Kulyapin. – Barnaul : AltGPU, 2017. – 176 s.
10. Skokova, D. S. K opredeleniyu ponyatiya «geopoetika» / D. S. Skokova // Geopoetika Sibiri i Altaya v otechestvennoj literature XIX–XX vekov : sbornik nauchnyh statej. – Barnaul : AltGPU, 2017. – S. 5–11.
11. Aleksandrova-Osokina, O. N. Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii / O. N. Aleksandrova-Osokina // Nauchnyj dialog. – 2020. – № 5. – S. 216–241.
12. Sysoev, V. P. Izbrannoe: v 3 t. / V. P. Sysoev. – T. 2. – Habarovsk : Priamurskie vedomosti, 2013. – 384 s.
13. Sysoev, V. P. Izbrannoe: v 3 t. / V. P. Sysoev. – T. 1. – Habarovsk : Priamurskie vedomosti, 2013. – 304 s.

А. А. Гольдман, Е. Э. Тихонова

Опыт интерпретации постмодернистского текста (на материале рассказа Бобби Энн Мейсон «Шайло»)

Политехнический институт (филиал) СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Мирный, Россия

Аннотация. В статье предлагается фреймовый подход при интерпретации художественного текста. Целью статьи является применение теории фрейма при интерпретации постмодернистского произведения «Шайло» Бобби Энн Мэйсон. Актуальность обусловлена тем, что вследствие заострения внимания исследователями постмодернистского художественного текста на стратегии двойного кодирования, возникает необходимость обратиться к теории фрейма, о которой говорится в трудах М. Минского, Ч. Филлмора, В. С. Вахштайна, Г. Бейтсона, Д. А. Кожанова, В. В. Диденко. Рассматривается изменение когнитивной модели текста в зависимости от выдвижения различных элементов фрейма на смысловом уровне, способствующих возникновению когнитивного диссонанса по теории Л. Фестингера, на примере произведения Bobby Ann Mason «Shiloh». Рассказ разделен на 7 фреймов, в каждом из которых читатель может наблюдать неравномерное движение когнитивного диссонанса между главными героями. В конце рассказ приводит к консонансу, который отражает внутреннее состояние главной героини Нормы Джин.

Ключевые слова: фреймовый анализ, когнитивный диссонанс, когнитивная модель, консонанс, постмодернизм, постмодернистская литература, интерпретация текста, двойное кодирование, двойная адресация, текстовый смысл, когниция, фрейм интерпретации.

DOI 10.25587/x5731-3088-2289-m

A. A. Goldman, E. E. Tikhonova

Frame analysis of cognitive dissonance on the material of the story «Shiloh» by B. E. Mason

Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russia

Abstract. The article proposes a frame approach to interpreting a literary text. The purpose of the article is to apply frame theory in the interpretation of the postmodern work "Shiloh" by Bobbi Ann Mason. Relevance is stimulated by the fact that it attracts the attention of researchers of postmodern literary

ГОЛЬДМАН Альбина Абрамовна – к. филол. н., доцент, профессор кафедры английской филологии, Политехнический институт (филиал), СВФУ им. М.К. Аммосова в г. Мирном.

E-mail: goldman44@icloud.com

GOLDMAN Albina Abramovna – PhD (Philology), Associate Professor, Professor at the English Philology Department of the Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТИХОНОВА Евгения Эдуардовна – студент Политехнического института (филиала), СВФУ им. М.К. Аммосова в г. Мирном.

E-mail: lepetitprinetoujours@gmail.com

TIKHONOVA Evgeniya Eduardovna – student at the English Philology Department of the Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

text to the strategy of double decoding, there is a need for frame theory which is discussed in the works of M. Minsky, C. Fillmore, V. S. Vakhstein, G. Bateson, D.A. Kozhanov, V. V. Didenko. The article considers the change in the cognitive model of the text depending on the nomination of various frame elements at the semantic level, contributing to the emergence of cognitive dissonance according to L. Festinger's theory, using the example of Bobby Ann Mason's work "Shiloh". The story is divided into 7 frames, in each of which the reader can observe the uneven movement of cognitive dissonance between the main characters. At the end, the story comes to a consonance that reflects the inner state of the main character Norma Jean.

Keywords: frame analysis, cognitive dissonance, cognitive model, consonance, postmodernism, postmodern literature, text interpretation, double decoding.

Введение

В процессе интерпретации когнитивного диссонанса на уровне речевого взаимодействия в художественном англоязычном тексте стоит уделить внимание художественному пространству произведения – виртуальному миру, в котором отражается специфика литературно-художественного творчества автора.

Контакт между читателем и автором в постмодернистской литературе более тесен в силу особых приемов: автор выступает как один из действующих лиц в тексте, интерпретатором и комментатором. Все это проявляется в явном ироническом характере. Автор потешается над условностями массовой и классической литературы с их шаблонами, стереотипами литературного и практически-жизненного мышления, присущей рациональностью бытия. Автор «...явно забавляется своей авторской маской и ставит под вопрос самые понятия вымысла, авторства, текстуальности и ответственности читателя» [1].

В исследовании когнитивного диссонанса в постмодернистском тексте З. М. Чемодурова выдвигает гипотезу, которая звучит следующим образом: моделируя восприятие текстовых смыслов, автор постмодернистского текста рассчитывает на возникновение у читателя когнитивного диссонанса, понимаемого как состояние дискомфорта и «головокружения», вызванных несоответствием, противоречием между читательскими когнициями и предлагаемой в тексте информацией. Создание глубинного семантического напряжения в постмодернистских художественных текстах, связанного с многочисленными примерами текстовых аномалий, нарушений жанровых конвенций, структурных и повествовательных инноваций, ведет к так называемой «двойной адресации» постмодернистских произведений [2]. У. Эко утверждает о присутствии необъявленного сговора с искушенным читателем и провоцировании на повторное или даже многократное прочтение одного и того же места [3].

Когнитивный диссонанс является наиболее важным компонентом интерпретационной программы постмодернистского художественного текста.

Когнитивный диссонанс (англ. cognitive dissonance) – переживание дискомфорта, возникающее из-за действий, идущих вразрез с собственными убеждениями (аттитюдами). Внутренняя проблема, внутриличностный конфликт может разрешиться, если изменить убеждения или интерпретацию ситуации [4].

Л. Фестингер формулирует основные гипотезы следующим образом:

1. В случае возникновения диссонанса индивид будет всеми силами стремиться снизить степень несоответствия между двумя своими когнициями, пытаясь достичь консонанса (соответствия). Это происходит вследствие того, что диссонанс рождает «психологический дискомфорт».

2. Вторая гипотеза подчеркивает первую, говоря о том, что, стремясь снизить возникший дискомфорт, индивид будет стараться обходить стороной такие ситуации, в которых возникший дискомфорт может усилиться [5].

М. Карачиоло утверждает, что структура Фестингера и исследования, которые он провел за последние шестьдесят лет, могут пролить свет на ключевые аспекты взаимодействия читателей с литературными персонажами. Литература может приглашать аудиторию опосредованно переживать диссонанс персонажей с помощью эмпатического механизма, но она также может вызывать диссонансные состояния у читателей, побуждая их принимать установки и убеждения, которые значительно отличаются от их собственных. Автор предполагает, что есть две стратегии или модели реакции читателя, с помощью которых аудитория может справиться с диссонансом между своим собственным мировоззрением и персонажами: изменение отношения и сопротивление воображению. Читатели корректируют свои собственные убеждения и ценности в соответствии с тем, что они испытали и узнали, принимая взгляды персонажей. Напротив, при сопротивлении воображению мировоззрение читателей мешает им установить эмпатическую связь с персонажами [6].

В качестве одной из когнитивных структур знания, лежащей в основе семантики языковых единиц, многими исследователями выделяются фреймы [7].

Теория фреймов, берущая свое начало с исследований американских ученых Г. Бейтсона (1972), И. Гофмана (1974) и М. Минского (1979), не является целостным теоретическим построением, а представляет собой совокупность концепций, развивающихся в рамках социологии, когнитивной психологии, лингвистики, кибернетики. Все данные концепции организованы вокруг проблемы контекстуализации события действия (или высказывания – события коммуникации). Термин «фрейм» (англ. frame – рамка, каркас) представлен как собирательное обозначение контекста [8].

Любые знания о мире можно представить себе в виде некоторых общих универсальных фрагментов, которым соответствуют свои системы фреймов и из которых можно формировать новые системы фреймов, соответствующие некоторым новым представлениям [9]. Фрейм М. Минского, которого называют основоположником фреймового анализа, представляет собой какую-либо информацию, совокупность определенным образом структурированных данных, в которых закодирована стереотипная ситуация, на основе которой человек основывает прогнозы и с которой соотносит свое поведение [10]. Процесс мышления любого индивида основан на присутствии в его памяти огромного набора разнообразных фреймов, из которого при необходимости отбирается соответствующий.

В. В. Диденко в своей работе вслед за М. Минским, Ч. Филлмором и Д. Буссе под фреймом понимает структуру организации знаний, в которой вокруг структурного ядра (референтного объекта фрейма) сгруппировано определенное количество элементов знаний. «Эти элементы знания не являются величинами, полностью заполненными конкретной информацией, а выступают как места для заполнения (слоты), которые при актуализации фрейма соединяются с контекстуально-обусловленными элементами, называемыми конкретными наполнителями фрейма» [11]. К актуализации фрейма относятся все случаи вербализации, при которых с помощью одного или нескольких языковых знаков обозначается либо фрейм полностью, либо его часть [12].

Д. В. Кожанов, говоря о динамическом фрейме, отмечает, что в современных когнитивных исследованиях фрейм предстает как ментальная структура с набором

слов, или узлов, относящихся к тому или иному аспекту некоторой стереотипной ситуации, которые вариативно заполняются информацией в каждом конкретном случае актуализации фрейма в процессе декодирования читателем зашифрованных автором смыслов. В своей работе Д. В. Кожанов использует фрейм с целью моделирования интерпретативной деятельности читателя, декодирующего зашифрованные автором художественного текста смыслы в неоднородном дискурсивном пространстве. Спецификой программы изучения Д. В. Кожанова является то, что автор уделил особое внимание заимствованным из поля внешнего дискурса сюжетам, которые «расширяют диапазон единиц анализа и позволяют рассмотреть сюжетобразующие стратегии художественного текста в контексте интердискурсивных взаимодействий, что открывает новые возможности для глубокого проникновения в сущность процессов порождения и восприятия художественных текстов» [13].

Для интерпретации когнитивного диссонанса в художественной ткани текста наиболее продуктивным представляется подход Ч. Филлмора, в работах которого было проведено дальнейшее развитие теории фреймов. Согласно подходу Ч. Филлмора, понятие фрейма может быть использовано для интерпретации текста, когда какой-либо элемент текста способен вызвать ассоциации с когнитивной моделью, при помещении в которую частей текста, становится возможной ее интерпретация [14]. Такая модель впоследствии получила название фрейма интерпретации [4].

Данный подход представляется наиболее плодотворным для раскрытия замысла автора, который уделяет особое внимание динамическим аспектам текста, что приобретает особое значение при анализе смысла текста. Смысл текста соотносится с внутренней моделью мира, когнитивной базой, которая присутствует в сознании человека [15].

Фреймовый анализ когнитивного диссонанса на материале рассказа «Шайло» Б. Э. Мэйсон

Бобби Энн Мейсон (родилась 1 мая 1940 года) – американская писательница, автор рассказов, эссеист и литературный критик из Кентукки, принадлежит к течению постмодернизма в американской литературе конца XX – начала XXI столетия. Она считается одним из главных представителей школы фантастики, которую называют по-разному: «грязным реализмом», «реализм К-Март», «минимализм». Эта школа фантастики признана лингвистически скупой, тематически популистской и сознательно анти-литературной.

Рассмотрим изменение когнитивной модели текста в зависимости от выдвижения различных элементов фрейма на смысловом уровне, способствующих возникновению когнитивного диссонанса, на примере произведения Б. Э. Мэйсон «Шайло» (1982). Сюжет повествует о супругах, чей брак начинает медленно, но необратимо подходить к концу, однако муж Нормы Джин – Лерой Моффит до последнего не хочет верить в безнадежность ситуации. «Шайло» – это хорошо продуманная смесь прототипических историй о романтике и разлуке, которая вносит значительные изменения в первоначальные структуры, создавая как художественно ценную работу, так и ту, которая вызывает сложные, не прототипические целевые аффективные реакции у своих читателей. Хотя элементы истории тематически объединены эмоциями горя, привязанности и желания, все они являются центральными для человеческих интересов, их исследование в «Шайло» избегает простого, эмоционального удовлетворения, которое дают нам прототипические истории [16].

В самом начале текста читатель ощущает когнитивный диссонанс в отношениях между Лероем и его женой, возникающий в результате автокатастрофы, после которой Лерой вынужден все время находиться дома. На этом этапе открывается фрейм №1 «Про травму», который демонстрирует, что травма ноги Лероя физически сближает его

с женой Нормой, тем самым болезненно напоминает об их душевной травме – потере ребенка, которая на протяжении всего текста будет незримо ощущаться читателем. Ключом к данному фрейму становятся фразы *Norma Jean is often startled to find Leroy at home, and he thinks she seems a little disappointed about it. Perhaps he reminds her too much of the early days of their marriage, before he went on the road* [17]. Лексемы *startled, disappointed* вернее всего характеризуют внутреннее состояние Нормы, ощущающую диссонанс из-за «возвращения» мужа.

В следующем фрейме «Пробуждение» после аварии рассудок Лероя будто отходит от сна и жаждет остепенения. Он устал гнать по нескончаемой дороге в надежде абстрагироваться от реальности и забыться. Авария становится отрезвляющим глотком действительности. Данный фрейм раскрывается с помощью следующих ключевых предложений: *Leroy used to take speed on the road. Now he has to go slowly. He needs to be mellow* [17]. Замедлившись, он начинает замечать окружающий мир, глубже понимать его устройство, становится более чувствительным к деталям. В свою очередь личность Нормы также претерпевает изменения, она начинает искать пути самореализации, толчком для чего стала травма Лероя: *...and his physical therapy, which involves weights and a pulley, prompted Norma Jean to try building herself up*. Диссонанс между Лероем и Нормой подспудно усиливается в результате их разрозненности в увлечениях.

Фрейм №3 «Про дом» также погружает читателя в диссонанс отношений главных героев прежде всего тем, что Лерой в стремлении подсознательно прийти к внутреннему консонансу заикливается на когнициии, что постройка дома «*Log-house; log-cabin*» поможет начать их брак с чистого листа. Лексемы *small* и *nondescript* в ключевой фразе *They have always rented, and the house they live in is small and nondescript* [17] разоблачают самовосприятие Лероя, так как качество дома часто отражает мужскую состоятельность, в то время как их съемные апартаменты ни капли не способствуют цели сохранить и спасти тепло семейного очага. В сознании Лероя постройка дома «*log-house*» стала символом тепла, уюта и признаком крепкого брака. Он надеется, что новое жилище побудит Норму чаще бывать дома и не избегать его общества. Данное словосочетание «*log-house*», символизирующее семейное счастье, навязчиво встречается в тексте 9 раз, а «*log-cabin*» – 7 раз.

Далее во фрейме №4 «Про синтезатор» наблюдается ослабление напряжения между супругами и, следовательно, снижение диссонанса благодаря подаренному Норме синтезатору ее мужем. Данный подарок не только показывает желание Лероя заботиться о Норме, он также объединяет их, во время музыкальных вечеров Норма делится своими переживаниями: «*But I have this crazy feeling I missed something*», от которых Лерой пытается ее отвлечь «*You didn't miss a thing...*» [17].

Во фрейме №5 «Про мать» чувство когнитивного диссонанса, возникшее в начале повествования, усугубляется по мере развития сюжета, поддерживаемое новым фреймом – во время одного из визитов Мэйбл застаёт дочь за курением, на почве чего она завуалированно намекает Норме о том, что она была плохой матерью. Также Мэйбл упоминает случай, в котором ребенок погиб от укусов таксы, подчеркивая при этом, что это произошло из-за пренебрежения родителей. Лексемы *neglect, trial* и фраза *She raises her voice* [17] в имплицитивной форме сообщают читателю, что Мэйбл обвиняет Норму в смерти их ребенка. Данное предположение подкрепляется фактом того, что в сюжетном пространстве не указана точная причина детской гибели. Неразумное вмешательство Мэйбл в жизнь ее дочери и постоянные упреки, которые были вызваны многолетним отсутствием Лероя, особенно хорошо заметны в многозначительном утверждении: *When she visits, she inspects the closets and then the plants, informing Norma Jean when a plant is droopy or yellow* [17]. Данное предложение имплицитно сообщает читателю о том, какой контроль имеет мать над жизнью Нормы; по ее убеждению, дочь не способна не только ухаживать за цветами, но и допустила гибель своего

ребенка. Мэйбл не осознает, насколько сильно все это отразится на психоэмоциональном состоянии дочери, и что Норму постоянно гложет мысль о том, что она не смогла реализоваться как мать. Автор вводит в текст упоминание Нормой Мэрилин Монро, чье настоящее имя было Норма Джин и в честь кого она получила свое имя. Эта аллюзия раскрывает то, что Норма чувствовала сходство с культовой актрисой, так как они обе не были счастливы в браке и не смогли познать желанное счастье материнства. Данный фрейм при вторичном прочтении текста намекает на последующие события, на развязку в конце рассказа.

Переход к следующему фрейму (№6) «Поездка» начинается с того, что Мэйбл удается уговорить Лероя и Норму все-таки съездить в историческое место – поле битвы гражданской войны Шайло, сыгравшее важную роль в судьбе самой Мэйбл. Именно Мэйбл на протяжении нескольких лет настаивает на данной поездке, которая, по ее мнению, поможет паре развеяться и возродить их брак. Поначалу Норма напрочь отказывается от данной затеи, в сердцах говоря «*I'm not going to butt in on anybody's second honeymoon*», так как именно в данной поездке автор в имплицативной форме сообщает, что Мэйбл забеременела Нормой. Норма понимает, к чему клонит мать, в результате чего интуитивно закрывается и пытается оградить себя от очередного намека матери, который откликается в ней болью о смерти ребенка. Позднее добравшись до Шайло, супруги действительно на какое-то мгновение достигают консонанса, вместе иронично подшучивая над долгожданным исполнением желания Мэйбл. Ключом к пониманию консонанса между супругами становится слово *together*, а также частое использование местоимения *they*. Однако минутная гармония между ними начинает разрываться из-за их интеллектуальной и моральной разобщенности: *They both know that he doesn't know any history. He is just talking about some of the historical plaques they have read. He feels awkward; like a boy on a date with an older girl* [17].

В финальном фрейме «Разрыв» (№7) между супругами происходит окончательный разлад – когнитивный диссонанс достигает своего апогея после того, как мимо них пробегают дети, которые проносятся как призраки семейного счастья, которому не суждено сбыться. Иллюзия консонанса между Лероем и Нормой разрывается – они бесповоротно отдалились еще в тот момент, когда Мэйбл застала ее за курением, тем самым Норма убедилась в том, что ей не высвободиться из-под контроля матери. В свою очередь, старательно выстроенный консонанс Лероя терпит крушение, к нему приходит осознание, что их разрыв был необратим, он понимает, насколько безумной была его идея о постройке дома. Лексемы *empty*, *escaped*, *clumsy* как нельзя точно передают внутреннее настроение Лероя и разрыв его внутренних когнитивных связей. В то время как Лерой беспокоится о том, как все исправить, Норма отходит непозволительно далеко от него. Он старается последовать за ней, но медлит из-за больной ноги, которая, в свою очередь, обнажает его душевную слабость. Хотя автор умалчивает о том, что происходит далее, оставляя финал открытым, читатель догадывается при внимательном прочтении с помощью ключевых слов этого фрейма – *pale* и фразы *She won't leave me alone—you won't leave me alone* [17], что внутренний когнитивный диссонанс довел до безысходности внутреннее состояние Нормы. Лерой и ее мать Мэйбл Бисли всегда будут напоминать ей о том, что она не состоялась как мать и как женщина. Норма машет руками, как будто делает упражнения. Лерой ошибочно полагает, что она зовет его, но в действительности это неоднозначное уточнение и упоминание реки Теннесси, на которую смотрит Норма, означают то, что Норма прощается с мужем и готовится прыгнуть в реку. Психологически релевантное восприятие и реакция на появление когнитивного диссонанса проявляются у героев, как и у людей в реальной жизни, по-разному, с разной степенью интенсивности [11]. Л. Фестингер говорит в данном случае о различиях в «толерантности к диссонансу» [5]. Так, Норма испытывает больший дискомфорт, чем ее партнер. С помощью финального предложения-сигнала

Рис. Когнитивная модель рассказа

The sky is unusually pale—the color of the dust ruffle Mabel made for their bed [17] читатель понимает, что в роковой момент Лерой подумал о Мэйбл, которая была той самой невидимой разрушительной силой, из-за чего единственным способом прийти к своеобразному консонансу и спасением для Нормы стало прощание со своей жизнью. Шайло – место, где Норма была зачата, становится местом ее гибели. Последнее предложение рассказа является ключом разгадки – небо необычно бледное, цвет покрывала от пыли, сделанного руками Мэйбл. Таким образом, читатель при первом прочтении без глубокого осмысления рассказа испытывает когнитивный диссонанс от «неожиданного» завершения сюжетной линии. Автор сознательно внедряет иллюзию усиления консонанса между главными героями, что является частью «двойной адресации», присущей постмодернистской литературе.

Заключение

Когнитивную модель рассказа можно представить в виде перехода от одного фрейма (сценария), содержащего когнитивный диссонанс к другому (рис.).

Подводя итог, мы выделили семь основных фреймов, с помощью которых смогли проинтерпретировать когнитивный диссонанс в рамках данного рассказа. Таким образом, когнитивный диссонанс в данном художественном произведении служит целям реализации основной идеи текста, на основе чего его можно считать одним из структурно-содержательных компонентов в создании художественного пространства произведения словесного творчества. Другими словами, когнитивный диссонанс можно рассматривать как основной смыслообразующий компонент сюжетного пространства.

Литература

1. Malmgren, C. D. Fictional space in the modernist and postmodernist American novel / C. D. Malmgren.– Lewisburg, 1985.
2. Чемодурова, З. М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста / З. М. Чемодурова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 55-64.
3. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. – Санкт-Петербург : Symposium, 2002.
4. Гольдман, А. А. Фреймовый анализ когнитивного диссонанса при интерпретации постмодернистского художественного текста / А. А. Гольдман // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – № 8 (837). – 2020. – С. 150-159.
5. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер ; перевод с английского А. Анистратенко, И. Знаешева. – Санкт-Петербург : Ювента, 1999. – 318 с.
6. Caracciolo, M. Patterns of cognitive dissonance in readers' engagement with characters / M. Caracciolo. – ENTHYMEMA. 2003. – (8). – С. 21-37.
7. Фрейм как структура представлений знаний в когнитивном аспекте. – Russian Journal of Linguistics. № 2. – 2011. С. 77-81.
8. Вахштайн, В. С. Социология повседневности и теория фреймов / В. С. Вахштайн. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2011.
9. Демьянков, В. З. Когнитивный диссонанс : когниция языковая и внеязыковая / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2011. – Вып. IX. – С. 33-40.
10. Минский, Марвин. Фреймы для представления знаний / Перевод с английского О. Н. Гринбаума ; под редакцией Ф. М. Кулакова. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с.

11. Диденко, В. В. Фрейм ТОЛЕРАНТНОСТЬ/TOLERANZ в миграционном медиадискурсе : на материале русских и немецких печатных СМИ / В. В. Диденко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 59-66.
12. Busse, D. Frame-Semantik. Ein Kompendium / D. Busse. – Berlin : Boston : Walter de Gruiter, 2012.
13. Кожанов, Д. А. Когнитивный сценарий ЭКСПЕРИМЕНТ в картине мира художественного произведения : на материале романа Д. Адамса “The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy”/ Д. А. Кожанов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 43-51.
14. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – Москва, 1988. [Fillmor, Ch. Freymy i semantika ponimaniya : Frames and the Semantics of Understanding. – Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – 23. – Moscow. (In Russ.)].
15. Goldman, A. A. Frame Semantics and Text Interpretation / A. A. Goldman // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 4 (2012 5). – P. 4 79-483.
16. Stopel, Bartosz. Romantic Love and Grief in Bobbie Ann Mason’s “Shiloh”: A Sketch of a Cognitive Narratological Perspective. *Anglica. An International Journal of English Studies*. – 2017. – 87-99. 10.7311/0860-5734.26.1.06.
17. Mason, B. A. *Shiloh and Other Stories* / B. A. Mason. New York: Modern Library. – 1982.

References

1. Malmgren, C. D. Fictional space in the modernist and postmodernist American novel / C. D. Malmgren. – Lewisburg, 1985.
2. Chemodurova, Z. M. Kognitivnyj dissonans kak komponent interpretacionnoj programmy postmodernistkogo hudozhestvennogo teksta / Z. M. Chemodurova // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2019. – № 2. – S. 55-64.
3. Eko, U. *Shest' progulok v literaturnyh lesah* / U. Eko. – Sankt-Peterburg : Symposium, 2002.
4. Gol'dman, A. A. Frejmovyj analiz kognitivnogo dissonansa pri interpretacii postmodernistkogo hudozhestvennogo tekst / A. A. Gol'dman // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – № 8 (837). – 2020. – S. 150-159.
5. Festinger, L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa* / L. Festinger ; perevod s anglijskogo A. Anistratenko, I. Znaesheva. – Sankt-Peterburg : Yuventa, 1999. – 318 s.
6. Caracciolo, M. Patterns of cognitive dissonance in readers’ engagement with characters / M. Caracciolo. – ENTHYMEMA. 2003. – (8). – S. 21-37.
7. Frejm kak struktura predstavlenij znanij v kognitivnom aspekte. – Russian Journal of Linguistics. № 2. – 2011. S. 77-81.
8. Vahshtajn, V. S. *Sociologiya povsednevnosti i teoriya frejmov* / V. S. Vahshtajn. – Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2011.
9. Dem'yankov, V. Z. Kognitivnyj dissonans : kogniciya yazykovaya i vneyazykovaya / V. Z. Dem'yankov // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2011. – Vyp. IX. – S. 33-40.
10. Minskij, Marvin. *Frejmy dlya predstavleniya znanij* / Perevod s anglijskogo O. N. Grinbauma ; pod redakciej F. M. Kulakova. – Moskva : Energiya, 1979. – 151 s.
11. Диденко, В. В. Frejm ТОЛЕРАНТНОСТЬ/TOLERANZ в миграционном медиадискурсе : на материале русских и немецких печатных СМИ / В. В. Диденко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 59-66.
12. Busse, D. Frame-Semantik. Ein Kompendium / D. Busse. – Berlin : Boston : Walter de Gruiter, 2012.
13. Kozhanov, D. A. Kognitivnyj sценарий ЭКСПЕРИМЕНТ в картине мира художественного произведения : на материале романа Д. Адамса “The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy”/ Д. А. Kozhanov // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2021. – № 3. – С. 43-51.
14. Fillmor, Ch. Frejmy i semantika ponimaniya / Ch. Filmor // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp. 23. – Moskva, 1988. [Fillmor, Ch. Freymy i semantika ponimaniya : Frames and the Semantics of Understanding. – Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – 23. – Moscow. (In Russ.)].
15. Goldman, A. A. Frame Semantics and Text Interpretation / A. A. Goldman // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 4 (2012 5). – P. 4 79-483.
16. Stopel, Bartosz. Romantic Love and Grief in Bobbie Ann Mason’s “Shiloh”: A Sketch of a Cognitive Narratological Perspective. *Anglica. An International Journal of English Studies*. – 2017. – 87-99. 10.7311/0860-5734.26.1.06.
17. Mason, B. A. *Shiloh and Other Stories* / B. A. Mason. New York: Modern Library. – 1982.

Е. Е. Демидова

Символы власти в русской лингвокультуре (на примере когнитивных признаков займствованного концепта *скипетр*)

Санкт-Петербургский институт иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Концепты социальной и политической сферы постепенно становятся объектом исследования когнитологов и лингвокультурологов. Эта сфера насыщена займствованными концептами, которые требуют особого внимания вследствие специфики развития своей структуры. Цель статьи – описать базовые признаки структуры займствованного концепта *скипетр*. Для этого необходимо решить следующие задачи: 1) определить список мотивирующих признаков концепта *скипетр*; 2) выявить понятийные признаки концепта *скипетр*; 3) описать лингвокультурологические особенности когнитивных признаков займствованного концепта *скипетр*. Актуальность проведенного исследования заключается в осмыслении роли займствованных концептов, вошедших в русскую лингвокультуру на разных этапах развития языка. В статье анализируются три этимологических, одиннадцать толковых словарей и один энциклопедический словарь русского языка для решения поставленных задач. Развитие структуры концепта *скипетр* происходит путём расширения от десяти мотивирующих ('венец', 'владение', 'достоинство', 'жезл', 'знак', 'опираюсь', 'палка', 'посох', 'царского', 'царство') до 17 понятийных. Исследование языкового материала позволило определить еще 10 понятийных признаков, «пропущенных» в словарях. Понятийные признаки концепта *скипетр* из толковых словарей, дополненные данными языкового материала, объединяются в виде восьми блоков: 1. Признак власти ('атрибут', '(почетный) знак / инсигния', 'сила / могущество', 'символ (власти)', 'регалия'; 'эмблема'); 2. Место в социальной иерархии ('владельческий / царский / княжеский сан', '(верховная) власть', 'достоинство', 'монархическая'); 3. Властитель ('державный властитель'; 'монарх (царь / король / государь / император / президент)'); 4. Украшенный предмет ('жезл', 'из драгоценного металла', 'с драгоценными камнями', 'с резьбой', 'украшенный'; 'из кристалла/хрустала/аквамарина'); 5. Имущество ('принадлежность'; 'наследие', 'сокровище / реликвия / святыня'). 6. Опора / оружие ('посох / палка / оружие', 'дубинка', 'из камня', 'из металла'); 7. Тяжесть ('бремя / ноша'); 8. Растение ('растение (лат. *Verbascum densiflorum* / *Verbascum Thiapsus*)). Специфика эволюции концепта *скипетр* состоит в том, что из десяти мотивирующих развиваются 27 понятийных признаков, которые вбирают в себя и категориальные ('бремя / ноша', 'принадлежность'; 'наследие', 'сокровище / реликвия / святыня'), и символические признаки ('символ (власти)', 'регалия'; 'эмблема').

Ключевые слова: займствованный концепт, языковая картина мира, мотивирующие признаки, понятийные признаки, структура концепта, лингвокультурология.

DOI 10.25587/d0044-0554-7228-f

ДЕМИДОВА Евгения Евгеньевна – к. филол. н., преподаватель, Санкт-Петербургский институт иностранных языков.

E-mail: Demidova_Eu@mail.ru

DEMIDOVA Eugenia Evgenievna – Candidate of Philology, lecturer, Institute of Foreign Languages.

E. E. Demidova

Symbols of power in Russian linguistic culture (on the example of a *scepter* borrowed concept)

Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, Russia

Abstract. The concepts of the social and political sphere are gradually becoming the object of research of cognitologists and linguoculturologists. This area is full of borrowed concepts that require special attention due to the specifics of the development of their structure. The purpose of the article is to describe the basic signs of the structure of a *scepter* borrowed concept. It is necessary to solve the following tasks: 1. Determine the list of motivating signs of a *scepter* concept; 2. To identify the conceptual signs of a *scepter*. 3. Describe the linguistic and cultural features of the cognitive signs of a *scepter* borrowed concept. The relevance of the study lies in understanding the role of borrowed concepts that have entered Russian linguoculture at different stages of language development. The article analyzes three etymological and eleven explanatory dictionaries and one encyclopedic dictionary of the Russian language for solving the assigned tasks. The development of the structure of a *scepter* concept occurs through expansion: from ten motivating ones: 'crown', 'possession', 'dignity', 'rod', 'sign', 'lean', 'stick', 'staff', 'royal', 'kingdom' up to 17 conceptual. The study of the language material made it possible to determine 10 more conceptual signs "missing" in the dictionaries. Conceptual signs of a *scepter* from explanatory dictionaries, supplemented by data of language material, are combined in the form of eight blocks: 1. Sign of power ('attribute', '(honor) badge / insignia', 'strength / might', 'symbol (of power)', 'regalia'; 'emblem'); 2. Place in the social hierarchy ('sovereign / royal / princely dignity', '(supreme) power', 'dignity', 'monarchical'); 3. Sovereign ('sovereign ruler'; 'monarch (king / sovereign / emperor / president)'); 4. Decorated object ('wand', 'made of precious metal', 'with precious stones', 'carved', 'decorated'; 'made of crystal / aquamarine'); 5. Property ('belonging'; 'heritage', 'treasure / relic / shrine'). 6. Support / weapon ('staff / stick / weapon', 'baton', 'made of stone', 'made of metal'); 7. Severity ('burden'); 8. Plant ('plant (lat. *Verbascum densiflorum* / *Verbascum Thiapsus*); 'heritage', 'treasure / relic / shrine'), and symbolic signs ('symbol (of power)', 'regalia'; 'emblem'). The specificity of the evolution of a *scepter* concept is that out of ten motivating ones, 27 conceptual signs develop, which also include categorical signs ('burden / burden', 'belonging'; 'heritage', 'treasure / relic / shrine'), and symbolic signs ('symbol (of power)', 'regalia'; 'emblem').

Keywords: borrowed concept, language picture of the world, motivating signs, conceptual signs, concept structure, cultural linguistics.

Введение

В современной литературе существует много работ, посвященных концептуальным исследованиям. Часть таких работ относится к сфере политической лингвистики, одним из приоритетов которой является изучение области властных структур. Данная статья посвящена описанию концепта *скипетр*, воплощающего в себе идею символа власти. В лингвистике отсутствуют работы, связанные с исследованием этого концепта, в этом состоит научная новизна работы.

В начале XXI века профессор М. В. Пименова ввела в когнитивную лингвистику термин «заимствованный концепт» [1, 2]. Только сейчас тема заимствованных концептов начинает широко обсуждаться.

Цель статьи – описать основные признаки заимствованного концепта *скипетр*, составляющие его структуру. Актуальность работы заключается в осмыслении роли заимствованных концептов, вошедших в русскую лингвокультуру на разных этапах развития языка.

Проведенное исследование подтвердило выводы М. В. Пименной об особенностях развития структуры заимствованного концепта: «У заимствованных концептов слаборазвитая структура. Даже при наличии большого количества признаков эти признаки плохо группируются, что свидетельствует о малом времени, затраченном на осознание различных сторон этого концепта, а также внедрение его признаков в языковую практику» [3].

Методы и материал исследования

Основными методами, использованными в работе, выступают метод концептуального анализа, дескриптивный и интерпретативный методы. Материал исследования взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Результаты

Концепт *скипетр* в русском языке вербализован заимствованным словом, следовательно, он сам также является заимствованным. Практическое отсутствие (за редким исключением) образных признаков, смешение понятийных, категориальных и символических признаков указывает на малое время, данное для освоения этого концепта. Кроме того, этот концепт является застывшим, т. к. в России произошла смена общественной формации и данный концепт «ушел в тень», став историческим.

При обращении к вопросу об истории слова *скипетр* исследователь сталкивается с проблемой: не все этимологические словари содержат статью «скипетр». Из 12 просмотренных этимологических словарей только три приводят эту статью [4–6].

Слово *скипетр* восходит к греч. σκῆπτρον «посох, жезл». На это указывает словарь М. Фасмера [6]. А. Г. Преображенский отмечает, что греческое слово ὄχιπτρον «посох; палка; жезл» восходит к χῆπτω, χῆπτομαι «опираюсь» [4, с. 298]. По словам М. В. Пименной, «Заимствованные концепты, помимо слабо развитой структуры, имеют еще некоторые отличительные особенности. Многие признаки таких концептов пришли вместе со словом в виде мотивирующего признака (не осознаваемого таковым народом, заимствовавшим концепт) и признаков, производных от него» [3]. В русском языке это слово встречается в разные периоды истории в разных формах: *скиптр*, *скифетр*. В древнерусском языке – *скиптьръ*.

Как культурный артефакт скипетр «произошел от палки, которую носили первые властители» [7]. Как указывается в «Библейской энциклопедии», «царский скипетр ведет свое начало от пастушеских жезлов, так как патриархальные вожди были вместе и пастырями, и князьями» [18]. Это же мнение высказывается в «Библейском словаре к русской канонической Библии»: скипетр «происходил, как можно предположить, от посохов патриархов, которые были и пастухами, и князьями одновременно» [9].

Было проанализировано три этимологических словаря русского языка. Анализ словарных статей основного репрезентанта концепта *скипетр* показал следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

**Мотивирующие признаки концепта *скипетр*
по данным этимологических словарей русского языка**

№№	Мотивирующие признаки концепта скипетр	А. Г. Преображенский Этимологический словарь русского языка	И. И. Срезневский Материалы для словаря древне-русского языка	М. Фасмер Этимологический словарь русского языка
1.	‘венец’	-	+	-
2.	‘владение’	-	+	-
3.	‘достоинство’	-	+	-
4.	‘жезл’	+	+	+
5.	‘знак’	-	+	
6.	‘опираюсь’	+	-	--
7.	‘палка’	+	-	-
8.	‘посох’	+	-	+
9.	‘царского’	-	+	-
10.	‘царство’	-	+	-

Мотивирующие признаки заимствованного концепта скипетр можно представить тремя блоками: 1. Опора (‘опираюсь’, ‘палка’, ‘посох’); 2. Знаковый предмет (‘венец’, ‘жезл’, ‘знак’, ‘достоинство’, ‘царского’); 3. Власть (‘владение’, ‘царство’).

Для определения всего спектра понятийных признаков было проанализировано 12 словарей русского языка. В результате у концепта скипетр выявлено 17 понятийных признаков. Ни один из толковых и энциклопедических словарей не указывает всего комплекса понятийных признаков изучаемого концепта.

Таблица 2

**Понятийные признаки концепта *скипетр* в толковых
словарях русского языка и энциклопедиях**

№№	Понятийные признаки концепта скипетр	БАС	Большой энциклопедический словарь	В. И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка	Т. Ф. Ефремова Современный толковый словарь русского языка	С. А. Кузнецов Большой толковый словарь русского языка	Новый словарь иностранных слов	С. И. Ожегов Толковый словарь русского языка	М. Попов Полный словарь иностранных слов	МАС	Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков	Д. Н. Ушаков Толковый словарь русского языка	А. Н. Чудинов Словарь иностранных слов
1	‘атрибут’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-

2	‘владетельный / царский сан’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
3	‘(верховная) власть’	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
4	‘державный властитель’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	‘достоинство’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
6	‘жезл’	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
7	‘(почетный) знак’	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
8	‘из драгоценного металла’	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
9	‘монарх (царь / государь)’	+	+	+	+	-	+	+	-	-	+	+	+
10	‘монархическая’	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
11	‘принадлежность’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
12	‘регалия’	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-
13	‘с драгоценными камнями’	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+	-
14	‘с резьбой’	+	-	-	+	+	+	-	+	-	-	+	-
15	‘символ (власти)’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
16	‘украшенный’	+	-	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-
17	‘эмблема’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-

Обратимся к языковому материалу и рассмотрим способы актуализации понятийных признаков концепта скипетр. Заимствованный концепт прошел долгую историю внедрения в русскую лингвокультуру. Сейчас этот концепт относится к разряду исторических из-за смены общественного устройства в России:

‘атрибут’ (По древнему обычаю, египетские фараоны носили кривые мечи, служившие, как и скипетр, атрибутами власти. К. Мейер. Искатели мумий);

‘владетельный / царский сан’ (Царь только что получил депешу от генерала Саввова: Адрианополь – под скипетром Вашего Величества. Сдача Шукри-паши Падение Адрианополя (1913.03.27) // «Утро России», 1913); в языковом материале этот признак расширяется до ‘владетельный / царский / княжеский сан’ (У передней правой скобы, рядом с изображением царя Федора Ивановича, сидящего на коне со скипетром в руке, видна такая надпись: «Божиею милостию царь и великий князь Федор Иванович государь и самодержавец всея великия Росия». С. Романюк. Царь-пушка);

‘(верховная) власть’ (Когда под скипетром великия жены Венчалась славою счастливая Россия. А. Архангельский. Александр I);

‘державный властитель’ (Несколько лет назад аукционный дом Sothbey’s выставил на продажу основные символы самодержавной власти: одну из царских корон и державный скипетр! С. Ткачук. Троянский конь);

‘достоинство’ (Вездѣ въ Европѣ процвѣтаетъ купечество, и много тамъ въ продажѣ такихъ вещей которыхъ унасъ купить не возможно; такъ Римляны унихъ продають небо, Швейцары себя самихъ, а въ*** и короны и Скипетры, и Королевское достоинство, все состоитъ на продажѣ. С. Савицкий. Подземное путешествіе представляющее Исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животных);

‘жезл’ (Ты думаешь, этот грузин, мать его, не понимает, чей жезл, чей скипетр он держит в руках? Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь);

‘(почетный) знак’ (Затем Великая мать богов, как объявлялось народу, даровала им знаки власти: венец, скипетр или ритон (сосуд в форме рога). А. Голяндин. Перперикон); этот признак в языковом материале расширяется до ‘(почетный) знак / инсигния’ (Золотых дел мастер сделал для него корону по образцу настоящей, скипетр и другие царственные инсигнии. А. П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции);

‘из драгоценного металла’ (Корона, надетая поверх черной собольей шапки, была покрыта крупными алмазами, так же как и золотой скипетр, который он, вероятно из-за тяжести, по временам перекладывал из руки в руку. И. Загородняя. Во утверждение дружбы...);

‘монарх (царь / государь)’ (Он вручает мне кисть с торжественностью, словно монарх, передающий наследнику скипетр. Л. К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский); как показывает языковой материал, этот признак расширяется до ‘монарх (царь / король / государь / император / президент)’ (Трон поставили напротив главного входа в зал на специальный небольшой постамент, и король со своим смертоносным скипетром возвышался над притихшей толпой. С. Осипов. Страсти по Фоме; Иными словами, император – это тот, кто, обретя скипетр, не принимает его как бремя, но, наоборот, освобождается и сознает, что то, как он жил, не стоило того, чтобы жить. П. Крусанов. Укус ангела; Он, генсек партии социальной справедливости и внепартийный президент с державным скипетром, сидел в политике на двух стульях. Н. Анисин. Красный реванш);

‘монархическая’ (Любовь к России бывшей царской, «процветавшей» под монархическим скипетром, для вас самих ясно, надо оставить спокойно выдыхаться у неисправимых, доживающих свой век чудаков, для которых действительные, жизненные интересы Казачества никогда не были близки и понятны. Необходимо сказать // «Вольное казачество», № 60, 1930);

‘принадлежность’ (Где то «величество», которое дерзает поставить разум на свое место, т. е. лишить его скипетра и державы? Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим);

‘регалия’ (бы в подтверждение этого Шумахер при коронации поднес Христиану королевские регалии – венец, скипетр и державу и, к крайнему негодованию вельмож-завистников, занял у трона ближайшее место. К. Биркин. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий);

‘с драгоценными камнями’ (Из Лиссабона «Daily Express» сообщают следующее: «португальское правительство, нуждаясь в деньгах, заложило за 8 000 000 рублей государственные драгоценности, среди которых, между прочим, находился осыпанный бриллиантами скипетр Дон-Хуана I. Разные известия (1902.09.07) // «Московский листок», 1902);

‘с резьбой’ (-);

‘символ (власти)’ (О неминуемой мести за отступление от правил напоминала палица, которая висела у Перуна на поясе, позже ставшая символом власти – скипетром или булавой. В. Епифанцев. По следам поверженных идолов);

‘украшенный’ (Короли и цари украшали драгоценностями свои мантии, троны, царские венцы, скипетры и прочие атрибуты власти. В. Петров. Драгоценные камни);

‘эмблема’ (В цепких, когтистых лапах своих они несли царские эмблемы – скипетр и державу. Уральские самоцветы над Кремлем // «Уральский следопыт», 1935).

Обсуждение

Как показывают результаты изучения языкового материала, не обнаружены случаи актуализации одного из указанных в толковых словарях русского языка признака – ‘с резьбой’.

Изучение языкового материала привело к выявлению дополнительных десяти понятийных признаков, «пропущенных» в толковых словарях русского языка:

‘сила / могущество’ (Длинный путь лежал от письменных столов нескольких десятков физиков, от листочков бумаги, исписанных греческими бета, альфа, кси, гамма, сигма, от библиотечных шкафов и лабораторных комнат до сатанинской космической силы – будущего скипетра государственного могущества. В. Гроссман. Жизнь и судьба);

‘посох’ (Достоверный исторический факт рассказывает о знаменитом посохе (скипетре) Ивана Грозного, обшитом прекрасным северным жемчугом. А. Лерчик. Жемчуг слёз и розы смеха); данный признак относится к разряду мотивирующих, он сохранил свою актуальность и сейчас функционирует в качестве понятийного, расширяясь до ‘посох / оружие’ (Даже бедный пастушеский посох у подножия Арарата становится похож на скипетр царя. Д.С. Лихачев. Письма о добром и прекрасном; Он все еще держал в вытянутых руках пистолет и бомбу, как скипетр и державу. А. В. Козачинский. Зеленый фургон; Посох, из которого, как показывает греческое слово, развился наш скипетр, был первоначально орудием, а затем символом карательной власти. Ф. Ф. Зелинский. История античной культуры);

‘палка’ (А царский скипетр разве не та же палка? Б. А. Садовской. Пшеница и плевелы); этот признак восходит к мотивирующему, сохранившему актуальность до наших дней;

‘наследие’ (Далее, после своеобразного описания, как сие произошло, в письме говорилось: «Егда императрица Елизавета Петровна, отыде на вечное блаженство, соизволила скипетр российского государства вручить природному наследнику, великому нашему государю Петру Федоровичу, и все государство ему присягало. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев);

‘сокровище / реликвия / святыня’ (До войны можно было видеть в полной сохранности и здание, где состязались средневековые певцы – монастырь святой Катерины, служивший, кстати, и своего рода «Оружейной палатой» Германии – здесь хранились имперские сокровища и реликвии, вроде меча, скипетра и державы Карла Великого, основателя первого рейха. Б. Ефимов. Десять десятилетий; Значимость его, по-видимому, усилилась за счёт того, что он вернул Шотландии её святыни: королевский скипетр, корону и меч после многих лет неизвестности их местонахождения. Т. Н. Ткаченко. В Англию);

‘из металла’ (Историческое сообщение свидетельствует о том, что царь Анитта получил от правителя хаттского или хурритского города Пурусханды железные скипетр и трон. В. Сократов. Хетты наши родственники?; В руках Ний держал чугунные скипетр и меч. И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»);

‘из камня’ (А символами духовной власти в тот период, возможно, были каменные скипетры с изображениями фантастических животных. О. Брилева. Новые загадки эпохи неолита и раннего бронзового века Кавказа);

‘из кристалла / хрусталя / аквамарина’ (Она держит в руке маленький хрустальный скипетр и резко машет им сверху вниз... О. Гладов. Любовь стратегического назначения; В Оружейной палате в Кремле хранится скипетр последнего польского короля Станислава, сделанный из целого кристалла аквамарина длиной около 30 сантиметров. Портреты камней // «Химия и жизнь», 1965);

‘бремя / ноша’ (Вот какая давняя и тяжкая ноша – скипетр византийского наследства. В. Мохнач. Бремя Третьего Рима; Со своей стороны мы просим Бога, чтобы зрелище любви ваших народов еще более укрепило сердце ваше, дабы еще долгое время вы могли нести тяжесть скипетра и короны к вящему благу германской нации. Письмо папы к императору Вильгельму (1913.08.22) // «Русские ведомости», 1913);

‘дубинка’ (Ведь скипетр – изначально всего лишь боевая дубинка, так что череп им расколоть очень даже можно. С. Логинов. Высокие технологии);

‘растение (лат. *Verbascum densiflorum*/ *Verbascum Thiapsus*)’ (Она держала в руке

длинный стебель степного цветка: «царским жезлом» зовут его русские люди, – он и то похож на скипетр. И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе). В народе это растение называют коровяк высокий, или густоцветковый, или скипетровидный – это двулетнее травянистое растение, у которого есть другие имена: царская свеча, царский скипетр, медвежье ухо.

Мотивирующие признаки заимствованного концепта скипетр объединены в три блока. Понятийные признаки концепта скипетр на основе анализа толковых словарей можно представить в виде пяти блоков: 1. Признак власти ('атрибут', '(почетный) знак', 'символ (власти)', 'регалия'; 'эмблема'); 2. Место в социальной иерархии ('владелец / царский сан', '(верховная) власть', 'достоинство', 'монархическая'); 3. Властитель ('державный властитель'; 'монарх (царь / государь)'); 4. Украшенный предмет ('жезл', 'из драгоценного металла', 'с драгоценными камнями', 'с резьбой', 'украшенный'); 5. Имущество ('принадлежность').

Заключение

Понятийные признаки концепта *скипетр* из толковых словарей, дополненные данными языкового материала, можно представить в виде восьми блоков: 1. Признак власти ('атрибут', '(почетный) знак / инсигния', 'сила / могущество', 'символ (власти)', 'регалия'; 'эмблема'); 2. Место в социальной иерархии ('владелец / царский / княжеский сан', '(верховная) власть', 'достоинство', 'монархическая'); 3. Властитель ('державный властитель'; 'монарх (царь / король / государь / император / президент)'); 4. Украшенный предмет ('жезл', 'из драгоценного металла', 'с драгоценными камнями', 'с резьбой', 'украшенный'; 'из кристалла / хрусталя / аквамарина'); 5. Имущество ('принадлежность'; 'наследие', 'сокровище / реликвия / святыня'). 6. Опора / оружие ('посох / оружие', 'палка', 'дубинка', 'из камня', 'из металла'). 7. Тяжесть ('бремя / ноша'); 8. Растение ('растение (лат. *Verbascum densiflorum* / *Verbascum Thiapsus*)).

Таким образом, увеличение заимствованного концепта понятийных признаков ломает традиционную схему развития концептуальной структуры. У концепта *скипетр* из десяти мотивирующих развиваются 27 понятийных признаков, которые вбирают в себя и категориальные ('бремя / ноша', 'принадлежность'; 'наследие', 'сокровище / реликвия / святыня'), и символические признаки ('символ (власти)', 'регалия'; 'эмблема'). В этом заключается лингвокультурная специфика эволюции структуры заимствованного концепта *скипетр*.

Л и т е р а т у р а

1. Пименов, Е. А. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК : [коллективная монография] / Ответственный редактор М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2005. – С. 143-177. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).
2. Пименова, М. В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / ответственные редакторы Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – С. 26-37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
3. Пименова, М. В. Заимствованные концепты / М. В. Пименова. – URL: https://ozlib.com/858524/literatura/zaimstvovannye_kontsepty (дата обращения: 25.05.2021).
4. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. – Т. II (П – С). – 416 с. – С. 298.
5. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : [в 3 томах] / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1912. – Т. III. – 1684 стлб. – Стлб. 375.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – [2-е изд., стер.] – Т. IV (Муза-Сят). – Москва : Прогресс; 1987. – 831 с. – URL: <https://lexicography.online/etymology/c/скипетр> (дата обращения: 25.05.2021).

7. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. – 2010. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33568/СКИПЕТР (дата обращения: 25.05.2021).
8. Библейская энциклопедия арх. Никифора. – URL: <https://znachenie-slova.ru/скипетр> (дата обращения: 25.05.2021).
9. Библейский словарь к русской канонической Библии. – URL: <https://znachenie-slova.ru/скипетр> (дата обращения: 25.05.2021).
10. Словарь современного русского литературного языка (БАС) : [в 17 томах]. – Москва ; Ленинград, 1962. – Т. 13 (С – Сняться). – С. 933.
11. Большой энциклопедический словарь. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/273182> (дата обращения: 25.05.2021).
12. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 томах]. – Санкт-Петербург, 1863–1866 / В. И. Даль. – Репринтное издание. – Санкт-Петербург : Диамант, 1996. – Т. IV. – 784 с. – С. 196.
13. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2005. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/c/скипетр> (дата обращения: 25.05.2021).
14. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 1195.
15. Новый словарь иностранных слов. – 2012. – URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1430788.html> (дата обращения: 25.05.2021).
16. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/skipetr/?q=742&n=203392> (дата обращения: 25.05.2021).
17. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – 1907. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33568/СКИПЕТР (дата обращения: 25.05.2021).
18. Словарь современного русского языка (МАС) : [в 4 томах] / РАН, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. П. Евгеньевой. – [3-е изд., стер.]. – Москва : Русский язык, 1985. – Т. IV. – 790 с. – С. 108.
19. Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков / составитель Л. А. Глинкина. 1998. – URL: https://difficult_words_ru.academic.ru/625/скипетр (дата обращения: 25.05.2021).
20. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков, 1935-1940. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 25.05.2021).

References

1. Pimenov, E. A. Sopotavitel'nyj analiz zaimstvovannyh konceptov (na primere russkogo koncepta ideya i nemeckogo koncepta Idee) // *Konceptual'nye sfery MIR i CHELOVEK* : [kollektivnaya monografiya] / *Otvetstvennyj redaktor M. V. Pimenova*. – Kemerovo : Grafika, 2005. – S. 143-177. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 6).
2. Pimenova, M. V. Obman voobrazhaemyh mirov (mir illyuzij: opyt zaimstvovannogo koncepta) // *Konceptosfera i yazykovaya kartina mira* / *otvetstvennye redaktory E. A. Pimenov, M. V. Pimenova*. – Kemerovo : KemGU, 2006. – S. 26-37. (Seriya «Filologicheskij sbornik». Vyp. 9).
3. Pimenova, M. V. Zaimstvovannye koncepty / M. V. Pimenova. – URL: https://ozlib.com/858524/literatura/zaimstvovannye_kontsepty (data obrashcheniya: 25.05.2021).
4. Preobrazhenskij, A. G. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / A. G. Preobrazhenskij. – Moskva : Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1910-1914. – Т. II (P – S). – 416 s. – S. 298.
5. Sreznevskij, I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam : [v 3 tomah] / I. I. Sreznevskij. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1912. – Т. III. – 1684 stlb. – Stlb. 375.
6. Fasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / M. Fasmer ; Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. – [2-e izd., ster.]. – Т. IV (Muza-Syat). – Moskva : Progress, 1987. – 831 s. – URL: <https://lexicography.online/etymology/s/skipetr> (data obrashcheniya: 25.05.2021).

7. Chudinov, A. N. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka / A. N. Chudinov. – 2010. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33568/SKIPETR (data obrashcheniya: 25.05.2021).
8. Biblejskaya enciklopediya arh. Nikifora. – URL: <https://znachenie-slova.ru/skipetr> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
9. Biblejskij slovar' k russkoj kanonicheskoj Biblii. – URL: <https://znachenie-slova.ru/skipetr> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
10. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (BAS) : [v 17 tomah]. – Moskva ; Leningrad, 1962. – T. 13 (S – Snyat'sya). – S. 933.
11. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/273182> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
12. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [v 4 tomah]. – Sankt-Peterburg, 1863–1866 / V. I. Dal'. – Reprintnoe izdanie. – Sankt-Peterburg : Diamant, 1996. – T. IV. – 784 s. – S. 196.
13. Efremova, T. F. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka / T. F. Efremova. 2005. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/s/skipetr> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
14. Kuznecov, S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S. A. Kuznecov. – Sankt-Peterburg : Norint, 2000. – 1536 s. – S. 1195.
15. Novyj slovar' inostrannyh slov. – 2012. – URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1430788.html> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
16. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. – URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/skipetr/?q=742&n=203392> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
17. Popov, M. Polnyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkom yazyke / M. Popov. – 1907. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33568/SKIPETR (data obrashcheniya: 25.05.2021).
18. Slovar' sovremennogo russkogo yazyka (MAS) : [v 4 tomah] / RAN, Institut lingvisticheskikh issledovanij ; pod redakciej A. P. Evgen'evoj. – [3-e izd., ster.]. – Moskva : Russkij yazyk, 1985. – T. IV. – 790 s. – S. 108.
19. Slovar' zabytyh i trudnyh slov iz proizvedenij russkoj literatury HVIII-HIH vekov / sostavitel' L. A. Glinkina. 1998. – URL: https://difficult_words_ru.academic.ru/625/skipetr (data obrashcheniya: 25.05.2021).
20. Ushakov, D. N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / D. N. Ushakov, 1935-1940. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (data obrashcheniya: 25.05.2021).

С. В. Иванова¹, У. Н. Текенова²

Проблема передачи индивидуального стиля писателя в художественном переводе: на материале повести «Пепел звезд» Дибаша Каинчина

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия,

²Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены язык и стиль, особенности их передачи при переводе с алтайского языка на русский и якутский языки повести «Пепел звезд» Дибаша Каинчина. Проанализированы особенности индивидуального стиля прозаика: система культурных взглядов, художественные приемы, способы их сохранения при переводе, методы трансформации образов с языка оригинала на русский и якутский языки. Авторы попытались рассмотреть лингвопоэтически эквивалентные, так и лингвопоэтически неэквивалентные примеры из текстов переводов на русский и якутский языки анализируемой повести, обладающие художественными достоинствами. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки переводческих стратегий, которые могли бы применяться при переводе текстов с родственных тюркских языков на якутский язык. Перевод художественных произведений, в которых отображаются особенности национального менталитета, обычаи и традиции, способствует взаимообогащению литератур, расширению сферы межнационального общения, воспитанию культуре межнационального общения. Цель исследования – выявить лексико-грамматические и стилистические особенности, отличающие авторский стиль (идиостиль) Д. Каинчина в повести «Пепел звезд». Задачи – проследить методы и способы, примененные переводчиком для сохранения стиля писателя на переводящих (русском и якутском) языках, опираясь на научные данные о переводе в смежных дисциплинах (лингвистика и литературоведение); осмыслить сущность художественного перевода и своеобразие индивидуального стиля писателя. В работе использован сравнительно-сопоставительный анализ оригинала произведения и его переводов на русский и якутский языки. Сравнительно-сопоставительный анализ произведения Д. Каинчина с его переводами позволил оценить адекватность передачи различных аспектов индивидуального стиля писателя. Также авторы пришли к выводу, что некоторые образы-символы, изобразительные средства, использованные в произведении, имеют общетюркские корни.

Ключевые слова: лингвистика и литературоведение, лингвопоэтика, язык писателя, стиль писателя, образы-символы, переводчик-билингв, алтайско-русский перевод, русско-якутский перевод, художественный перевод, способы перевода.

DOI 10.25587/p0028-2581-9202-m

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sargylana Vladimirovna – Ph.D., Associate Professor Associate Professor of the Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТЕКЕНОВА Ульяна Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета.

E-mail: tekenovau@mail.ru

TEKENOVA Ulyana Nikolaevna – Ph.D., Associate Professor Associate Professor of the Department of Altai Philology and Oriental Studies, Faculty of Altaistics and Turkology, Gorno-Altai State University.

S. V. Ivanova¹, U. N. Tekenova²

The problem of transmitting the individual style of the writer in literary translation: based on the material of the story "Ashes of the Stars" by Dibash Kainchin

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia²Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article discusses the language and style, the features of their transmission when translating from the Altai language into Russian and Yakut languages of the story "Ashes of the Stars" by Dibash Kainchin. The features of the individual style of the prose writer are analyzed: the system of cultural views, artistic techniques, ways of preserving them in translation, methods of transforming images from the original language into Russian and Yakut. The authors tried to consider linguopoetic equivalent and linguopoetic non-equivalent, although having artistic merit, examples from the texts of translations into Russian and Yakut languages of the analyzed story. The relevance of the research topic is due to the need to develop translation strategies that could be used when translating texts from related Turkic languages into the Yakut language. The translation of works of art that reflect the peculiarities of national mentality, customs and traditions contributes to the mutual enrichment of literature, the expansion of the sphere of interethnic communication, the education of the culture of interethnic communication. The purpose of the study is to identify lexico-grammatical and stylistic features that distinguish the author's style (idiostyle) Dibasha Kainchina in the story "Ashes of the Stars". The tasks are to trace the methods and methods used by the translator to preserve the writer's style in the translating (Russian and Yakut) languages, based on scientific data on translation in related disciplines (linguistics and literary studies), to comprehend the essence of literary translation and the originality of the writer's individual style. The paper uses a comparative analysis of the original work and its translations into Russian and Yakut languages. A comparative analysis of the work of Dibash Kainchin with his translations made it possible to assess the adequacy of the transfer of various aspects of the writer's individual style. The authors also came to the conclusion that some images-symbols, visual means used in the work have common Turkic roots.

Keywords: linguistics and literary criticism, linguopoetics, writer's language, writer's style, images-symbols, bilingual translator, Altaic-Russian translation, Russian-Yakut translation, literary translation, translation methods.

Введение

В многонациональной России перевод художественных произведений, в которых отображаются особенности национального менталитета, обычаи и традиции, образ мыслей, взгляды на окружающую действительность и взаимоотношения людей, способствует взаимообогащению литератур, расширению сферы межнационального общения, воспитанию культуре межнационального общения. Литературовед Н. М. Киндикова, отмечая генетическую связь литератур сибирского региона и тюркских литератур России, акцентирует внимание на их типологические связи с другими литературами [1]. Известно, что национальная литература и искусство народов России способствовали установившимся отношениям дружбы и сотрудничества между народами, их

духовному родству во многом. Именно взаимоперевод художественных произведений, а точнее, переводческая деятельность, играет важную роль в сближении народов. Как справедливо замечает А. М. Каторова, «в последнее время наблюдается снижение изданий переводной литературы, обусловленное объективными и субъективными причинами (изменением идеологических ориентиров и экономических условий, недостаточным вниманием государственных структур к развитию всей художественной литературы, утратой традиций школы художественного перевода, отсутствием целенаправленной подготовки переводческих кадров с языков народов России), может привести в конечном итоге к постепенному исчезновению литератур малочисленных народов, обеднить национальное многообразие, чем мы привыкли гордиться» [2, с. 554–562].

Методология и методы исследования

В исследовании применен сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и его перевода, историко-культурный методы исследования.

Методологический характер статьи определяется новым ракурсом изучения объекта. Билингвизм, отраженный в художественном тексте повести, исследуется в его обусловленности историколингвокультурной универсальностью – русско-национальным двуязычием и общекультурными процессами. Впервые объект изучается в данном аспекте с анализом одновременно трех культур (алтайской, русской и якутской).

Обсуждение

Проблема эквивалентности перевода оригиналу является одной из центральных проблем переводоведения. В данном разделе также ставится вопрос о переводе произведения словесно-художественного творчества: передача идейно-художественного содержания и создания определенного эстетического эффекта с «целью коммуникации».

Если говорить о переводной литературе, то справедливо и актуально звучат слова П. Топер о том, что в национальных литературах бывшего СССР многие писатели занимались переводами без знания языка, пользуясь лишь подстрочными переводами [3]. Произведения Д. Б. Каинчина и раньше печатались на русском и других языках народов России в переводе А. Плитченко, А. Кузнецова, В. Сеницына, Д. Константиновского, А. Китайника, Е. Гущина, К. Каинчиной, О. Марковой и др. Все подстрочники к своим произведениям писатель готовил сам. Некоторые из изданных ранее рассказов и повестей были отредактированы самим автором и опубликованы. Следует заметить, что эти произведения стали более близки к оригиналу, и читателю, носителю языка оригинала, стало интереснее читать их и в переводе.

Повесть «Пепел звезд» («Үлүдүстэр коҕы») Д. Каинчина (1938–2012 гг.) написана на родном языке и впервые была опубликована в литературно-художественном альманахе «Эл-Алтай» в 1992 г. (№ 1, 2). В полном объеме она была напечатана только в 1994 г. в очередном сборнике писателя «Карган тыт» («Старая лиственница») [4]. В 2006 г. повесть издается на русском языке в переводе самого автора и его дочери Кемене Каинчиной [5]. В заключительных строках отмечено место и дата: «Яконур-Улала, 1992–2004 гг.». Отсюда видно, что писатель работал параллельно над переводом своей повести, когда готовил к изданию оригинал текста. В 2009 г. в г. Якутске выходит в свет издание произведения на якутском языке «Умуллубут сулустар куллэрэ» в переводе С. Н. Горохова [6].

Историю перевода повести на якутский язык мы нашли в журнале «Илин» за 2006 г., где впервые был напечатан отрывок из перевода [7]. С. Горохов познакомился с Д. Каинчиным во время отдыха в Горном Алтае. Они обменялись своими книгами и С. Горохов загорелся идеей перевести на якутский язык произведения Каинчина. Как пишут редакторы журнала «Илин» в предисловии текста: «...отношение к природе, олицетворение природы, образное и философское мышление [героев повести] близки к якутам. Описываемое в повести стремление главного героя – кагана к сохранению родного народа и в наш век волнует и притягивает читателя» [7, с. 18].

Переводы на русском и якутском языках сопровождаются иллюстрациями алтайского художника С. Дыкова с изображениями событий древнетюркского периода, которые разделяют каждую главу, что облегчает чтение и способствует восприятию содержания. Это является еще одним средством общения с художественным миром произведения.

Дибаш Каинчин обращается к далекой истории древних тюрков и создает впечатляющую картину, как бы проводя реконструкцию прошлого в его событийной фактуре. О замысле исторического полотна упомянуто во вступлении к повести на русском языке, произведение имеет кольцевую композицию – в финале повести, как и в начале, читатель оказывается в реальной жизни, повествование опять идет устами автора.

Тема древних тюрков, персонифицированная в образе кагана Ак-Кун, получает развитие в контексте мировоззренческих исканий позднего Каинчина, испытывая влияние этико-философских убеждений и предубеждений автора. Работая над повестью, автор параллельно создает рассказ на историческую тему «Ченелте» («Испытание», 2004 г.).

Сюжет повести «Пепел звезд» разворачивается так, что подвиги, дерзкие набеги, походы войска Ак-Кун совершаются в пределах территории современного Горного Алтая и его соседних территорий. Все это подтверждается названиями мест, где происходят основные события повести (знаменитая долина Пазырыкских курганов, Белтир, Куркурек, Красные Ворота, Дьал-Менку – Вечная Грива, Уч-Сумер и т. д.).

Нельзя не коснуться проблемы билингвизма в алтайской и якутской литературах. Д. Каинчин является писателем и переводчиком-билингвом – «носителем двух систем общения» [4, с. 29], а С. Горохов – журналист, писатель и переводчик, перевел на якутский язык произведения В. Санги, Х. Ходжер, а также казахских и алтайских писателей. Крупными переводами являются книги В. Серошевского «Якуты» и «Якутские рассказы» и др. [7]. До настоящего времени в региональном литературоведении феномен двуязычия писателя остается вне научного поля исследователей. Далеко не все писатели обращаются к художественному переводу других авторов, тем более к авторскому. Заметим, что Д. Каинчин является писателем-переводчиком не только своих произведений, но и других авторов.

П. Топер справедливо отметил: «Чем крупнее творческая личность, создающая художественные ценности, тем значительнее его роль в литературной истории. Это в полной мере относится и к переводу и переводчику как участнику литературного процесса. Он не может быть нейтральным и незамутненным «передатчиком информации», в силу самой природы переводческого творчества он неизбежно выступает как сын своего времени и своего общества. Его творческая позиция, вне зависимости от его намерений (при сознательных намерениях это будет уже не перевод), неизбежно скажется на итоге его работы» [3, с. 39].

В данной статье рассматриваются авторский перевод на русский язык повести «Пепел звезд» и его перевод на якутский язык. По А. Поповичу, «перевод авторский – перевод произведения на другой язык самим автором. С точки зрения знаково-моделирующего положения по отношению к первичному тексту автоперевод нельзя считать вариантом оригинального текста. Он считается переводом в силу изменения ценностного и стилистическо-языкового поля, в которое попадает прототекст» [8, с. 187]. Д. Каинчин к переводу своих произведений пришел уже в достаточно зрелом возрасте. Как отмечает М. К. Кабакчи, автор, владеющий языком перевода, в случае позитивности всех прочих условных и безусловных факторов «авторизованности» перевода, может существенно облегчить и оптимизировать переводческий процесс путем собственного в нем участия и обеспечить, таким образом, более высокую адекватность и эквивалентность вторичного текста [9].

При этом нужно отметить, что это не единственное произведение, переведенное самим автором. Обратим внимание на небольшой отрывок из вступления повести и попробуем провести сопоставление перевода и оригинала:

«Бу өзөк – агару јер, байлу јер (1). Мында кайдöбөн лө көрзөн, чоґынты корымдар чөркөлижет – оордо кагандардын мөнгүлери (2). Мынын учун бу јерди Улу Кагаандар Öзöґи деп адаганы бир де кайкамчылу эмес (3). Јангыс сөслө, кагаан болзон – мөнгүң мында, кагаан эмес болзон – өскө јерде (4)» [3, с. 6]. В издании на русском языке из этого отрывка более близкий к оригиналу перевод имеет только последнее предложение: «Словом, если ты каган, то твое вечное ложе здесь, а если нет, то лежать костям твоим в другом месте» [4, с. 12]. Дословно эта фраза звучит так: «Одним словом, если каган (ты) – могила (твоя) здесь, если не каган – в другом месте» (пер. наш). В табл. 1 представлены переводы на русский и якутский языки.

Таблица 1

Сопоставление фрагмента повести Д. Каинчина и переводов на русский и якутский языки

Текст оригинала	Перевод на русский язык Д. и К. Каинчиных	Перевод на якутский язык С. Горохова
<p>Бу өзөк – агару јер, байлу јер [4, с. 1]. Мында кайдöбөн лө көрзөн, чоґынты корымдар чөркөлижет – оордо кагандардын мөнгүлери [4, с. 2]. Мынын учун бу јерди Улу Кагаандар Öзöґи деп адаганы бир де кайкамчылу эмес [4, с. 3].</p>	<p>По самой середине тянулась темная цепь круглых курганов, неровно чернели точки каменных балбалов – из-за них-то земля эта и называлась Долиною великих Каганов; священная эта земля, заповедная, ибо здесь могилы – вечные ложа великих предков, тут покоится их дух, тут юрты их душ, живет их таинственный мир – именно здесь продолжается истинная нескончаемая жизнь, для которой их родили и забрали к себе Небо и Бог-Кудай [5, с. 9-10].</p>	<p>Хочо ортотугар төгүрүк булгун-ньахтар боруоран көстөллөрө, сымара таастар онно-манна хараараллара. Ол да иһин бу сир Улуу Каганнар хочолорунан аатырар. Бу тытыллыбат ытык сир, манна улуу өбүгэлэр үй-саас тухары көмүллэ сытар уңуохтара харалла сытар, манна кинилэр тыыннара, дууһалара, кистэлэннэх эйгэлэрэ баар, манна Халлаан уонна Кудай Танара кинилэри төрөтөн-ууһатан баран, бэйэлэригэр төттөрү ылбыт уһуга биллибэт дьыннэх олохторо салҕанар [6, с. 3-5].</p>

Как мы заметили, в силу объективных различий между языками переводчики допускают перестановку слов, выражений, предложений, вносят дополнения, что подтверждает мысль П. Топера о том, что «при переводе передается не само языковое сообщение, а экстралингвистическая действительность, в нем заключенная, то есть происходит интерпретация сообщения, подлежащего переводу. Тем самым переводчик создает на основе экстралингвистической реальности новое языковое сообщение, которое эту действительность (заключенную в оригинале) отражает» [3, с. 141].

Переводчики не пытаются переводить дословно или буквально воспроизводить написанное в оригинале, обращаются к различным формам стилизации или импровизации с целью достижения историко-культурного правдоподобия и достоверности состояний героев [10].

Автор и переводчики придерживаются способа передачи идейно-художественного содержания произведения, обращаясь к разным повествовательным типам и их лингвопоэтическим разновидностям. Следовательно, и в переводе с оригинала на русский язык, и с русского языка на якутский язык наблюдается отражение тематико-стилистической неоднородности подлинника, что и на русском, и на якутском языке повесть «Пепел звезд» оказывается таким же высокохудожественным и эквивалентным оригиналу.

Текст повести на алтайском языке представляет собой лингвопоэтически насыщенные разновидности повествовательного типа («описание», «рассуждение» и «волеизъявление») [2, с. 172–185]. Обратим внимание на такие языковые средства, как сравнение, метафора, эпитет, часто встречающиеся в тексте оригинала и перевода. Примеры из первой части произведения в табл. 2.

Таблица 2

Изобразительно-выразительные средства в тексте оригинала и переводах

Оригинал	На русском языке	На якутском языке
Өзөктин чике ортозыла тыйрыйа аккан суу база кызарып калтыр. Чек ле кызара аккан кан [4, с. 6]	Точно в середине долины, извиваясь, текла река, которая тоже покраснела. Краснея, словно текущая кровь [5, с. 7]	Хочо хабайар хаба ортотугар өрүс эмиэ кытара сүүрүгүрдэ сытара. Хаан курдук, кытара [6, с. 8]
...а внизу, на дне долины, рассеченной, будто белым поясом, рекою Куркурек, было все сумеречно [5, с. 9]		Оттон аллара маҕан кур курдук субулла сытар Куркурек үрэх субулла сытар хочотун түгэбэр өссө да барыар этэ [6, с. 6]
«Ол кагып койгон казыктый көрүнди. Кажы ла жуучыл көскө көрүнбес армакчыла ого колболып калган» (описание полководца Алып-Нере, пояснение наше) [4, с. 7]	Каждый воин – вбитый кол, во главе его – десятник [4, 15]	Хас биирдии буйун сиргэ дьөлө анньыллыбыт тоһоҕо курдук, кинини десятник салайар [6, с. 10].

В переводных текстах допускаются изменения и дополнения, например, Дибаш Каинчин при переводе на русский язык дополнил описание реки Куркурек.

Рассмотрим некоторые развернутые метафоры: *Серүүн толку Курч Тырмакты бу элбек өзөктин үстиле узак-узак айландыраар. ... Салкын канаттарында жымжак сыылар, кейдин агыны оны жалакай жайкаар* [4, с. 5], и их перевод, где тоже допускаются изменения, местами сокращения и дополнения, появляются новые сравнения: *Ни одно перышко не шевелится у старого беркута, не напрягается ни один мускул; долго его будет кружить воздушное течение, кружить над огромной и круглой, как казан, долиной, окруженной непрерывной стеной-изгородью высоких, со сверкающе-ледяными гривами гор* [5, с. 8] – *Кырдыаҕас хотой биир да туутэ илибирээбэт, биир даҕаны былчына күүрбэт, кинини салгын сүүрүгэ чабылхай муус хайалар быстыспат үрдүк эниэлэрэ курдаабыт, иһит курдук төгүрүк хотооллорун үрдүнэн өр да өр элиэтиэбэ* [6, с. 5].

Образы, представленные метафорами алтайского языка, совпадают с образными представлениями носителей якутского языка, поэтому при переводе языковых метафор наблюдается полная эквивалентность.

Эпитеты: *«Араайынан ай чыгар. Айры мүүстү сыгын арка түбинен чыгып келеле, туку четтерди жулдай сүзүп, күчин ченеп, мүүстерин курчыдар...»* [4, с. 18]. / *«Тихонько взойдет луна. Марал, с ветвистыми рогами выйдя из глубины леса, будет бодать молодые лиственницы, испытывать свою силу, точить свои рога»* [пер. наш]. / *Бйдангалаах түүн. Лабаа курдук адаархай муостаах чубуку ойууртан тахсан кэлэн, титириги кэйиэлээн, муонун сытыыланар* [пер. наш]. В русскоязычном издании: *Вот из-за седловины взойдет луна, выйдет из темноты леса марал, и будет точить себе рога,*

тук-ток! – громко ударяя ими об эту старую листовницу» [5, с. 32-33]. В якутском издании: «*Ол ыгыыр хайа кэтэбиттэн ый быгыаба, хараҥа ойуур иһиттэн марал ойон тахсан муоһун оол кырдыаҕас тиит маска тук-ток аалыныаҕа*» [6, с. 22]. В якутском тексте слово *марал* можно было заменить якутским эквивалентом *чубуку*, но С. Горохов для передачи иносациональной окраски оставил слово *марал*.

Другой пример: «*Алтан алты канатту ак кийис айылды кулдар кече ле тургускылап ийген*» [4, с. 18]. – *Шестидесяти шестикрылый войлочный айыл рабы вчера только поставили* [пер. наш]. В переводе автора это предложение тоже претерпевает изменения и дополнения: *Неподалеку развеялся, будто облако, шестидесяти шестикрылый шелковый шатер-дворец. Его успели возвести к вечеру ...* [5, с. 35]. – *Чугас алта уон алта кырылаах, солко сабыылаах дыбарыас тыалга былът курдук тэлимишир. Ону бэҕэһээ кизнэ туруорбуттара* [6, с. 25]. С. Горохов слово *крылья* заменил словом *кырыы* (границы), тем самым достиг передачи большого размера шатра.

В переводе Д. Каинчина и К. Каинчиной используются разные стилистически маркированные единицы, но при этом сохраняются повествовательный тип и лингвопоэтическая разновидность (за счет различных сравнительных оборотов и метафор).

В тексте изобилуют стилистически возвышенные слова, обороты и предложения, например: 1. *Алты куннег отпой Ак-Куннинг алтын чакызын айлана турар керек...* [4, с. 46]. – *... дня через три придут к золотой коновязи Великого Повелителя* [5, с. 68]. – *Ус кунунэн Улуу Баһылык көмүс сэргэтигэр тиийэн кэлиэхтэрэ.* 2. *Ээ, эмди ончозын Орто турган Көк билер...* [4, с. 15]. – *Сейчас все в руках Неба...* [4, с. 27]. – *Билигин барыта Халлаан илиитигэр.* [5, с. 28]. 3. «*Сен Улу каган болотон кижил! Сен бойыҥа эмес, сен бистерге Күн адын аданган улу кагандар уйазына керек. Аккан каныс – сенде, артар тазылыс – сенде. Сен бойыҥды сананбай, келер улу ойди санан, улу амадуны, улу жүрүмди санан! Бийик бол! Терен бол! – деер*» [4, с. 74]. – *Ты не себе принадлежишь, ты нужен нам, каганам по имени-роду Солнце-Кун! В тебе – наша кровь, в тебе – наша судьба, в тебе – наши мечты и чаяния. Только в тебе – великие подвиги предков, их духи и души. Ты не думай о своей жалкой жизни, думай о нас: о высокой цели думай, о великой вечной жизни. Высоким будь в жизни, как Небо, глубоким будь в думах, как Океан*» [5, с. 158]. – *Эн бэйэбин бэйэн билиммэккин, эн Күн диэн ааттаах-суоллаах каганнарга биһиэхэ наадабын. Биһиги хааммыт – эйиэхэ, биһиги дьылбабыт – эйиэхэ, биһиги баҕа санаабыт уонна инникибит – эйиэхэ. уонна. Өбүгэлэрбит улуу хоодуот быһыылара, кинилэр өйдөрө-санаалара уонна дууһалара. Эн бэйэн кыракий олоххун санаама, биһиги туспутунан санаа, үрдүк сыал, өлбөт-сүппэт улуу олох туһунан толкуйдаа. Олоххор Халлаан курдук үрдүк, толкуйгар Акыйаан курдук дириг буол* [6, с. 105].

Исходя из данного сравнения, мы наблюдаем, что при некоторых незначительных несоответствиях идейно-художественное содержание данной фразы в переводе на русский и якутский языки не теряет своей окраски, местами становится более эмоциональным как за счет усложненного синтаксиса, так и в силу добавленных в них смыслов и сравнений. Все три текста передают сходное идейно-художественное содержание и производят эстетический эффект, несмотря на различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках.

Смешение времен и сближение далекого прошлого с художественной эпохой прозаика, являясь условной, иносказательной целью, придает особое изящество его поэтической мысли. Д. Каинчин устами главного героя кагана Ак-Кун формирует «ценностный центр» тюркских народов («смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей его действительности» М. М. Бахтин).

В выборе слов писатель и переводчики опираются на исключительное знание языка устного народного творчества – фольклора. В частности, в повести встречаются

поговорки, пословицы и выражения, которые при переводе претерпели лишь незначительные изменения:

1. *Албатынын ортозында жүр. Янгыс агаш жыгылчан, янгыс кижги – базынчык. Калын арканын ортозында чирик те тыт узак турар* [4, с. 77]. – *Живи среди народа. В густом лесу и трухлявое дерево долго стоит* [5, с. 166]. – *Норуоккун кытта олоор. Хойуу тыага эмэбирбит да мас уһуннук турар* [6, с. 111]. 2. *Кижги јаар түкүрбө. Түкүригин бойына једер»* [4, с. 77]. – *Не плюй на человека – попадешь в себя* [5, с. 167]. – *Киһиэхэ сиилээмэ, силин бэйэбэр түһүбэ* [6, с. 111]. 3. *Бозогого отурба. Бойынды кул деп бодогонун* [4, с. 77]. – *Не садись возле порога, там место раба* [5, с. 166]. – *Холумтан таһыгар олорума, ол кулут миэстэтэ* [6, с. 111]. 4. *Бойынды тууча деп бодонбо, улусты туулакча деп бодобо* [4, с. 77]. – *Себя не возноси выше горы, других не принижай ниже подстилки* [5, с. 167]. – *Бэйэбин хайатааҕар үрдүктүк тутума, атыттары угунһан анныгар уктума* [6, с. 111]. 5. *Янгыс тилдүни – јакшы көр. Янгыс тилдү – угы янгыс, јаңы јаңгыс, каны јаңгыс, салымы јаңгыс* [4, с. 119]. – *Люби единоутробного, люби единопольного, люби своего сородича. У вас одна кровь, одни желания, одни помыслы, одна жизнь* [5, с. 118]. – *Бииргэ төрөөбүккүн таптаа, биир тыллааххын таптаа, төрүккүн таптаа. Эһиги биир хааннааххыт, биир баҕалааххыт, биир санаалааххыт, биир олохтооххут* [6, с. 62].

Как видно, поговорки и пословицы были переданы на якутский язык способом семантического калькирования не менее образно, с соблюдением узуальных особенностей якутского языка.

Художественный принцип контрастного изображения предстает одной из доминантных черт стиливого рисунка произведения. Антитеза и контрасты в произведении проявляются иногда с первых же строк. В данном случае стержнем являются взаимоотношения в алтайской (тюркской) семье, национальный менталитет, религиозное мировосприятие народа, выражая богатство языка и вековую мудрость народа:

1. *Энди одус жылдан ажыра кожо јуртайла, экү эптежип, эштежип калды. Келе-келе, Ай-Каајы Ак-Күнге энезиндий билдирер болды. <...> Ай-Каајы атка – чакы, айылда – очок, јүрөккө – эм...* [4, с. 31]. – *Вот тридцать лет они вместе. Стали почти одним: как река и ее приток, как казан и очаг, как седло и потник, как нож и ножны* [выделено нами] [5, с. 63] – *Дьэ, онон отут съл бииргэ олордурар. Иккиэн арахсыспат тэнэ буоллурар – өрүс уонна кини салаатын, оһох уонна холумтан, ыгыыр уонна бото, быһах уонна кыын курдук* [6, с. 42].

2. *Бу жүрүмде От ло Суунан јаан неме јок. От – күйдүрер. Суу – өчүрер. Олор экү качан да биригипес. Мынан бодозо. Ак ла Кара, Јакшы ла Јаман, Јарык ла Карангуй коштой жүргүлейт. Олор база биригип болбос. Је Јакшынын учы – Јаманнын бажы. Јаманнын учы – Јакшынын бажы. Јарыктын учы – Карангуйдын бажы* [4, с. 76] – *Огонь и Вода. В жизни нет ничего важнее и сильнее их. Огонь – жжсет, Вода – гасит. Они, как враги, и не могут быть вместе. Такие же противоположности: Черное и Белое, Хорошее и Плохое, Свет и Тьма. Но при этом, конец Хорошего – начало Плохого, окончание Светлого – начало Тьмы* [выделено нами] [5, с. 63]. – *Уот уонна Уу. Олоххо балартан ураты күүстээх туох да суох. Уот – сиир, Уу – умуруорар. Кинилэр өстөөх курдуктар, бииргэ буолар кыахтара суох. Үрүг уонна Хара, Үтүө уонна Мөкү, Сырдык уонна Харана курдук уун-утары тураллар. Ол эрээри, Үтүө түмүгэ – Мөкү сабаланыта, Сырдык түмүгэ – Харана сабаланыта* [6, с. 42].

Большое число исчезнувших в литературе и в жизни тем, оборотов и выражений приняло форму наставлений и нравочений, они явились средством приведения в соответствие этнического, этического и нравственного. Как известно, «бинарные оппозиции (жизнь-смерть, добро-зло, истина-ложь, мужское-женское, свет-тьма), ощущение двойственности мира и конкретного человека определяют во многом движение

художественной мысли. Двойной взгляд на одно и то же явление позволяет добиваться объемного зренья, полноты картины» [11, с. 58].

Заключение

Издание перевода повести с алтайского языка на русский, затем на якутский языки позволяет читателям услышать другой голос, разглядеть другую жизнь, глубиной XII–XIV веков назад, создает поле человеческого и культурного сближения. Писатель Дибаш Каинчин активно использует фразеологические обороты, поговорки, пословицы, тем самым демонстрируя разнообразие приемов введения и творческой обработки, сохраняя этноментальные константы своего этноса.

Таким образом, можно говорить, что тексты на русском и якутском языках отличаются высокохудожественным переводом, оказывающим на читателей такое же впечатление, как и оригинал, переводчики добились адекватности и в целом авторский стиль был сохранен.

Д. Каинчин сумел создать образную и достоверную картину из жизни древних тюрок и алтайского народа, показать на русском языке красоту и легкость языка произведения. Знание двух языков позволило автору самому осуществить адаптацию произведения на русском языке, обеспечив более высокую адекватность и эквивалентность вторичного текста.

Переводчик на якутский язык С. Горохов добился адекватности перевода и сохранения авторского стиля, положительную роль в этом сыграло то, что идеи и проблемы, затронутые в рассматриваемой повести, созвучны взгляду и мировоззрению тюркских народов. Каждый образ, каждая деталь переведены через авторское восприятие, но тем не менее переводчик еще и выражает собственное мировидение, мироощущение. В произведении прослеживается генетическая связь алтайского и якутского народов, поэтому не возникает проблема передачи национально-культурной специфики подлинника. В результате повесть, которая прошла через внутреннее восприятие писателя-билингва и писателя-переводчика, обогащаясь, оживает заново.

Л и т е р а т у р а

1. Киндикова, Н. М. Тюркские литературы: проблемы взаимодействия / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ. – 2012. – 196 с.
2. Каторова, А. М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития / А. М. Каторова // *Oriental Studies*. – 2019. – № 3 – С. 554–562.
3. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. – Москва, 2001. – 253 с.
4. Каинчин, Ыбаш. Карган тыт / Д. Каинчин. – Горно-Алтайск, 1994. – 392 с. (На алтайском языке)
5. Каинчин, Д. Б. Пепел звезд / Д. Б. Каинчин. – Горно-Алтайск, 2006. – 287 с.
6. Каинчин, Д. Б. Умуллубут сулустар күллэрэ : перевод с якутского С. Н. Горохова / Д. Б. Каинчин. – Дьюкууской, 2009. – 197 с.
7. Тылбаасчыт сонун үлэтэ. – Илин (на якутском языке). – 2006. – №5 – С. 18.
8. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – Москва : Высшая школа, 1980. – 198 с.
9. Кабакчи, М. К. Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения / М. К. Кабакчи // *Вестник СПбГУ. Серия 9*. – Вып. 3. – 2011. – С. 111–117.
10. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия : билингвизма / Е. М. Верещагин. – Москва, 1972. – 160 с.
11. Писатели Якутии : библиографический справочник. – Якутск : Бичик, 2019. – 719 с.

References

1. Kindikova, N. M. Tyurkskie literatury: problemy vzaimodejstviya / N. M. Kindikova. – Gorno-Altajsk : RIO GAGU. – 2012. – 196 s.
2. Katorova, A. M. Hudozhestvennye perevody i ih rol' v dialoge literatur narodov Rossii na sovremennom etape razvitiya / A. M. Katorova // Oriental Studies. – 2019. – № 3 – S. 554–562.
3. Toper, P. M. Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya / P. M. Toper. – Moskva, 2001. – 253 s.
4. Kainchin, Jybash. Kargan tyt / J. Kainchin. – Gorno-Altajsk, 1994. – 392 s. (Na altajskom yazyke)
5. Kainchin, D. B. Pepel zvezd / D. B. Kainchin. – Gorno-Altajsk, 2006. – 287 s.
6. Kainchin, D. B. Umullubut sulustar kyllere : perevod s yakutskogo S. N. Gorohova / D. B. Kainchin. – D'okuuskaj, 2009. – 197 s.
7. Tylbaaschyt sonun ylete. – Ilin (na yakutskom yazyke). – 2006. – №5 – S. 18.
8. Popovich, A. Problemy hudozhestvennogo perevoda / A. Popovich. – Moskva : Vysshaya shkola, 1980. – 198 s.
9. Kabakchi, M. K. Bilingvizm kak klyuchevoj faktor avtorizirovannogo perevoda hudozhestvennogo proizvedeniya / M. K. Kabakchi // Vestnik SPbGU. Seriya 9. – Vyp. 3. – 2011. – S. 111–117.
10. Vereshchagin, E. M. Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya : bilingvizma / E. M. Vereshchagin. – Moskva, 1972. – 160 s.
11. Pisateli Yakutii : biobibliograficheskij spravochnik. – Yakutsk : Bichik, 2019. – 719 s.

Г. Б. Мархадаев

Литературно-фольклорные взаимодействия и взаимовлияние в современной бурятской прозе

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Освоение фольклора в бурятской прозе становится все более насыщенным, писатели усваивают не только прямые, но и опосредованные формы фольклорного материала, что делает такое взаимодействие более глубоким и многоплановым. Современная национальная литература в опосредованной или прямой форме содержит фольклорные проявления, указывающие на специфические особенности национального характера в творчестве бурятских русскоязычных писателей. Актуальным представляется выявление такого фольклорного опыта для определения закономерностей развития подобных литературно-фольклорных отношений и степени их взаимововлеченности. В изучении проблемы взаимосвязи литературы и фольклора главной целью в исследовании является выявление фольклорных мотивов в прозаических произведениях бурятской литературы. Научная новизна работы заключается в определении универсальных фольклорных проявлений, указывающих на специфические особенности национального характера в творчестве бурятских русскоязычных писателей. В качестве методов исследования применены сравнительно-типологический анализ и герменевтический метод. По результатам работы выявлен комплекс фольклорных истоков и мотивов в произведениях современной бурятской литературной прозы, представляющих собой универсальные подходы для выражения национального характера, были определены роли, функциональные возможности и особенности фольклорных единиц. Литературоведческие поиски решения проблемы взаимосвязи литературы и фольклора, а также проявления национального характера вызывают пристальный интерес исследователей-фольклористов. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении проявления фольклорного опыта в современных произведениях бурятских писателей, что способствует более детальному раскрытию национального характера народов Сибири, в том числе в аспекте сравнительно-сопоставительного анализа.

Ключевые слова: фольклорный мотив, национальный характер, национальная картина мира, анималистический образ, национально-культурная специфика, идиллическое пространство, архетип, сюжетобразующий мотив, национальное начало, концепт.

DOI 10.25587/i9782-2546-0764-w

МАРХАДАЕВ Гомбо Баирович – аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

E-mail: gombomarh@yandex.ru

MARKHADAEV Gombo Bairovich – Second-year postgraduate student Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science.

G. B. Markhadaev

Interaction and interrelation of literature and folklore in the modern Buryat prose

Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The development of folklore in Buryat prose is becoming more intense, writers are assimilating not only direct, but also more indirect forms of folklore material, which makes such interaction deeper and multifaceted. Modern national literature in an indirect or direct form contains folklore manifestations that indicate the specific features of the national character in the creative works of Buryat Russian-speaking writers. The relevance of the work is to identify such folklore experience to determine the patterns of development of such literary and folklore relations and the degree of their mutual involvement. In studying the problem of the relationship between literature and folklore, the main goal of the research is to identify folklore motifs in prose works of Buryat literature. The scientific novelty of the research lies in the definition of universal folklore manifestations that indicate the specific features of the national character in the creative work of Buryat Russian-speaking writers. Comparative typological analysis and the hermeneutic method are used as research methods. According to the results of the research, a complex of folklore origins and motives in the works of modern Buryat literary prose, representing universal approaches for expressing national character, were identified. Also, the roles, functionality and features of folklore units were determined. Literary studies for a solution to the problem of the relationship between literature and folklore, as well as demonstrations of national character, arouse the close interest of folklore researchers. Therefore, we see the prospects for further research of the problem in more detailed research of the phenomenon of folklore experience in modern creative works of Buryat writers, which contributes to a more detailed disclosure of the national character of the peoples of Siberia, including in the aspect of comparative analysis.

Keywords: folklore motive, national character, national picture of the world, animalistic image, national and cultural specifics, idyllic space, archetype, plot-forming motive, national origin, concept.

Введение

Связь между литературой и фольклором всегда была очень тесной, каждая национальная литература в период становления испытывала огромное влияние фольклорных традиций. В этой связи актуальной представляется проблема взаимосвязи литературы и фольклора. Данная проблема прежде всего изучалась в рамках рассмотрения фольклорных истоков в литературе, но в настоящей работе фольклоризм литературы рассматривается как последствия фольклорных проникновений и их дальнейшее проявление в литературном контексте. Потому актуальность исследования обусловлена тем, что выявление фольклорного материала в его опосредованной или прямой форме определяет особенности закономерностей развития литературно-фольклорных отношений и степень их взаимововлеченности.

Выявление фольклорных мотивов в прозаических произведениях бурятской литературы помогает определить как своеобразие фольклоризма конкретного автора, так и особенности природы развития фольклорно-литературных отношений. Для реализации указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить фольклорную составляющую в произведениях современной бурятской литературой прозы; во-вторых, определить роль, функциональные возможности и особенности фольклорных единиц; в-третьих, определить пути реализации творческого освоения фольклорного материала конкретным автором.

Для выявления и определения степени интегрированности фольклорного опыта в современной бурятской прозе применялись следующие методы: сравнительно-типологический анализ и герменевтический метод.

Проблеме взаимосвязи литературы и фольклора посвящены многочисленные труды, начиная с начала XX века, намечаются разные исследовательские направления по данному вопросу. В настоящей работе в качестве теоретической базы исследования послужили труды отечественных авторов: В. П. Аникина [1], Г. Д. Гачева [2], А. А. Горелова [3], У. Б. Далгат [4], В. Я. Проппа [5]. Также весомый вклад в исследование проблемы фольклоризма литературы внесли научные работы бурятских ученых: Т. Б. Баларьевой [6], И. В. Булгутовой [7], Э. С. Доржиевой [8], С. Д.-Н. Малзуровой [9] и других. В качестве материала для исследования рассматривались произведения Б. Б. Молонова и Б. С. Дугарова.

Практическая значимость работы заключается в том, что данная работа обогащает представление о роли и значении фольклорного опыта в творчестве современных бурятских писателей, проявления национального характера сквозь призму фольклорных истоков. Также представленные материалы могут применяться на примере описания основных черт национального характера бурятской этнокультурной общности на фоне ряда других народов.

Проблема взаимодействия фольклора и литературы

Народная культура и народное устное творчество как фундамент национальных образов, мотивов и идей представляет собой первооснову народного видения окружающего мира и процессов, происходящих в нём, является источником национальной самобытности. Взаимоотношение фольклора и литературы обуславливает связь между развитием этноса и формированием творческой личности. Как пишет В. П. Аникин: «Фольклор – особое искусство. Специфичны его природа, характер творческих процессов в нем, специфичны его образно-стилевые свойства и особенности» [1, с. 4]. Фольклор в определенной степени наполняет литературу, где нередко выступает базисом для сюжетных линий, системы символов, образов и аллегорий. Письменная литература как индивидуальный подход к художественному осмыслению реалий действительности и постижению внутреннего мира личности заключает в себе фольклорные мотивы, бессознательно выделяющиеся в канве авторского повествования.

В этой связи особенно примечательны слова об индивидуальном подходе к литературе Б. Н. Путилова: «Литература есть продукт иной формы сознания, которое условно можно назвать индивидуальным сознанием. Это не значит, что она осуществляется через индивид, оторванный от среды; это, наоборот, означает, что индивид представляет эту среду и свой народ, но представляет его в своем индивидуальном, неповторяемом личном творчестве» [10].

Фольклорные мотивы в литературном произведении представляют универсальные подходы для выражения национального характера. Кроме описания внешних, характерных особенностей народа, этнокультурное своеобразие также выражается путем освещения психологии народа через размышления, эмоциональное восприятие мира героями произведения. В связи с этим фольклорные маркеры можно представить

как некие этноопределители, к которым обращается писатель с целью воссоздания соответствующей национальной атмосферы. Так, например, у многих бурятских писателей тема детства и малой родины занимает особое место в их творчестве, и следует она в канве автобиографии, потому авторы прибегают к родному национальному языку, к воспоминанию о деревне, о соседях, о традициях, обычаях, к рассказам и семейным историям. Кроме фольклора, к таким маркерам, освещающим национальный характер, можно отнести и язык, и религию, нормы и ценности, народное искусство, символику и т. д.

Изучение проблемы литературно-фольклорных связей является актуальной задачей как для истории литературы, так и для фольклористики. Потому отношения между фольклором и литературой можно рассматривать в плане исторической последовательности и принципиального соотношения двух способов творчества (литературного и фольклорного). Исходя из вышесказанного можно утверждать, что, переходя в литературу, фольклорный образ теряет своё первоначальное содержание, он становится элементом нового художественного строя. Но для критического анализа его нового смысла необходимо преобразовывать фольклорное содержание, смысл фольклорного образа в сферах его собственного функционирования. Это представляется первым шагом в изучении фольклорной традиции в современной литературе [11].

Роль фольклорных образов

Современное художественное творчество представляет собой авторское творческое начало, где фольклорные элементы проявляются в наименьшей степени, завуалированы и выделяются на уровне подсознания. Связь писателя с фольклором не всегда находится на поверхности, более того готовые формы фольклора часто и вовсе отсутствуют в произведениях (прямые отсылки к мифам и легендам, готовые архетипические образы, сюжетные линии и т. д.). По утверждению А. Горелова: «Фольклор далеко не всегда приходит к писателю прямо и в неизменном облики, сохраняющим все приметы его натурального бытования. Вытеснение фольклора из целых сфер культурного обихода, распространение фольклорных изданий и развитие литературы создает большую культуру опосредованного фольклора, фольклора переосмысленного и эстетически актуального на разных стадиях художественной эволюции. Такие встречи писателя с фольклором требуют специальной оценки и распознавания» [3, с. 11].

Национально-художественные идеи, берущие свое начало из фольклора, плотным слоем окутывают творчество некоторых современных бурятских писателей, в том числе и тех, кто пишет на русском языке. Многие произведения современных авторов, далекие от традиций фольклора, всё же содержат в себе значительный пласт национальных образов, архетипов, мотивов и других показателей фольклорности. Так, в произведении Б. Молонова «Танец Орла», уже в самом названии запечатлен архетипический образ для бурятского фольклорного сознания, ведь образ орла восходит к легендам и преданиям о шаманизме, представляет культ, включающий обрядность и церемониальность.

Особое проявление фольклоризма при трансляции национального характера и национальной картины в целом прослеживается в национальных образах, которые нередко базируются на фольклорном начале. В связи с этим образы животных являются собой своего рода индикаторы фольклорного начала и культурных мировоззренческих установок народа. В картине мира монгольских народов особыми символическими смыслами обладают разные животные: лошадь, медведь, волк, лебедь, орел и т. д. — «Если бы я умел летать, я воспарил бы в Небо и прилетел бы к тебе стремительным орлом. Если бы у меня был конь-ветер, я оседлал бы его и направил к тебе...Обернусь свирепым серым волком и прoderусь сквозь весенние ветра, снега и дожди к своей нежной волчице» [12, с. 22]. Так, особый интерес представляет собой образ орла в произведениях Б. Молонова. В разных народных культурах образ орла является достаточно древним и проявляется как олицетворение неба, солнца, свободы и победы.

Словарь символов Д. Тресиддера подробно раскрывает его значение в мировом фольклоре и литературе. Так, образ орла представляется «важнейшим символом, эмблемой всевидящих богов неба и солнца, правителей, а также воинов. Ассоциируется с величием, властью, господством, победой, отвагой, вдохновением, духовным подъемом. Он не только спутник всех великих богов, но часто их прямая персонификация. Среди кочевников, особенно в Северной Азии, орел был шаманским символом Отца, его перья использовались в обрядах инициации и ритуалах, в которых шаман “общался” с духами» [13, с. 125].

В картине мира народов Сибири орел издревле является маркером Солнца и это обстоятельство объединяет в один мировоззренческий комплекс мифологемы «орел-Солнце», «кузнец» и «шаман» [14, с. 1]. Орёл считался священной птицей во всей Бурятии и назывался Ехэ шубуун (Великая птица), или Хан шубуун (Царь птица). По данным М. Н. Хангалова и других, личность орла как потомка великого хозяина острова Ольхон священна и неприкосновенна [15]. Мифологическое начало образа орла представляется в связи с происхождением шаманства у народов Сибири. По шаманской мифологии, шаманство возникло с сотворением мира, и первый шаман был сыном небожителя, который опустился на землю в образе орла и сотворил шамана. В сборнике рассказов Б. Молонова орел представляется как небожитель, символ очищения, грозный хозяин вечного синего неба, освещающий путь к счастью: «Яркое весеннее Солнце в Вечном Синем Небе, и высоко-высоко парит в нем Степной Орел. Видишь? Разбежимся с дельтапланом быстро-быстро, так быстро, чтобы ветер бил в глаза, прыгнем с высокой скалы навстречу Орлу в Вечное Синее Небо! Хочешь?» [12, с. 75].

Во многих фольклорно-мифологических сюжетах орел представляется духовным отцом, и в образе его часто прослеживаются черты смотрящего, ангела-хранителя и даже в определенной степени демиурга, выполняющего медиативные функции между небесными божествами и земными людьми: «Нравится Жаргалу залезть на Челсану, на самую вершину, и стоять там, раскинув руки, подставив свое скуластое лицо вольному ветру, рубашка бьется на ветру, а Жаргал стоит, закрыв глаза, представляет себя орлом, парящим в Вечном Синем Небе» [12, с. 169].

Название произведения в первую очередь притягивает образ борца-победителя, исполняющего танец орла. И образ главного героя, соединяясь с образом победителя, сильного как орел, начинает выстраиваться в этом позитивном ключе. Образ священной птицы представляет собой символ поднятия воинственного духа, победы и мужского начала. Потому в национальном бурятском празднике «Сурхарбан» традиционным состязанием являлась борьба, сопровождающаяся «танцем орла». Данный танец представляет собой часть большого представления, когда борцы выходят на поле, они, воспроизводя полет мифической птицы Гаруды, взмахивают руками, приседают, похлопывают себя по бедрам; при этом победитель данной схватки также исполняет танец великой птицы Гаруды [16]. Необходимо отметить, что данный танец представляет собой не только ритуальное действие, но и достаточно сложную с точки зрения хореографии пластику, ведь каждое движение полно глубокого символического содержания: борец, держа руки воздетыми к небу, плавно взмахивает руками, подражая гордо парящему орлу, поворачивая корпусом, танцующий изображает кружение в небе орла. Как фольклорное творчество, борьба и сопровождающий ее танец являются составной частью традиционной культуры, этнической идентификации и исторической памяти народа. «Пластика, величие силы, красота движений, всё, что есть у бурят красивого – всё в этом танце», – так Б. Молонов описывает свои первые детские впечатления от танца орла [12, с. 67].

Таким образом, борьба и танец орла как фольклорное творчество непосредственно коррелируются с национальным характером, ведь народная игра отражает в себе многовековой опыт, народное наследие, образ жизни, понятие о чести, смелости и мужестве. Народный культурный код, вне зависимости от смещения эпох, сохраняет соответствующие образы и концепты в сознании своих носителей: «Нравятся мне эти

движения. Наверное, потому что в крови сидит это понимание красоты национального танца. В детстве боролись на речке в Бухэ барилдаан, уронишь кого-нибудь, и – обязательно – танец орла!» [12, с. 67].

Характер главного героя воплощает в себе дух орла сразу в нескольких состояниях: опосредованном и личностном. Безусловно, образ гордой сильной и хищной птицы оставил след в характере главного героя – свободолюбивый, местами дерзкий и созидательной натуры человек, в поисках счастья и свободы следует по жизни, словно орел бороздит небо в поисках пищи. Мужество, красота движений, грация и величие: автор неоднократно восхищался с самого детства данными качествами орла и часто проецировал данный образ на себя, на свою личность. Помимо воплощения в своем характере анималистического образа на личностном уровне, большее значение, возможно более важное, имеет опосредованный уровень, более сакральный и пронизывающий. Орел как ангел-хранитель, защитник и путеводная звезда постоянно смотрит с высоты Вечного Синего Неба на главного героя и участников событий. Складывается ощущение, что автор ассоциирует себя с орлом, который дублирует его в медиации между небом и землей.

Роль фольклорных мотивов

Национальный характер как некая совокупность эмоционально-чувственных проявлений находит свое отражение в том числе и в ритуалах, обрядах, танцах. С данной точки зрения танец орла проявляет взаимосвязь представителя национального объединения с личностной национально-культурной идентификацией. Такая личностная идентификация в бурятской традиции представлена особой связью человека с родиной, потому что в творчестве бурятских писателей достаточно устойчивым стал мотив *тоонто* (родина), представляющий собой связь человека с родной землей и предками. В своем произведении Б. Молонов отчетливо проводит прямую связь национального танца орла с тоской по своей малой родине, о чем возвещает громким, гордым и открытым заявлением о своем национальном происхождении: «Стоксовался я по Тоонто Нютаг, дорогие мои, стоксовался ужасно! Что делать? Как избавиться от этой тоски? И тут я абсолютно интуитивно, абсолютно неосознанно, вдруг начинаю танцевать танец орла. Пешеходы, проходя мимо, изумленно смотрят на меня. Из окон автомашин глядят на меня удивлёнными глазами. Мне все равно. Я танцую танец орла! Я, стоксовавшийся по Тоонто Нютаг, бурят. Я весь в этом танце! Я выплеснул все, что не мог сказать словами, да и некому было сказать, да и нет таких слов. В этом танце я весь без остатка. Смотрите на меня, вот он я – танцую Танец Орла!» [12, с. 68].

Фольклорность мотива родины обособывается традиционным противопоставлением своей родной земли и чужой, что часто представлено в мифологическом народном восприятии. В контексте мотива родины особую роль играет пространственное значение, а именно внешние детерминанты национального восприятия: это климатические условия, соответствующие растения, запахи, звуки и другое. В случае восприятия родины у большого количества бурятских писателей особое место занимает степь, вся степь как идиллическое пространство. Такое пространство включает множество элементов, которые в свою очередь также являются национальными маркерами индивидуального восприятия отдельной местности: реки, горы, долины, озера, цветы. Содержательную основу малой родины в рассказах Б. Молонова составляет степь, усеянная цветками саранки и жарками, ручьи и гора Челсана, с вершины которой видно его родное село Кижингу: «оставлю коня у буусы, что в местности Шанаа, в десяти километрах от центра, расседлаю его и отпущу пастись. Сам же лягу на берегу Кижинги и буду валяться на спине... Кижинга будет шептать мне о том, что произошло в степи в мое отсутствие» [12, с. 69].

Степь как родительский дом – идиллическое пространство, в котором человек проходит начальный этап становления, степь по-матерински благословляет, помнит и ждет своих сыновей, и в этом прослеживается растянутый на протяжении многих столетий мотив

возвращения в родную степь. Монголо-бурятская картина мира сакрализирует степь и придает ей идиллическое значение дома, нередко описываемого в абстрактных формах, потому такие художественно-образительные средства, как, например, сравнение и гиперболизация особенно актуальны как для описания идиллического пространства и для фольклорной традиции в целом: «Упал, пронзенный вражеской стрелой. Упал, будучи уверенным в том, что уже всё – победа наша! Мой конь умчался в черную степь. Унес с собой правый гутул (сапог). Мой меч сломался о каленное копьё врага. Сердце перестало биться, глаза сомкнулись, выхватив из пыльной степи красный цветок улаалзай (саранка)» [12, с. 53]. Фольклорные элементы всей бурятской этнической картины мира сопряжены в таком маленьком фрагменте: скакун, сапог, меч, стрелы, копьё и степь с прекрасными саранками. Данный фрагмент прекрасный пример для наглядности сращения фольклорного мотива (кочевник-воин) и образов (стрела и меч) с внешними детерминантами национально-культурной специфики героя, его национального характера (пыльная степь с редкими красными цветками, традиционный бурятский сапог – *гутул*).

В произведении Б. Дугарова «Сутра 82» в самом начале есть прекрасные строки: «Национальное начало – оно из глубины степей. / Чтоб кисть других не повторяла, / омой ее водой Байкала / и обкури дымком аргала...» [17, с. 11], они определяют некий национальный уклад в творчестве писателя, создается идиллическое пространство родины. Этническое пространство определяет национальный характер и истоки своего становления, пространство может определяться как конкретными границами, так и абстрактными формами, например запахом или звуком.

Таким образом, мотив родины как фольклорно-мифологическая единица представляет собой очень важный элемент в творчестве бурятских писателей, поскольку содержит глубокое внутреннее самовосприятие и в то же время универсальное открытое полотно для внимательного рассмотрения национального мировоззрения и своеобразия фольклоризма. Рассматривая мотив Тоонто как родного и сакрального пространства, необходимо отметить роль данного мотива родины как фактора построения сюжета, в котором обретает свои очертания идея возвращения к истокам, к родовому месту.

Тяготение бурятских авторов к традициям кочевнического уклада жизни определяет в их творчестве стремление расширить границы привычного пространства, что наблюдается в мотивах пути и дороги, смене архетипов дома и пути. Так и для Б. Молонова в его рассказах путь его самого и других героев всегда сопряжена с ощущением слитности с родным краем, где бы он ни находился, он всегда чувствует прямую связь с родиной, что нередко выражается в мотиве возвращения: «Сижу я и думаю, что зашибись, что есть на этом свете Родина – такое место, где ты чувствуешь себя счастливым, куда ты, наконец-то, приехал. Вспоминаешь ее со щемящей душу тоской, когда ты далеко от нее. Вспоминаешь как ты скакал по степи на коне, ветер бьет глаз, а конь несет тебя по степи...» [12, с. 69].

Такой сюжетобразующий компонент как мотив возвращения берет свои истоки из поэтики фольклора, где находятся глубинные смыслы традиционных представлений бурятской национальной картины мира. Как истинный кочевник, который не мыслит себя вне гармонии с природой, так и бурятский писатель не забывает свое национальное начало, свои истоки и свою малую родину (*тоонто нютаг*).

В вопросе рассмотрения мотива родины необходимо обратить внимание на концепт «Вечного Синего Неба», поскольку в структуре сборника рассказов Б. Молонова данный концепт занимает особое место, и частота его упоминания наиболее значительна среди упоминания других образов. Небо представляется также родным домом, автор часто вызывает к небу, делится мыслями, просит помощи и защиты для себя и близких. Вечное Синее Небо как созидательное начало и высшая сила пронизывает мышление и мировидение автора как наследника кочевой цивилизации и ассоциирующего себя с ней. Примечательно то, что концепт «Вечного Синего Неба» не привязывается к определенной

мифологической составляющей, как это происходит, например, в произведениях Б. Дугарова, где Вечное Синее Небо представляет мифопоэтический мотив о небесном сакральном происхождении монгольского этноса [18, с. 12]. Безусловно, в прозе Б. Молонова, как и в произведениях других бурятских авторов, Вечное Синее Небо имеет образ божественного начала, национальная картина мира бурят еще полна архетипами, образами и концептами тенгрианства, шаманизма и культа предков. Крайне высокая частотность упоминания данного концепта в творчестве современных бурятских писателей прямо указывает на национальный характер и динамику становления этнического самосознания.

Заключение

Таким образом, в процессе рассмотрения фольклорной составляющей в современной бурятской прозе открывается целый пласт фольклорных истоков и мотивов, представляющих собой универсальные подходы для выражения национального характера. Фольклорная концепция плавно и органично встроена в систему литературного произведения, в данной работе фольклорные проявления условно можно разделить на три группы:

1) предметно-образный ряд (анималистические образы в художественной структуре, окружающая действительность и образы-символы бурятской национальной картины мира – образ степи, неба, всадника и т. д.);

2) сюжетообразующие мотивы (мотивы возвращения, родины);

3) национально-культурный пласт (национальная борьба и танец, ритуалы и обряды).

Система образа животных плотной нитью вплетена в содержание современных бурятских произведений, часто можно встретить образ коня, волка и орла. В рассматриваемом нами произведении Б. Молонова анималистический образ определяет свою центробежную силу уже в самом названии – «Танец Орла».

Словно хищная птица, автор бережно и с любовью осматривает свои владения – свою степь. Такая географическая детерминанта, как степь, играет и по сей день огромное значение для потомков кочевой цивилизации: растения, запахи, животные, воспоминания – всё это железной печатью остается в национальном сознании человека. Автор, как и орел, проводит ритуальный танец, в медиации между Вечным Синим Небом и Матерью-Землей, налитый силой родных степей, и под защитой Вечного Синего Неба бороздит он просторы жизни, но всегда помнит о своей родине (Тоонто Нютаг) и знает, что обязательно вернется на родную землю, как это делали его предки и как будут делать его потомки.

Затронутые нами фольклорные маркеры можно представить как некие этноопределители, к которым обращается писатель с целью воссоздания соответствующей национальной атмосферы. Глубинные смыслы традиционных представлений бурятской национальной картины мира берут свои истоки из поэтики фольклора, потому национально-ориентированная литература придерживается фольклорно-мифологической концепции. Мировоззрение и эстетическое восприятие бурятских писателей по-прежнему во многом исходит от традиций и национального идилического восприятия. В связи с этим фольклорные мотивы являются важной составляющей в процессе рассмотрения национального характера, отраженного в произведениях современных бурятских писателей.

По результатам исследования был выявлен комплекс фольклорных маркеров, среди которых анималистические образы, образы-символы национальной бурятской картины мира, мотивы и культурное народное творчество. Определена роль писателя как представителя и транслятора национального фольклорного опыта. На современном этапе бурятская литература по-прежнему изобилует фольклорной традицией, а современные авторы в прямой или опосредованной форме обращаются к опыту национального

сознания. Для писателей, которые испытывают духовное родство с национальной культурой и средой, чей культурный код в условиях идеологического глобализма по-прежнему придерживается ориентиров своей малой родины, естественным путем освоения и трансляции народного сознания является процесс синтеза фольклора и литературы. В прозаических произведениях бурятских авторов распознаваемыми становятся фольклорные образы (орла, коня, степи, неба, всадника и т. д.) и мотивы (родины, возвращения на родину). Мотивы и образы в рассматриваемых нами произведениях становятся основным средством, с помощью которого происходит интеграция фольклорного опыта в литературном произведении. Фольклор как универсальная форма выражения национального характера проявляет себя также в выражении национально-культурных ритуалов, обрядов, игр и танцев. С учетом специфики национального характера, транслируемого авторами, следует отметить и внешние детерминанты национальной картины мира (местный ландшафт, соответствующие растения, национальная одежда), к которым авторы обращаются посредством национальных концептов и образов (концепт Вечного Синего Неба, идиллический образ степи, образ всадника). Рассматривая вопрос о путях освоения фольклора современными бурятскими писателями, необходимо принимать во внимание, что данное обстоятельство также обусловлено личными предпочтениями, устремлениями и эстетическими потребностями самих авторов, но безусловно, что на современном этапе в большей степени бурятская проза сохраняет тяготение к народной поэзии.

Л и т е р а т у р а

1. Аникин, В. П. Теория фольклора : курс лекций / В. П. Аникин. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. – 408 с. – ISBN 5-89042-015-1.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г. Д. Гачев. – Москва : Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с. – ISBN 5-93311-007-8.
3. Горелов, А. А. Русская литература и фольклор : вторая половина XIX века / А. А. Горелов. – Ленинград : Наука, 1982. – 452 с.
4. Далгат, У. Б. Литература и фольклор : теоретические аспекты / У. Б. Далгат. – Москва : Наука, 1981. – 304 с.
5. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора : собрание трудов / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 1998. – 352 с. – ISBN 5-87604-065-7.
6. Баларьева, Т. Б. Фольклоризм современной бурятской прозы : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баларьева Туяна Батуевна ; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2004. – 24 с. – Библиогр.: с. 21-24. – Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
7. Булгутова, И. В. Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX–начала XXI веков : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа, Калмыкии, Урала, Поволжья, Карелии, Севера, Сибири и Дальнего Востока)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Булгутова Ирина Владимировна ; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. – Улан-Удэ, 2019. – 42 с. – Библиогр.: с. 38-42. – Место защиты: Институт Мировой литературы имени А.М. Горького РАН.
8. Доржиева, Э. С. Этнопоэтические истоки сюжетостроения бурятского романа 60-80 гг. XX века : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа, Калмыкии, Урала, Поволжья, Карелии, Севера, Сибири и Дальнего Востока)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Доржиева Эржена Сергеевна ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. – Улан-Удэ, 2019. – 24 с. – Библиогр.: с. 22-24. – Место защиты: Институт Мировой литературы имени А. М. Горького РАН.

9. Малзурова, С. Д.-Н. Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60-80 гг. XX века : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малзурова Сэсэгма Даша-Нимаевна ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2015. – 26 с. – Библиогр.: с. 25-26. – Место защиты: Бурятский государственный университет.

10. Путилов, Б. Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора / Б.Н. Путилов // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами : сборник статей / ответственный редактор Б. Н. Путилов ; АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград : Наука, 1977. – С. 3–14.

11. Васуджуйбари, А. Ф. Взаимодействие и взаимовлияние фольклора в литературе : специальность 10.01.08 «Теория литературы, текстология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Васуджуйбари Али Фарадж ; Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017. – 21 с. – Библиогр.: с. 20-21. – Место защиты: Институт языка и литературы им. Рудаки АН РТ.

12. Молонов, Б. Б. Танец орла / Б. Б. Молонов. – Улан-Удэ : БУРЯД-МОНГОЛ НОМ, 2014. – 190 с. – ISBN 978-5-9905883-2-5.

13. Трессиддер, Д. Словарь символов / Д. Трессидер // Перевод с английского С. Палько. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с. – ISBN 5-8183-0049-8.

14. Дашиева, Н. Б. Образ орла в мифах бурят о происхождении кузнецов и шаманов / Н. Б. Дашиева // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 2 (7). – С. 29-37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23925166> (дата обращения: 28.06.2021).

15. Михайлов, Т. М. Этническая характеристика шаманского пантеона бурят (XIX–начало XX века) / Т. М. Михайлов // Проект министерства культуры республики Бурятия. – URL: <http://soyol.ru/art/narody/5097/> (дата обращения: 06.07.2021).

16. Истоки, традиции и современный культурный облик монгольского Наадам : электронный журнал. – URL: <https://asiarussia.ru/articles/3504/> (дата обращения: 07.07.2021).

17. Дугаров, Б. С. Сутра мгновений : 1982 год / Б. С. Дугаров. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. – 436 с. – ISBN 978-5-91407-044-8.

18. Именохоева, И. Н. Концепты в поэзии Баира Дугарова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Именохоева Иветта Николаевна ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук. – Улан-Удэ, 2014. – 23 с. – Библиогр.: с. 22-23. – Место защиты: Бурятский государственный университет.

References

1. Anikin, V. P. Teoriya fol'klora : kurs lekcij / V. P. Anikin. – Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. – 408 s. – ISBN 5-89042-015-1.

2. Gachev, G. D. Nacional'nye obrazy mira : Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca / G. D. Gachev. – Moskva : Institut DI-DIK, 1999. – 368 s. – ISBN 5-93311-007-8.

3. Gorelov, A. A. Russkaya literatura i fol'klor : vtoraya polovina XIX veka / A. A. Gorelov. – Leningrad : Nauka, 1982. – 452 s.

4. Dalgat, U. B. Literatura i fol'klor : teoreticheskie aspekty / U. B. Dalgat. – Moskva : Nauka, 1981. – 304 s.

5. Propp, V. YA. Poetika fol'klora : sobranie trudov / V. YA. Propp. – Moskva : Labirint, 1998. – 352 s. – ISBN 5-87604-065-7.

6. Balar'eva, T. B. Fol'klorizm sovremennoj buryatskoj prozy : special'nost' 10.01.09 «Fol'kloristika» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Balar'eva Tuyana Batuevna ; Irkutskij gosudarstvennyj universitet. – Irkutsk, 2004. – 24 s. – Bibliogr.: s. 21-24. – Mesto zashchity: In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN.

7. Bulgutova, I. V. Mifopoetika v kontekste stanovleniya i razvitiya buryatskoj literatury vtoroj poloviny XX–nachala XXI vekov : special'nost' 10.01.02 «Literatura narodov Rossijskoj Federacii (literatura narodov Severnogo Kavkaza, Kalmykii, Urala, Povolzh'ya, Karelii, Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka)» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk / Bulgutova Irina Vladimirovna ; Buryatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova. – Ulan-Ude, 2019. – 42 s. – Bibliogr.: s. 38-42. – Mesto zashchity: Institut Mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo RAN.
8. Dorzhieva, E. S. Etnopoeticheskie istoki syuzhetostroeniya buryatskogo romana 60-80 gg. XX veka : special'nost' 10.01.02 «Literatura narodov Rossijskoj Federacii (literatura narodov Severnogo Kavkaza, Kalmykii, Urala, Povolzh'ya, Karelii, Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka)» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Dorzhieva Erzhena Sergeevna ; Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – Ulan-Ude, 2019. – 24 s. – Bibliogr.: s. 22-24. – Mesto zashchity: Institut Mirovoj literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN.
9. Malzurova, S. D.-N. Mifo-fol'klornye istoki prozy narodov Sibiri i Severa 60-80 gg. XX veka : special'nost' 10.01.02 «Literatura narodov Rossijskoj Federacii (sibirskaya literatura: altajskaya, buryatskaya, tuvinskaya, hakasskaya, yakutskaya)» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Malzurova Sesegma Dasha-Nimaevna ; Buryatskij gosudarstvennyj universitet. – Ulan-Ude, 2015. – 26 s. – Bibliogr.: s. 25-26. – Mesto zashchity: Buryatskij gosudarstvennyj universitet.
10. Putilov, B. N. Problemy tipologii etnograficheskikh svyazej fol'klora / B.N. Putilov // Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami : sbornik statej / otvetstvennyj redaktor B. N. Putilov ; AN SSSR, Institut etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. – Leningrad : Nauka, 1977. – S. 3–14.
11. Vasudzhubari, A. F. Vzaimodejstvie i vzaimovliyanie fol'klora v literature : special'nost' 10.01.08 «Teoriya literatury, tekstologiya» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Vasudzhubari Ali Faradzh ; Institut yazyka i literatury im. Rudaki Akademii nauk Respubliki Tadžikistan. – Dushanbe, 2017. – 21 s. – Bibliogr.: s. 20-21. – Mesto zashchity: Institut yazyka i literatury im. Rudaki AN RT.
12. Molonov, B. B. Tanec orla / B. B. Molonov. – Ulan-Ude : BURYAAD-MONGOL NOM, 2014. – 190 s. – ISBN 978-5-9905883-2-5.
13. Tresidder, D. Slovar' simvolov / D. Tressider // Perevod s anglijskogo S. Pal'ko. – Moskva : FAIR-PRESS, 1999. – 448 s. – ISBN 5-8183-0049-8.
14. Dashieva, N. B. Obraz orla v mifah buryat o proiskhozhdenii kuznecov i shamanov / N. B. Dashieva // Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. – 2014. – № 2 (7). – S. 29-37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23925166> (data obrashcheniya: 28.06.2021).
15. Mihajlov, T. M. Etnicheskaya harakteristika shamanskogo panteona buryat (XIX–nachalo XX veka) / T. M. Mihajlov // Proekt ministerstva kul'tury respubliky Buryatiya. – URL: <http://soyol.ru/art/narody/5097/> (data obrashcheniya: 06.07.2021).
16. Istoki, tradicii i sovremennyj kul'turnyj oblik mongol'skogo Naadam : elektronnyj zhurnal. – URL: <https://asiarussia.ru/articles/3504/> (data obrashcheniya: 07.07.2021).
17. Dugarov, B. S. Sutra mgnovenij : 1982 god / B. S. Dugarov. – Ulan-Ude : Respublikanskaya tipografiya, 2011. – 436 s. – ISBN 978-5-91407-044-8.
18. Imenohoeva, I. N. Koncepty v poezii Baira Dugarova : special'nost' 10.01.02 «Literatura narodov Rossijskoj Federacii (sibirskaya literatura: altajskaya, buryatskaya, tuvinskaya, hakasskaya, yakutskaya)» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Imenohoeva Ivetta Nikolaevna ; Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – Ulan-Ude, 2014. – 23 s. – Bibliogr.: s. 22-23. – Mesto zashchity: Buryatskij gosudarstvennyj universitet.

УДК 821.511.157

*А. Н. Мыреева***Традиции исторических преданий в якутской прозе XX века**

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. Динамика жанрового развития якутской прозы во второй половине XX века определяет актуальность исследования жанра исторического романа как нового явления в аспекте традиций и новаторства. Цели и задачи исследования: выявить с точки зрения фольклорно-поэтических традиций, традиций исторических преданий становление и своеобразие поэтики якутского исторического романа XX века. В статье исследуется становление жанра якутского исторического романа XX века в аспекте фольклорно-мифологических традиций. Научная новизна и актуальность определены необходимостью системного выявления специфики жанра исторического романа на новом этапе развития литературы. Впервые предпринято целенаправленное исследование традиций исторических преданий в проблематике и поэтике якутского исторического романа XX века, что обусловило своеобразие жанра на новом этапе развития якутской литературы. В анализе использованы историко-литературный, типологический, системный, текстуальный методы исследования. На основе работ ведущих исследователей якутского фольклора Г. В. Ксенофонтова, Г. У. Эргиса, В. Т. Петрова, Н. В. Емельянова и др. выявлено значение исторических преданий. В результате историко-типологического анализа прослежены традиции историко-философской повести «Кудангса Великий» П. Ойунского и исторического романа «Тыгын Дархан» В. С. Яковлева-Далана, основанных на преданиях о судьбе необычных личностей, оставшихся в народной памяти. Творческая опора на народно-поэтические традиции, исторические предания и олонхо проявляется в тексте исторического жанра прозы многопланово: в образно-мотивной системе, в сюжетно-композиционной структуре, в особенностях ритма и стиля. Поэтика мифологизирования как средства семантической и композиционной организации текста позволила воссоздать мироотношение и мировосприятие народа. Исторический роман «Тыгын Дархан» и по своей философско-эстетической концепции, и по структурно-стилистическим особенностям, основанным на творческом развитии народно-поэтических традиций, во многом определил перспективы развития якутского эпического жанра.

Ключевые слова: исторические предания, олонхо, роман, герой, фольклорно-мифологические, традиции, текст, сюжет, стиль, поэтика, композиция, концептосфера.

DOI 10.25587/g9551-8181-1236-x

МЫРЕЕВА Анастасия Никитична – д. филол. н., доцент, с. н. с. сектора фольклора и литературы, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: anastmyreeva@yandex.ru

MYREEVA Anastasia Nikitichna – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Folklore and Literature Section of the Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS.

A. N. Myreeva

Traditions of Historical Legends in the yakut novel of the late XXth century

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. The dynamics of the genre development of Yakut prose in the second half of the twentieth century determines the relevance of the study of the genre of the historical novel as a new phenomenon in the aspect of traditions and innovation. Aims and objectives of the research: to identify in the aspect of folklore and poetic traditions, traditions of historical legends the formation and originality of the poetics of the Yakut historical novel of the late twentieth century. Scientific novelty and relevance are determined by the need to systematically identify the specifics of the genre of the historical novel at a new stage in the development of literature in the aspect of folklore and mythological traditions. The purpose is to investigate in the aspect of folklore and mythological traditions the formation of the poetics of the Yakut historical novel of the late XXth century. *Research methods:* historical and literary, typological, systemic, textual. On the basis of the works of leading researchers of Yakut folklore (G. V. Ksenofontova, G. U. Ergis, V. T. Petrova, N. V. Emelyanova, etc.), the significance of historical legends is revealed. As a result of the historical and typological analysis, the traditions of the historical and philosophical story “Kudangsa the Great” by P. Oyunsky and the historical novel “Tygyn Darkhan” by Dalan based on the legends about the fate of unusual personalities who remained in the people's memory are traced. The creative reliance on folk-poetic traditions, historical legends and olonkho is manifested in the text of the historical genre of prose in many ways: in the figurative-motive system, in the plot-compositional structure, and in the peculiarities of the style. The poetics of mythologizing as a means of semantic and compositional organization of the text proposes to recreate the attitude and world perception of the people. The historical novel “Tygyn Darkhan”, both in its philosophical and aesthetic concept, and in its structural and stylistic features based on the creative development of folk poetic traditions, largely determined the prospects for the development of the Yakut epic genre.

Keywords: historical legends, olonkho, novel, hero, folklore and mythological, traditions, text, plot, style, poetics, composition, conceptosphere.

Введение

По свидетельству ведущих исследователей Г. У. Эргиса, Г. В. Ксенофонта, В. Т. Петрова, Н. В. Емельянова, народно-поэтические традиции оказали определяющее влияние на развитие жанровой системы якутской литературы, в т. ч. на развитие эпических жанров прозы. Как писал В. Т. Петров: «Национальный фольклор выступает стилиобразующим фактором якутской литературы, родоначальником традиции» [1, с. 87]. И далее: «Широки границы влияния фольклора на якутскую прозу. Из устных рассказов, преданий, сказок и героического эпоса – олонхо перешли в рассказы и повести писателей средства изображения человека, сюжетно-композиционные приемы, обогащенные в результате учебы писателей мастерству у русских классиков, образуя основные художественные ресурсы формирования национального стиля якутской прозы» [2, с. 137].

Собственно историческим преданиям посвящены фундаментальные труды Г. У. Эргиса, Г. В. Ксенофонтова, в которых определены суть жанра предания и его роль в развитии якутской литературы. Признавая исторические предания как самостоятельный вид устного народного творчества, они считают, что в них по-своему отразилась история народа, мировоззрение и верования, общественные отношения, быт и нравы, «народная память об исторических личностях». Как отмечал во введении к монографии Г. Ксенофонтова А. П. Окладников: «... в устной народной традиции скрыты ценные «залежи» исторического материала, предания являются своего рода устными летописями» [3, с. 8].

Исторические предания стали источником развития якутской исторической прозы, что проявилось в тексте прозаического жанра многопланово: образы, сюжеты, конфликты, мифологизм и стиль и т. д. Как замечено: «наличие таких мифологических сказочных мотивов в предании многое дает для изучения мировоззрения и верований якутов» [4, с. 19].

Исторические судьбы народа нашли отражение в цикле исторических преданий и рассказов о так называемых «культурных» героях: Элляе, Омоее, также в преданиях о реальных исторических личностях: о якутском предводителе Тыгыне, об известных в народе шаманах, чуть позже – о народном мстителе Василии Манчаары и др.

Исследователи Г. У. Эргис, Н. В. Емельянов [5] обратили особое внимание на мифологизм исторических преданий. Как отмечает Г. У. Эргис: «Мифология послужила почвой для дальнейшего развития народной поэзии. Сюжеты, отдельные мотивы и образы стали средствами поэтического языка, основой новых художественных форм, пришедших на смену мифотворчества» [4, с. 107]. С другой стороны, исследователь подчеркивал: «Наличие таких сказочных мотивов в предании многое дает для изучения мировоззрения и вероисповеданий якутов» [4, с. 19].

Исследованию исторического романа в якутской прозе посвящены труды Д. Е. Васильевой [6], А. М. Баишевой [8], А. Н. Мыреевой [8-9]. В работах авторов проведен общий анализ жанра, художественных особенностей. Собственно по проблеме традиций исторических преданий в историческом романе пока нет специального исследования. В данной статье впервые исследуется как самостоятельная проблема выявление роли традиций исторических преданий в жанре исторического романа.

Материалы и методы

В качестве материала исследования на основе историко-типологического, сравнительного методов использованы историко-философская повесть-предание П. А. Ойунского «Кудангса Великий» и первый исторический роман в якутской литературе «Тыгын Дархан» В. Яковлева-Далана, которые определили ведущие тенденции в развитии исторической прозы.

Роль исторических преданий в историко-философской повести П. А. Ойунского «Кудангса Великий»

В результате историко-типологического анализа выявлено: существенное влияние на развитие исторических жанров прозы в якутской литературе оказали историко-философские рассказы и повести П. А. Ойунского: «Сумасшедший Никус» (1923), «Александр Македонский» (1935), «Соломон Мудрый» (1935), повесть-предание «Кудангса Великий» (1929). Эти произведения основаны на преданиях о судьбах необычных личностей, оставшихся в народной памяти.

Жанровое своеобразие повести «Кудангса Великий» обусловлено органической опорой на фольклорные традиции, предания и олонхо. Повесть построена как эпическое сказание, что и определило ментальную значимость ее поэтики, своеобразие стиля обусловлено тем, что повествование ведется как бы от лица народного певца-сказителя.

Герой народных преданий Улуу Кудангса сродни своей могучей волей богатырю олонхо. Видя смысл своей жизни в служении народу, он восстает против владычества

судьбы, утверждая право человека на жизнь: «Ум и стремления двуногого никогда не померкнут». Человек, имевший смелость противопоставить природной стихии свою волю, гибнет: «Вина его в том, что имел дух великий, грех его в том, что имел он ум дерзкий» [10, с. 86].

Пытаясь спасти свой народ от стихийного бедствия, Кудангса жертвует самым дорогим – своим будущим, детьми. В финале произведения, став изгоем, одряхлевший Кудангса сохранил свой могучий дух, веру в будущее: «Я думаю, что закон трех миров, удел двуногого должен быть таков – в меру сил своих, в меру ума своего, было б только то во благо, живите, будьте опорой друг друга, плодитесь – размножайтесь по мере созревания плоти вашей, так должно быть и не иначе в нестигаемом среднем мире» [10, с. 81].

В повести органичны религиозно-мифологические верования народа саха. В трехъярусном мире, наряду с людьми, действуют светлые божества Айыы: Верховный Юрюнг Аар Тойон, богиня милосердия – Айыысыт Ийэ Хотун, хозяйка природы – Аан Алахчын Хотун. Им противостоят бесовские племена темных сил.

Своеобразный космоизм мироощущения народа выражен в утверждении единства человека и природы, человека и Вселенной. Универсальный концепт – мать-земля описана красочным слогом эпического сказания: «... опоясанная восьмицветной ясной радугой, освещенная ослепительно-сияющим солнцем «милая земля саха, хоть и вздыхает тяжело, взметая в небо сполоха... хоть и дышит она студеным ветром, обрела родная земля неиссякаемое изобилие, неизбежное будущее, взрастила, взлелеяла на лоне народ саха» [10, с. 65].

Стиль произведения отличается экспрессией эпической речи, особый ритм и мелодию которой определяют повторы, инверсии, сложные формульные построения. Автор сознательно архаизирует текст, что позволило воссоздать духовную атмосферу далекого прошлого, суть мировидения народа, создавшего песенный эпос.

Выделяя в творческом наследии П. Ойунского заслугу в совершенствовании языка народного эпоса, П. А. Слепцов обозначил перспективы традиции: «В дальнейшем развитии нашей литературы фольклоризм все больше и больше становится мощным стилиобразующим фактором широкого диапазона» [11, с. 182].

Традиции историко-философской прозы П. Ойунского были продолжены в творческих исканиях якутских писателей последующих поколений, о чем свидетельствует и развитие жанра исторического романа. Новый характер историзма в жанре романа проявился в якутской литературе последнего десятилетия XX века. Углубление историзма, усиление нравственно-философских позиций определили возврат на новом этапе к народно-поэтическим традициям. Новый уровень национального самосознания определил обращение к богатству этнокультурной памяти народа, а внимание к психоментальным структурам народного сознания ведет к активному обращению к основным источникам народной памяти – преданиям, олонхо.

Исторические предания и роман В. Далана «Тыгын Дархан»

Как отмечал М. Бахтин, «во взаимодействии устной и книжной традиции есть моменты как отталкивания, так и притяжения» [12, с. 15], о чем свидетельствует активность жанра исторического романа на рубеже веков. Всего за два десятилетия появился целый ряд исторических романов: «Глухой Виллой» и «Тыгын Дархан» В. Далана, «Отзвуки тех времен» Н. Петрова, «По велению Чингисхана» Н. Лугинова, «Манчаары» И. Гоголева, «Трактовая дорога» П. Харитоновой-Ойуку, «Алампа» Е. Неймова и др.

Эпический роман Далана «Тыгын Дархан» (1993) стал этапным произведением в якутской литературе, открывшим новую страницу исторического жанра. Произведение отличается жанровым синкретизмом, в нем философия народной жизни представлена в единстве фольклорно-мифологического и исторического планов.

Текст эпического полотна основан на народных преданиях, наполнен поэзией олонхо, что определило своеобразие стиля. Автор творчески переосмыслил народные предания, пропустив их сквозь призму личностного восприятия, насытив глубоко эмоциональным чувством патриота и гуманиста. Роману предпослана благодарность народным сказителям и фольклористам, сохранившим исторические предания.

Исследователи Г. У. Эргис, Г. В. Ксенофонтов особое внимание уделили циклу преданий о Тыгыне. Основываясь на исторических фактах, Г. В. Ксенофонтов утверждает: «... личность якутского царя Тыгына теперь уже перестает быть мифическим персонажем» [3, с. 14], и далее: «... по понятиям современных якутов ... Тыгын являлся царем и повелителем всего якутского племени...» [13, с. 95].

Центром эпической структуры романа является трагическая фигура героя народных преданий – Тыгына. В традициях эпического сказания образ Тыгына монументален. В описании внешности вождя больше статичности, повторяющихся характерных деталей. Сильная, целеустремленная натура, он умный и волевой правитель, незаурядная личность. Не случайно своим любимым героем считает Кудангсу Великого. Как и герой П. Ойунского, он одержим идеей служения народу, с молодых лет устремлен к единой цели – сплотить якутские роды в один могучий Ил (Мир).

В трактовке сложной личности автор верен логике народных преданий: трагедия Тыгына в том, что он, убедившись в тщете мирных средств, все более утверждает в стремлении насильственно объединить народ и входит в трагический конфликт с близкими. Вечный вопрос – любые ли средства приемлемы для достижения цели? – постоянно встает перед ним. Тыгын подспудно чувствует, что, отрекшись от своих детей, от близких, он потерял лучшее в себе, т. е. «рассек свою душу надвое: светлую и чистую половину ее он без сожалений отбросил прочь и сохранил темную и жестокую сторону, чтобы безжалостно и сурово расправляться с врагами. И как будто все делалось зря. Неужели Улуу Ил – задача непосильная для одного человека? Может, для этого недостаточно его века?» [14, с. 13].

Исследователь истории дает трактовку личности легендарного героя: «Тыгын – это колоритный и глубоко содержательный образ в исторической и этнической памяти якутского народа, важнейший компонент самосознания саха. В нем соединились традиционные представления и идеалы о человеке как позитивные, так и негативные, духовные ценности средневековой культуры, символы целой эпохи» [15, с. 33].

Творческая опора на традиции исторических преданий определила сюжетно-композиционную структуру романа, круг основных персонажей, конфликт, стиль. Взаимоотношения Тыгына с Бэрт Хара освещены в широком диапазоне традиционного строя народной жизни. Так, Г. В. Ксенофонтов отмечал, что эти два героя оказываются рядом в исторических преданиях: «Тыгын и Бэрт Хара в легендах упоминаются всегда рядом и представляют два полюса якутской общественности ... командной верхушки и народных низов» [11, с. 198]. Так, с этой сюжетной линией связана одна из кульминационных глав – Ысыах Белого Изобилия.

Исследователь мифологизма в литературе XX века Е. М. Мелетинский подчеркивает, что литература генетически связана с мифологией через фольклор, сказания и героический эпос: «Миф остается важным компонентом «языка литературы в самом широком смысле, ... как инструмент художественной организации материала и как форма выражения «вечных психологических начал стойких национальных культурных моделей» [16, с. 32].

Важен вывод о том, что мифологизм как новое явление в литературе XX века, и как художественный прием, и как мироощущение стал феноменом на пути преобразования классического романа. Это свойство присуще и якутскому историческому роману XX века.

Основные аспекты мифологизирования, определенные народно-поэтическими традициями преданий и олонхо, проявляются в поэтике исторического романа: образы и мотивы как «арсенал поэтической образности», идея «вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов», единство пространственно-временных отношений, мировоззрения и верований народа.

В работе о мифотектонике текста В. Тюпа выделяет ритм «как речевую генерализацию текста, выражающую эмоциональную сторону текста» [17, с. 84]. Ритм, стиль романа основаны на реставрации архаических пластов языка, на интонациях народного эпоса. Текст эпического полотна, основанного на народных преданиях, наполнен поэзией эпического сказания.

Эпический ритм повествования органичен в жизнеописании легендарного героя, что отличает и описание природы края. Органическая взаимосвязь человека и природы организует сложную архитектуру произведения. Значимы описания походов Тыгына, в которых раскрывается геокультурный образ края. Опора на богатый архивный материал позволяет автору в мифопоэтическом ключе ввести в текст эпического полотна конкретные географические явления, фигуры реальных исторических персонажей.

В эпицентре всех сюжетных коллизий в романе – мифопоэтический локус долины Туймаады – колыбели народа саха. Символическое значение долины усиливают описания окаймляющих ее священных мест: великой реки, гор Чочур Мыраан, Суруктаах Хайа, Ытык Хайа, в ход самобытной канвы влетают и другие явления природы: реки Амга, Вилюй, великие озера Тюнгиюлю и Кыыс Хана и т. п. «География» священных мест в романе органично связана с историей народа, его верованиями и традициями.

Анимистические воззрения нашли отражение в многочисленных мифологических персонажах, одухотворяющих мир природы, воссоздающих народное мирозерцание: это и хозяйка матери-природы Аан Алахчын Хотун, и духи трав и деревьев, и жестокий бык зимы, и бог коня Джесегей.

Суровый Тыгын ощущает на себе умиротворяющее воздействие природы. В своих раздумьях о будущем народа, о создании Ил он постоянно обращается к небу, звездам, как бы спрашивая у них ответа на сложные вопросы.

Как отмечал М. Бахтин: «Биографическая жизнь невозможна вне эпохи, выходящей за пределы единичной жизни, длительность которой представлена, прежде всего, поколениями» [18, с. 208]. Характер Тыгына раскрывается на фоне эпохи, во взаимоотношениях с многочисленным окружением, но более всего с близкими. В романе выражен один из центральных культов народной веры – культ предков. Отец Тыгына Мунньан Дархан в своем последнем слове завещает сохранить единство, землю предков: «объединитесь... Пусть земля, на которой поселились наши деды и пращурь, не останется без хозяев» [14, с. 115].

В современном литературоведении актуально понятие культурного концепта как носителя ментальной памяти народа, «концентрата культуры нации: язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» [19, с. 9]. Своеобразие концептосферы якутского языка выявлено в трудах П. А. Слепцова: «Даже самое беглое знакомство с концептосферой родного языка выявляет неразрывную ее связь с многовековой культурой якутского народа. Концептосфера языка отчетливо выявляет мифологическую в своей глубинной основе духовную культуру народа, своеобразную религиозную сущность традиционных якутских верований, связанных с анимизмом и шаманизмом. В этом отношении концептосфера языка олонхо, народных исторических преданий, сказок и мифов, пословиц и поговорок, народных песен имеет особое значение и является тем мостом, который соединяет древнюю традиционную культуру с современностью» [20, с. 16].

Концептосферу национального мира в русле традиций исторических преданий выражают базовые концепты: олонхо, алаас, ураса, осуохай, алгыс, Айыы,

мифологические хозяева природы. В этом отношении важно наблюдение: «Пространство и время относятся к числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации мира».

Естественный ритм жизни природы в основе логики художественного повествования, содействует многоплановому воспроизведению культуры взаимоотношений северного народа с природным миром. В мифопоэтическом ключе показан главный календарный праздник народа саха Ысыах белого изобилия как торжество возрождения природы, обновления в единстве хозяйственно-трудовых, культурных и, главное, религиозных традиций. В основе праздничного действа – поклонение божествам Айыы, Аар Айыы Тойону – небесному творцу. Кульминацией религиозной церемонии показано заклинание, молитва – алгыс.

В центре праздничного действа – предводитель народа Тыгын Дархан в ореоле могущества и славы, призвав все роды для разговора о главном – об устройстве Ила (Мира). Ысыах предстает как апофеоз мирной жизни, символ духовного единения народа. Описание традиционного хороводного танца осуохай полно внутренней экспрессии, поэзии, когда люди в едином порыве воздают хвалу светлым божествам айыы, родной природе, звучащей как гимн самой жизни.

Несмотря на трагизм судеб героев, в русле оптимистической концепции олонхо в полифонии художественной системы эпического романа утверждается главное: народный идеал мирной созидательной жизни в извечной дилемме «война и мир» превалирует приоритет мира, поэзия человеческих отношений, основанных на любви и согласии.

Воссоздав в жанре исторического романа образ легендарного Тыгына и его эпоху, автор устами шамана Одуну высказал свое творческое кредо: «Когда народ забывает свое прошлое, когда вековой опыт предков перестает передаваться от отживших свой земной срок седобородых старцев молодым поколениям, то его постигает печальный удел, он рассыпается, как стадо скота, оставшееся без пастуха, и бесследно тает в толще столетий» [14, с. 428]. Так, автор отстаивает вековые принципы народной мудрости. Роман Далана остро современен пафосом возрождения национального самосознания, истоков духовности, этногенетической памяти народа.

Заключение

Основываясь на трудах ведущих фольклористов Г. В. Ксенофонтова, Г. У. Эргиса, В. Т. Петрова и Н. В. Емельянова, признавших исторические предания как самостоятельный вид устного народного творчества, в статье прослежены традиции исторических преданий в эволюции исторической прозы. В результате историко-типологического анализа историко-философской повести П. А. Ойунского и исторического романа В. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» прослежена эволюция традиций исторических преданий в эпическом жанре. Во второй половине XX века возросший уровень национального самосознания обусловил новое обращение в исторической прозе к богатству народно-поэтических традиций, исторических преданий и олонхо, о чем свидетельствует появление первого исторического романа в якутской литературе.

Динамика жанрового развития якутской литературы к концу XX века определяет актуальность исследования жанра исторического романа как нового явления в аспекте традиций и новаторства. Возросший уровень национального самосознания в новых социально-исторических обстоятельствах обусловил обращение к богатству этнокультурной памяти народа, «возврат» на новом этапе к народно-поэтическим традициям исторических преданий и олонхо. Традиции исторических преданий проявляются в эпическом жанре многопланово: в образной системе, в сюжетно-композиционной организации, в своеобразии стиля, что помогает в мифологическом плане показать традиционный строй народной жизни, своеобразии религиозно-философских воззрений.

На новом этапе развития якутской литературы в жанре исторического романа получили развитие традиции историко-философской прозы П. А. Ойунского, обусловленные творческой опорой на народно-поэтические традиции, что проявляется в своеобразном космизме мировосприятия народа, создавшего песенный эпос. Своеобразие текста обусловлено ритмом эпического сказания, концептуальным значением пейзажных описаний, особой ролью певца-сказителя. В духе исторического эпоса основным носителем гуманистической концепции выступает герой-борец, проявляющий активный гуманизм.

Роман Далана «Тыгын Дархан» стал произведением, открывшим новый этап в развитии эпического жанра, в котором философия, традиционный строй народной жизни предстают в органическом единстве фольклорно-мифологического и исторического планов.

Своеобразие жанровой структуры исторического романа определено синкретизмом текста в единстве историко-философского и этнографического начала. Творческая опора на традиции исторических преданий и олонхо определяет многоплановую структуру романа, ритм и стиль повествования. Этнографически конкретно показан традиционный строй жизни, обусловленный культурой взаимоотношений народа с природным миром в единстве пространственно-временных связей.

Выявлено, что концептосферу национального мира в русле традиций исторических преданий выражают базовые концепты: олонхо, алаас, ураса, осуохай, алгыс, божество Айыы. Поэтика мифологизирования как средство семантической и композиционной организации текста своеобразно проявляется в тексте исторического жанра, в эпическом повествовании естественны мифологизм и анимизм, позволяющие воссоздать мироотношение и мировосприятие народа, его религиозные воззрения.

Образ героя исторических преданий, предводителя народа саха Тыгына обрисован в синтезе мифологизма и историзма, как деятеля, устремленного к главной цели – объединению якутских родов в единый Ил (Мир, согласие). Трагизм его судьбы созвучен логике народных преданий. Несмотря на трагизм судеб главных героев, в русле оптимистической концепции олонхо в полифонии художественной системы эпического романа утверждается главное: народный идеал мирной, созидательной жизни.

Произведение энциклопедического плана, исторический роман Далана по своей философско-эстетической концепции и по структурно-стилистическим особенностям, основанным на творческом преломлении народно-поэтических традиций, во многом определил перспективы развития якутского эпического жанра.

Л и т е р а т у р а

1. Петров, В. Т. Традиции эпического повествования в якутской прозе / В. Т. Петров. – Новосибирск : Наука, 1982. – 84 с.
2. Петров, В. Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе / В. Т. Петров. – Москва : Наука, 1978. – 137 с.
3. Ксенофонов, Г. В. Эллэйада : материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонов. – Якутск : Бичик, 2004. – 352 с.
4. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. – Москва : Наука, 1974. – 402 с.
5. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. – Москва : Наука, 1980. – 373 с.
6. Васильева, Д. Е. О далеком прошлом и настоящем / Д. Е. Васильева. – Якутск : Бичик, 2008. – 176 с.
7. Мыреева, А. Н. Якутский роман 70-90-х годов XX века : традиции и новации / А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2014. – 116 с.
8. Мыреева, А. Н. Жанр в художественном мире Н. А. Лугинова / А. Н. Мыреева, А. М. Баишева. – Якутск : Издательский дом СВФУ им. М.К. Аммосова, 2018. – 88 с.
9. Myreeva, A. N. Folklore and epic traditions in Yakut novel between two ages / A. N. Myreeva // Journal of History Culture and Art Research. – Turkey, 2018. – Vol. 7. – № 3. – P. 460-468.

10. Ойунский, П. А. Кудангса Великий : повесть-предание / П. А. Ойунский. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1995. – 88 с.
11. Слепцов, П. А. Якутский литературный язык : истоки, становление норм / П. А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1986. – 182 с.
12. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : [2-е изд.] / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
13. Ксенофонтов, Г. В. Ураанхай-сахалар : очерки по древней истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. – Т. 1. – Якутск : Национальное книжное издательство Республики Саха (Якутия), 1992. – 317 с.
14. Яковлев, В. С.–Далан. Тыгын Дархан : роман / В. С. Яковлев-Далан. – Якутск : Бичик, 1994. – 432 с.
15. Борисов, А. А. Тыгын : человек, легенда, символ / А. А. Борисов. – Илин, 1998. – № 2-3. – С. 23.
16. Мелетинский, Е. Поэтика мифа / Е. Мелетинский ; Институт мировой литературы : РАН : – [4-е изд.]. – Москва : Восточная литература, 2006. – 407 с.
17. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2009. – 336 с.
18. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Освобождение от догм. История русской литературы, состояние и пути изучения / Д. С. Лихачев. – Москва : Наследие, 1997. – 308 с.
19. Слепцов, П. А. Концептосфера родного языка / П. А. Слепцов // Язык как основной элемент культуры : генезис, традиции и современные проблемы. – Якутск, 2000. – 13-18 с.
20. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний : когнитивная история языка / Н. Н. Болдырев. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2018. – 478 с.

References

1. Petrov, V. T. Tradicii epicheskogo povestvovaniya v yakutskoj proze / V. T. Petrov. – Novosibirsk : Nauka, 1982. – 84 s.
2. Petrov, V. T. Fol'klornye tradicii v yakutskoj sovetskoj literature / V. T. Petrov. – Moskva : Nauka, 1978. – 137 s.
3. Ksenofontov, G. V. Ellejada : materialy po mifologii i legendarnoj istorii yakutov / G. V. Ksenofontov. – Yakutsk : Bichik, 2004. – 352 s.
4. Ergis, G. U. Oчерki po yakutskomu fol'kloru / G. U. Ergis. – Moskva : Nauka, 1974. – 402 s.
5. Emel'yanov, N. V. Syuzhety yakutskih olonho / N. V. Emel'yanov. – Moskva : Nauka, 1980. – 373 s.
6. Vasil'eva, D. E. O dalekom proshlom i nastoyashchem / D. E. Vasil'eva. – Yakutsk : Bichik, 2008. – 176 s.
7. Myreeva, A. N. Yakutskij roman 70-90-h godov HKH veka : tradicii i novacii / A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 2014. – 116 s.
8. Myreeva, A. N. Zhanr v hudozhestvennom mire N. A. Luginova / A. N. Myreeva, A. M. Baisheva. – Yakutsk : Izdatel'skij dom SVFU im. M.K. Ammosova, 2018. – 88 s.
9. Myreeva, A. N. Folklore and epic traditions in Yakut novel between two ages / A. N. Myreeva // Journal of History Culture and Art Research. – Turkey, 2018. – Vol. 7. – № 3. – P. 460-468.
10. Ojuns'kij, P. A. Kudangsa Velikij : povest'-predanie / P. A. Ojuns'kij. – Yakutsk : Sahapoligrafizdat, 1995. – 88 s.
11. Slep'cov, P. A. Yakutskij literaturnyj yazyk : istoki, stanovlenie norm / P. A. Slep'cov. – Novosibirsk : Nauka, 1986. – 182 s.
12. Bahtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorcestva : [2-e izd.] / M. M. Bahtin. – Moskva : Iskustvo, 1986. – 445 s.
13. Ksenofontov, G. V. Uraanhaj-sahalar : oчерki po drevnej istorii yakutov / G. V. Ksenofontov. – Т. 1. – Yakutsk : Nacional'noe knizhnoe izdatel'stvo Respubliki Saha (Yakutiya), 1992. – 317 s.
14. Yakovlev, V. S.–Dalan. Tygyn Darhan : roman / V. S. Yakovlev-Dalan. – Yakutsk : Bichik, 1994. – 432 s.
15. Borisov, A. A. Tygyn : chelovek, legenda, simbol / A. A. Borisov. – Ilin, 1998. – № 2-3. – S. 23.
16. Meletinskij, E. Poetika mifa / E. Meletinskij ; Institut mirovoj literatury : RAN : – [4-е изд.]. – Moskva : Vostochnaya literatura, 2006. – 407 s.

17. Тура, V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta / V. I. Тура. – Moskva : Akademiya, 2009. – 336 s.
18. Lihachev, D. S. Konceptosfera russkogo yazyka // Osvobozhdenie ot dogm. Istoriya russkoj literatury, sostoyanie i puti izucheniya / D. S. Lihachev. – Moskva : Nasledie, 1997. – 308 s.
19. Slepcev, P. A. Konceptosfera rodnogo yazyka / P. A. Slepcev // Yazyk kak osnovnoj element kul'tury : genezis, tradicii i sovremennye problemy. – Yakutsk, 2000. – 13-18 s.
20. Boldyrev, N. N. Yazyk i sistema znaniy : kognitivnaya istoriya yazyka / N. N. Boldyrev. – Moskva : Izdatel'skij dom YASK, 2018. – 478 s.

УДК 81-11

Е. В. Наумова

Термин «многозначность» и ее виды в отечественной и зарубежной лингвистике

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматриваемое нами понятие является междисциплинарным по своей сфере применения в международном научном сообществе. Данный термин широко применяется в таких научных областях, как лингвистика, биология, химия, информатика, социология и др. Целью данной работы является рассмотрение понятия «многозначность» и соотносящихся с ним терминов в отечественной и зарубежной лингвистике. Актуальностью представленной темы исследования является ее недостаточная изученность в отечественной лингвистике в контексте английского языка, а также применительно к теории и практике перевода. В ходе анализа соответствий и аналогов данному термину было установлено, что в отечественной лингвистике отсутствует унифицированное соответствие данному термину. Отечественные исследователи используют другие (аналоговые и не всегда тождественные) понятия для обозначения многозначности: полисемия, асимметрия, омонимия, двусмысленность и многозначность. Примечателен тот факт, что в зарубежной лингвистике также выделяются формальные соответствия данному термину: *homonymy*, *vagueness*, *polysemy*, *paraphrase*, но наиболее частотным является понятие *ambiguity*. Для этого же понятия выделяется и ряд классификаций по ее типам и разновидностям. Такие формальные терминологические соответствия рассматриваются и классифицируются в данной статье. В статье также приводятся классификации видов многозначности. В настоящее время в современной лингвистике не представлена единая классификация видов многозначности. Их количество варьируется от трех до пяти. Однако большинство зарубежных исследователей разделяют единую точку зрения и выделяют два или три вида многозначности, которые, по их мнению, существуют вне зависимости от других видов рассматриваемого нами понятия.

Ключевые слова: термин, многозначность, полисемия, омонимия, двусмысленность, асимметрия, адаптация, лингвистика, перевод, классификация.

DOI 10.25587/n0220-2395-0142-v

НАУМОВА Елена Васильевна – ст. преп. научно-образовательного центра иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета.

E-mail: elena.naumova@pharminnotech.com

NAUMOVA Elena Vasilievna – Senior Lecturer, Research and Educational Center of Foreign Languages and Cross-cultural Communication, Saint-Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University.

E. V. Naumova

Ambiguity and its types in international linguistic studies

Saint-Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The concept being overviewed is interdisciplinary by its nature in international research studies. The term under discussion is extensively incorporated in such scientific fields as linguistics, biology, chemistry, computer science, sociology, etc. This article presents an overview and analysis of *ambiguity* and other concepts which are commonly associated and equalled to it in international linguistic studies. The importance of the presented topic is justified by the limited research findings and its application in some of the linguistic research traditions worldwide, specifically the English language, and the theoretical and applied translation studies. The overview and analysis showed the absence of a universally accepted term for this concept in international linguistic studies. The following terms are prevalent: *polysemy*, *asymmetry*, *homonymy*, *duality*, and *ambiguity*, *vagueness*, and *paraphrase*. There are some classifications of ambiguity and its types suggested by various scholars. Such formal terminological correspondences are also overviewed and classified in the given article. Generally, ambiguity is subdivided into 3-5 types. However, the majority of scholars share a common opinion that there are at least 2 or 3 types of ambiguity regardless of any other types which may be identified.

Keywords: term, ambiguity, polysemy, homonymy, duality, asymmetry, adaptation, linguistics, translation, classification.

Введение

Термин «многозначность» относится к междисциплинарным понятиям. Кроме того, оно рассматривается с разных точек зрения и проблематик в рамках многих гуманитарных наук, таких как философия, психология, этнопсихология, лингвистика и ее подразделы (психолингвистика, этнопсихолингвистика, риторика, стилистика и др.). В силу этого данное понятие также известно, как полисемия, асимметрия, омонимия, двусмысленность и многозначность. Единого, общепринятого обозначения данного явления на данный момент не представлено. В данной статье мы подробнее рассмотрим это понятие и его формальные соответствия, а также представим основные точки зрения относительно классификации данного термина.

Материалы и методы исследований

В зарубежной научной традиции (немецкой, французской, испанской и английской) можно встретить следующие терминологические аналоги: *ambiguity* (Bach, Berthoud, Britton, Bucaria, Bubka, Dunbar, Fuchs, Gleich [1], Gómez-Veiga, González Álvarez, Gullvåg, Gutierrez, Hamm, Hogaboam, Honeyman, Kayser, Kennedy, Klare, Lakoff, Landheer, Le Ny, S.L. Small, Lim, Marquer, Onifer, Peña, Rosier, Sheridan, Thiollent, Tuggy, Wurzel, Wasow [2], Zhang), некоторые ученые из этого же перечня используют термины *homonymy*, *vagueness*, *polysemy*, *paraphrase*, противопоставляя их термину *ambiguity*, или вовсе используют только один из представленных терминов. В своих научных трудах такие исследователи, как Fuchs [3], Kayser [4] рассматривают понятие *ambiguity* наряду с понятиями *ambivalence* и *paraphrase*. Lakoff [5], Gullvåg [6] и Kennedy [7] описывают данный термин одновременно с понятием *vagueness*. Некоторые ученые выделяют наряду с понятием *ambiguity* понятие *polysemy* (Klare, Tuggy) и *homonymy* (Slama-Cazacu, Klare, Gutierrez Haces).

Исследования по вопросам многозначности также проводились рядом российских ученых, таких как Зуева, Виноградов, Эман, Османова, Арсеньева, Апресян, Ковалик, Колесников, Ольшанский, Бревдо, Гребенкина, Богуславский, Литвин, Пономарева, Драгой, Головня, Бобровская, Кобозева, Юдина, Москвин, Шерстнова, Логачева, Малаховский, Зализняк, Богатырева, Ольховская, Южанникова, Мурашов, которые используют понятие двусмысленности. Вслед за зарубежными исследователями, отечественные ученые оперируют понятиями *многозначность*, *двусмысленность*, *полисемия*, *омонимия*, *асимметрия*, а в некоторых случаях – *неоднозначность* и *асимметрический дуализм* (Скаличка). В выборе той или иной терминологии для обозначения рассматриваемого понятия наблюдаются некоторые интересные тенденции. Первоначально, когда это понятие только начали изучать в 50–70-е годы XX века, применялось понятие *многозначность* (Зуева, Арсеньева, Апресян), позднее на смену этому понятию пришли такие термины, как *омонимия* (Османова, Колесников, Пономарева, Логачева, Малаховский), а также такие дефиниции, как *полисемия* (Ковалик, Обшанский, Кобозева) и *неоднозначность* (Бревдо, Богуславский, Драгой, Юдина). Также в научных исследованиях по данной тематике можно встретить и термин *двусмысленность* (Бобровская, Южанникова, Мурашов, Москвин), в некоторых отдельно взятых случаях ученые говорили об *омонимии* (Виноградов, Головня). Примечательно, что с начала нового тысячелетия термин *многозначность* возвращается в научный аппарат лингвистических и филологических исследований (Гребенкина, Литвин, Шерстнова, Ольховская), становясь тем самым наиболее часто употребляемым термином среди всех вышеперечисленных. Все исследования касались вопросов многозначности в целом, а также отдельных ее видов и аспектов.

Зарубежные исследователи обращали внимание на проблемы возникновения многозначности в публицистических текстах, в частности, проблему лексической многозначности и способов ее устранения именно в рамках такого жанра, а также этот же аспект многозначности с точки зрения лексико-грамматической структуры предложений или высказываний. В контексте проблем переводоведения проблема многозначности рассматривается в работе Ландхира, где он исследует ее наряду с парафразой.

Отечественные исследователи обращались к вопросам многозначности и в некоторых случаях к вопросам ее разрешения/преодоления преимущественно применительно к вопросам русского языка и культуры речи, реже – к вопросам немецкого и английского языков. В целом объектом исследования в подобных случаях становились художественная проза (в широком смысле), лексическая, грамматическая и семантическая составляющие высказываний, а также публицистические тексты. В отдельных случаях работы посвящены проблемам многозначности и перевода (Шерстнова, Богуславский).

Говоря об истории возникновения исследуемого понятия, следует отметить, что оно вошло в английский язык через старофранцузский язык в процессе исторического развития языка. Согласно Online Oxford English Dictionary [8], данное слово имеет следующее определение: «*The quality of being open to more than one interpretation; inexactness*». Другие, схожие с вышеуказанным, определения включают: «*The quality or state of being ambiguous, especially in meaning*»; «*A word or expression that can be understood in two or more possible ways: an ambiguous word or expression*» (Merriam-Webster Online Dictionary) [9]. «*The possibility of interpreting an expression in two or more distinct ways*» (Colin's Online Dictionary) [10].

Из приведенных англоязычных определений данного понятия следует, что оно понимается весьма однозначно. Проблема, как уже было упомянуто ранее, кроется в качественном и грамотном подборе аналога этому термину в русском языке в связи с множественностью вариантов перевода самого понятия. Иными словами, трудности и тонкости перевода данной лексемы на русский язык превращают ее саму в многозначное понятие. Однако стоит также отметить, что целесообразность выбора того или иного

языкового аналога термину определяется сферой употребления и изучения данного аспекта как с точки лингвистики и филологии, так и с точки зрения других гуманитарных наук.

В рамках данного исследования были использованы такие научные методы, как метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод библиографического обзора.

Виды многозначности, предложенные зарубежными учеными

Как уже отмечалось ранее, за последние десятилетия было проведено немало зарубежных и российских практико-ориентированных исследований по многозначности (преимущественно ее терминологическим аналогам), а также по способам ее элиминирования или предотвращения ее возникновения в целом. Последнее явление представлено в зарубежных трудах как *disambiguation*. Далее нами будут рассмотрены основные научные определения по теме исследования.

Поскольку термин *ambiguity* первоначально появился в зарубежных трудах, в первую очередь рассмотрим именно представления иноязычных ученых касательно данного понятия и его разновидностей с примерами возникновения данного языкового явления в речи.

Некоторые исследователи, в частности Бенедикт Гляйх и его соавторы в статье "Ambiguity Detection: Towards a Tool Explaining Ambiguity Sources" предприняли попытку разрешить проблему возникновения языковой многозначности и разработать способы ее обнаружения сквозь призму компьютерной лингвистики, применяя технику *part-of-speech-tagging*. В своей статье они приводят классификацию видов многозначности, которую выявили с помощью ранее упомянутой методики компьютерного анализа текста – *part-of-speech-tagging*. Итак, авторы выделяют следующие разновидности лингвистической внутриязыковой многозначности (на примере английского языка):

1) лексическая многозначность, которая возникает в случае использования в тексте полисемантических словарных единиц. Пример: green: 1) цвет; 2) незрелый, инфантильный (о человеке);

2) синтаксическая или структурная многозначность проявляется в тех случаях, когда словесное выражение имеет несколько вариантов расположения слов и, таким образом, становятся возможными несколько вариантов грамматических структур. Пример: *small car factory*. Возможны два варианта грамматического, а, следовательно, и семантического, сегментирования: 1) [*small car*] *factory*; 2) *small* [*car factory*]. К тому же и переводиться данная фраза может двояко: 1) фабрика по производству малогабаритных машин и 2) маленькая фабрика по производству машин;

3) семантическая многозначность возможна тогда, когда одно и то же высказывание может быть интерпретировано несколькими разными способами, будучи при этом синтаксически и лексически однозначным. Пример: *All citizens have a social security number*. По мнению авторов статьи, в данном случае возможны следующие варианты толкования исходного выражения: вариант 1: *Every citizen has an individual social security number*; вариант 2: *All citizens have the same social security number*;

4) прагматическая многозначность, проявляющаяся в виде контекстуально зависимой семантической многозначности. Пример: *The trucks shall treat the roads before they freeze*. Вопрос заключается в следующем: к чему относится местоимение *they* – к *trucks* или к *roads*?

5) наряду с понятием *ambiguity* авторы рассматриваемой классификации выделяют такое понятие, как *vagueness*, которое они определяют следующим образом: "a linguistic phenomenon in which a lexical unit being monosemantic on the grammatical level may have some additional meanings that can be deduced within the given context". Пример: *The system should react as fast as possible*. Вопрос состоит в следующем: может ли в смысловом отношении система реагировать «как можно скорее», и, если да, то какая система – государственная или операционная?

б) поскольку данные исследователи рассматривают проблему многозначности с точки зрения компьютерной лингвистики, они отдельно выделяют понятие *language error* («языковая ошибка/погрешность»), которая заключается в допущении грамматической ошибки в высказывании, которая и порождает двоякий смысл и, соответственно, двоякую интерпретацию. Авторы статьи приводят следующий пример: *Every light has their switch* и предлагают следующие варианты разрешения многозначности, построенные на принципе грамматического реструктурирования фразы: 1) *Every light has its own switch*. 2) *All lights have their common switch*.

Далее рассмотрим определения и классификации других ученых.

Т. Восоу и его соавторы в своей статье "The Puzzle of Ambiguity" рассматривает многозначность в качестве категории семантики и определяет ее как «имеющую два или более различных денотата». Авторы приводят следующую классификацию видов многозначности:

1) морфологическая многозначность, при которой графическое и фонологическое несоответствие морфологических компонентов может привести к многозначным вариантам интерпретации. Пример: *Flying planes can be dangerous*. Этот же пример авторы статьи относят к случаям возникновения синтаксической многозначности;

2) лексическая многозначность, при которой у лексических единиц существует несколько денотатов. Пример: *the weapon(')s inspector*. О ком идет речь: об инспекторе конкретного оружия или об инспекторе любых оружий?

3) синтаксическая многозначность, при которой синтаксические компоненты высказывания расположены таким образом, что они могут быть интерпретированы разными способами в зависимости от их семантической или грамматической функции;

4) скопальная многозначность или многозначность грамматического группирования элементов высказывания, когда один из второстепенных членов предложения придает выражению смысловую неоднозначность. Пример: *Every man loves a woman*. Возникает вопрос: какую-то конкретную женщину или всех (любых) женщин?

Восоу отмечает, что понятия *ambiguity* и *vagueness* не являются тождественными, так как *vagueness*, или *размытость* высказываний не имеет каких-либо четко обозначенных семантических границ, поскольку они преимущественно применяются в разговорной речи. Многозначные выражения, напротив, имеют определенный спектр значений, которые и порождают их смысловую многозначность. Также допустимы случаи, при которых отдельно взятое выражение может содержать в себе несколько разновидностей многозначности.

Другой эксперт в области компьютерной лингвистики Anjali [11] в соавторстве со своими коллегами в статье "Ambiguities in Natural Language Processing" предлагает различать следующие виды многозначности:

1) лексическая многозначность или *многозначность отдельного слова*, возникающая тогда, когда отдельно взятое слово может быть использовано в различных синтаксических функциях в силу своей возможности претерпевать процесс лингвистической конверсии. Пример: слово *silver* может употребляться в качестве разных частей речи, см. 1. *She bagged two silver medals* (прилагательное). 2. *His worries had silvered his hair* (глагол);

2) лексико-семантическая многозначность, при которой отдельное слово, выполняющее одну синтаксическую функцию, может обладать целым спектром контекстуальных значений в силу своей омонимичности. Пример: слово *tank*. 1) *The tank was full of water*. 2) *I saw a military tank*;

3) Синтаксическая многозначность, которую авторы иначе обозначают как структурную многозначность.

Последнюю разновидность многозначности, в свою очередь, авторы предлагают подразделять на *скопальную многозначность* и *многозначность в результате ошибки*

присоединения второстепенного члена предложения (*attachment ambiguity*). Ученые разделяют мнение Восоу касательно определения, данному этой разновидности многозначности в сопоставлении с другими видами многозначности. Нами предлагается обозначать *attachment ambiguity* как *многозначность синтаксического управления*. При таком виде многозначности нарушается синтаксическая структура фразы/предложения, в результате чего фраза/предложение становится двусмысленным. Классическим примером такой многозначности может послужить следующее высказывание: *The man saw the boy with the telescope* (*мужчина держал в руках телескоп и увидел при этом мальчика или мужчина увидел мальчика, который держал в руке телескоп?*);

4) семантическая многозначность, которая, по мнению цитируемых авторов, является разновидностью многозначности, при которой однозначные слова и их конкретное положение в синтаксической структуре высказывания тем не менее могут породить их многозначность. Пример: *The car hit the pole while it was moving* (*Какой объект находился в движении – машина или столб, или оба предмета?*);

5) анафорическая многозначность, которая возникает на уровне дискурса. По мнению авторов статьи, такой вид многозначности возникает, когда одна и та же часть речи соотносится с двумя или несколькими понятиями, которые были упомянуты одновременно в одном и том же дискурсе. Пример: *The horse ran up the hill. It was very steep. It soon got tired.* (*К чему относится местоимение It – к лошади или к пригорку?*);

6) прагматическая многозначность – разновидность многозначности, при которой слово или фраза приобретает двойственное значение в силу контекстуальных особенностей, в которых она возникает. Пример: *Can you pass me the salt?* (*Что предполагается под модальным глаголом can – физическая возможность совершения действия или неформальное обращение?*).

Таковы основные рассмотренные нами классификации типов многозначности в исследованиях зарубежных ученых за последние несколько десятилетий. Очевидно, что лексическая многозначность четко обозначена во всех представленных выше классификациях. Также следует принимать во внимание тот факт, что *многозначность* сама по своей природе и в своем проявлении является достаточно комплексным понятием и явлением. Исходя из приведенных классификаций, можно сделать вывод, что нередко различные виды многозначности сочетаются друг с другом и создают тот самый эффект полисемии и неоднозначности. Таким образом, возможны случаи, в которых лексическая многозначность функционирует не обособленно, а, напротив, может быть вызвана другими видами многозначности.

Виды многозначности, предложенные российскими учеными

Рассмотрим научные изыскания отечественных ученых касательно рассматриваемого нами понятия. В своей диссертационной работе, посвященной стилистическим средствам в русском языке, М. А. Южанникова делает достаточно подробный обзор различных классификаций видов многозначности, ссылаясь на мнение зарубежных и отечественных исследователей. Автор также говорит о трудностях обозначения данного понятия в русскоязычной научной парадигме и предлагает использовать термин *двусмысленность*, которая ею понимается как «наличие у высказывания или его фрагмента двух и более смыслов (проявляющихся одновременно или последовательно), обусловленное сочетанием языковых/речевых механизмов порождения двусмысленности с особым контекстом». Более того, по ее мнению, «двусмысленность» является наиболее адекватным для наименования соответствующего понятия среди терминов, обозначающих нарушение логического закона тождества, что отграничивает двусмысленность от таких смежных явлений, как неопределенность, омонимия, полисемия, синкретизм» [12].

Примечательно, что анализируемые зарубежными исследователями типы или виды многозначности рассматриваются Южанниковой как «механизмы порождения

двусмысленности», а именно: лексическая, грамматическая и контекстуальная полисемия, лексическая и синтаксическая омонимия, антонимия, контекстуальная антонимия и синонимия, синкретизм, семантическая неопределенность, лингвистическая анафора, дейксис, прагматическая рассогласованность, альтернативное фонологическое членение фразы.

А. И. Ольховская [13] использует понятие *многозначность* наряду с омонимией и семантической деривацией. Они используются как взаимозаменяемые синонимы. Более того, автор выделяет следующие виды многозначности: а) тривиальные, нормальные и сложные метонимические сдвиги; б) «техническую» многозначность; в) неглагольную метонимию глаголов и неадъективную метонимию прилагательных; г) антропоморфные характеристики животных; д) временные реализации пространственных значений; е) обращения.

Следует отметить, что вышеприведенные определения и классификации многозначности были предложены в рамках культурологических, психологических и собственно лингвистических исследований в области русского языка и культуры речи. Далее мы приведем классификации и представление о данном понятии в объективе ученых, рассматривавших эту лексику с точки зрения теории и практики перевода.

Н. К. Гарбовский говорит о межъязыковой асимметрии, которую он понимает как явление, при котором слова пишутся схожим или одинаковым образом в нескольких языках, но совершенно различны по своему лексическому значению [14]. Такое явление вызывает путаницу и приводит к неверной интерпретации. Эти слова известны как «ложные друзья переводчика».

В. В. Алимов использует термин *многозначность*, который является прямым терминологическим соответствием понятию *ambiguity* [15]. Исследователь определяет *многозначность* как способность одного и того же слова приобретать разные семантические свойства внутри предложения и сохранять эти семантические свойства вне данного контекста. Очевидно, переводовед проводит параллель между понятиями *многозначность* и *полисемия*.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам проведенного исследования можно утверждать, что в российской науке наблюдается полная или частичная преемственность термина «многозначность». Такая терминологическая адаптация обусловлена предметной областью исследования того или иного ученого-представителя определенной научной традиции. Результаты данного исследования будут использованы в дальнейшем исследовании по представленной теме.

Заключение

В данной статье был представлен краткий обзор основных видов и классификаций многозначности, а также некоторых формальных соответствий данному термину в российской и зарубежной науке. В ходе анализа терминологического аппарата по исследуемой теме был выявлен определенный ряд формальных соответствий изучаемого лингвистического понятия. Научный обзор «эволюции» и применения термина «многозначность» показал, что единое мнение касательно термина в настоящее время в научной среде не представлено. Вариативность терминов обусловлена разными научными подходами к определению термина: литературоведческим, переводческим и математико-лингвистическим, применяемым в компьютерной лингвистике для создания программ автоматизированного (машинного) перевода, или сугубо лингвистическим с точки зрения синтаксического и семантического анализа высказывания.

Л и т е р а т у р а

1. Gleich, B. Ambiguity Detection: Towards a Tool Explaining Ambiguity Sources / B. Gleich, O. Creighton, L. Kof. – 2010.

2. Wasow, T. The Puzzle of Ambiguity / T. Wasow, A. Perfors, D. Beaver D. – 2005.
3. Fuchs, C. L'ambiguïté : du fait de langue aux stratégies interlocutives / C. Fuchs. – 2009.
4. Kayser, D. What Kind of Thing is a Concept? D. Kayser. – *Computational Intelligence*. – 4 (2). – 1988.
5. Lakoff, G. A note on vagueness and ambiguity / G. Lakoff // *Linguistic Inquiry*. – 1970. – №1.
6. Gullvag, I. & Næss, A. Vagueness and ambiguity. In M. Dascal, D. Gerhardus, K. Lorenz & G. Meggle (Ed.), 2. *Halbband: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. – Pp. 1408-1417. – Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2008. – URL: <https://doi.org/10.1515/9783110139914.2.5.1408>.
7. Kennedy, C. Ambiguity and Vagueness: An Overview / C. Kennedy // University of Chigaco. – 2009.
8. Online Oxford Dictionary. – Oxford University Press, 2021. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/ambiguity.
9. Merriam-Webster. Online Dictionary (2021) / Merriam-Webster, Incorporated. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ambiguity>.
10. Colin's Online Dictionary /Collins, 2021. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ambiguity>
- 11) Anjali, M. K. Ambiguities in Natural Language Processing / M. K. Anjali, Anto P. Babu // *International Journal of Innovative Research in Computer and Communication Engineering*, 2014.
12. Южанникова, М. А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке : диссертация на соискание ученой степени / М. А. Южанникова. – 2015.
13. Ольховская, А. И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении : диссертация на соискание ученой степени / А. И. Ольховская. – 2013.
14. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва : Издательство Московского университета, 2007. – 544 с.
15. Алимов, В. В. Специальный перевод и лингвистическая интерференция / В. В. Алимов. – Москва, 2003. – 134 с.

References

1. Gleich, B. Ambiguity Detection: Towards a Tool Explaining Ambiguity Sources / B. Gleich, O. Creighton, L. Kof. – 2010.
2. Wasow, T. The Puzzle of Ambiguity / T. Wasow, A. Perfors, D. Beaver D. – 2005.
3. Fuchs, C. L'ambiguïté : du fait de langue aux stratégies interlocutives / C. Fuchs. – 2009.
4. Kayser, D. What Kind of Thing is a Concept? D. Kayser. – *Computational Intelligence*. – 4 (2). – 1988.
5. Lakoff, G. A note on vagueness and ambiguity / G. Lakoff // *Linguistic Inquiry*. – 1970. – №1.
6. Gullvag, I. & Næss, A. Vagueness and ambiguity. In M. Dascal, D. Gerhardus, K. Lorenz & G. Meggle (Ed.), 2. *Halbband: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. – Pp. 1408-1417. – Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2008. – URL: <https://doi.org/10.1515/9783110139914.2.5.1408>.
7. Kennedy, C. Ambiguity and Vagueness: An Overview / S. Kennedy // University of Chigaco. – 2009.
8. Online Oxford Dictionary. – Oxford University Press, 2021. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/ambiguity.
9. Merriam-Webster. Online Dictionary (2021) / Merriam-Webster, Incorporated. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ambiguity>.
10. Colin's Online Dictionary /Collins, 2021. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ambiguity>
- 11) Anjali, M. K. Ambiguities in Natural Language Processing / M. K. Anjali, Anto P. Babu // *International Journal of Innovative Research in Computer and Communication Engineering*, 2014.
12. Yuzhannikova, M. A. Fenomen dvusmyslennosti kak osnovanie stilisticheskikh priemov v sovremennom russkom yazyke : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni / M. A. Yuzhannikova. – 2015.
13. Ol'hovskaya, A. I. Leksicheskaya mnogoznachnost' v obshchelingvisticheskom i leksikograficheskom rassmotrenii : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni / A. I. Ol'hovskaya. – 2013.
14. Garbovskij, N. K. Teoriya perevoda / N. K. Garbovskij. – Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. – 544 s.
15. Alimov, V. V. Special'nyj perevod i lingvisticheskaya interferenciya / V. V. Alimov. – Moskva, 2003. – 134 s.

Н. А. Ефремова

Винокуровские чтения, посвященные 80-летию профессора СВФУ Ивана Петровича Винокурова

10 декабря 2021 г. в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова состоялась республиканская конференция «Винокуровские чтения: теоретические и методические аспекты изучения якутского языка, литературы и культуры», посвященная 80-летию известного ученого-педагога, кандидата филологических наук, профессора СВФУ им. М.К. Аммосова, Почетного работника высшего профессионального образования РФ, Отличника образования РС (Я), ветерана труда, Учителя учителей Винокурова Ивана Петровича.

Иван Петрович Винокуров – один из ученых-педагогов, стоявший у истоков становления отделения якутского языка как учебно-научной базы для подготовки специалистов, учителей родного языка. Его школу прошли несколько поколений учителей, специалистов, исследователей-якутоведов. Педагог-ученый, который смог завоевать авторитет среди коллег и студентов не только профессиональными способностями и глубокими знаниями, но и своим индивидуальным подходом, своеобразным стилем преподавания родного языка, теплотой души и здравомыслящим тонким умом. Четко структурированный особый подход, детальное описание языкового материала по морфологии и синтаксису якутского языка помогли ему создать ряд учебных пособий, ставших образцовыми в истории якутского языкознания и методики преподавания.

Открытие пленарного заседания началось с традиционного приветственного алгыса, благопожелания в наступающем новом году. Свои поздравления на Zoom-платформе сказали директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации СВФУ имени М.К. Аммосова Г. Г. Торотоев, д. п. н., проректор по образовательной деятельности СВФУ имени М.К. Аммосова А. И. Голиков, глава муниципального района «Алданский наслег» Таттинского улуса РС (Я) Е. Н. Постников, д. филол. н., главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Н. Н. Ефремов.

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolievna – associate professor of the department of Yakut literature, candidate of philological sciences M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Всего заслушано 44 доклада, в том числе 5 пленарных. Организатором конференции является кафедра якутского языка имени Н. С. Григорьева ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

На пленарном заседании выступили с обзорными докладами коллеги юбиляра – почетный директор ИЯКН СВ РФ, д. филол. н., профессор кафедры якутского языка Г. Г. Филиппов, д. филол. н., зав. отделом якутского языка, главный научный сотрудник ИГИИПМНС СО РАН Н. И. Данилова, к. филол. н., научный сотрудник ИГИИПМНС Н. М. Васильева, Почетный работник системы образования РФ, отличник образования РС (Я), лауреат Государственной премии имени С. А. Новгородова М. Н. Борисова.

Учебно-научную деятельность Ивана Петровича в университете в своем докладе представил его друг-соратник, руководивший подразделением долгие годы, почетный профессор института Г. Г. Филиппов.

Конференция работала по шести направлениям, касающимся научно-исследовательской тематики И.П. Винокурова. Первая секция была посвящена фонетическому, морфологическому, грамматическому и синтаксическому аспектам изучения современного якутского языка. Из семи представленных докладов выделены работы студентов-бакалавров 1 курса отделения якутского языка К. А. Яковлевой, О. Д. Слепцовой, К. М. Егоровой. Следует также отметить доклад учителя якутского языка и литературы МБОУ «2-Хомустахская СОШ им. Е. П. Сивцева» МО Намского улуса М. В. Аргуновой.

Во второй секции были представлены доклады по актуальным проблемам сравнительно-типологического исследования тюрко-монгольских языков. В этой секции свои доклады по актуальным вопросам изучения якутского языка в сопоставлении с монгольскими языками продемонстрировали авторитетные ученые ИГИИПМНС СО РАН В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова. Дипломами награждены доклады студентов ИЯКН СВ РФ: А. А. Дьяконовой, К. М. Егоровой, С. Н. Гоголевой.

В третьей секции «Язык олонхо и якутской художественной литературы» из заявленных 8 докладов было заслушано 5 докладов. Следует особо подчеркнуть доклад к. филол. н., старшего научного сотрудника ИГИИПМНС СО РАН Л. М. Готовцевой «Особенности функционирования фразеологических единиц в романе Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя «Весенняя пора»». На богатом фактическом материале раскрыты лексико-семантические и стилистические особенности фразеологических единиц якутского языка, использованные писателем-классиком Амма Аччыгыя. Далее модераторы выявили лучшие доклады студентов-бакалавров направления «Филология» А. А. Архиповой, У. В. Павловой, А. Г. Логиновой.

В четвертой секции «Теория и методика преподавания якутского языка, литературы и культуры в вузе и школе» было представлено 10 докладов. Удостоены высшей оценки модераторов доклады студентов старших курсов ИЯКН СВ РФ: Н. Г. Старостина, О. И. Назаровой, Е. Д. Кириллиной. Модератор секции профессор Е. М. Поликарпова высоко оценила научный доклад ст. преподавателя, магистранта У. Р. Федоровой.

В четвертой секции «Вопросы стилистики якутского языка и русско-якутского перевода» из представленных 7 докладов были отмечены следующие работы студентов-бакалавров и магистрантов отделения русско-якутского перевода: А. Н. Павловой, Е. С. Герасимовой, Ю. В. Сотниковой.

В шестой секции «Проблема якутского литературоведения и фольклористики» из заявленных 8 докладов публично представили результаты научного изыскания 3 участника. По глубине и содержательности исследования работ магистрантов ИЯКН СВ РФ лучшими признаны доклады О. Н. Давыдовой, А. С. Осипова.

На заключительном заседании модераторы внесли свои следующие предложения:

1. Систематически проводить (через каждые 2-3 года) Винокуровские чтения в форме научно-практической конференции на республиканском уровне, охватывающей широкий круг участников (учителей, учащихся школ, лицеев и гимназий);

2. Собрать и опубликовать ранее не изданные научно-методические разработки И. П. Винокурова в качестве учебных пособий для студентов направления «Филология» по дисциплине «Основной (родной) язык»;

3. Организовать и провести ежегодный конкурс по морфологическому разбору слов (в рамках мероприятий, проводимых в День якутской письменности, Недели науки и т. д.). Победителя конкурса наградить именной стипендией И. П. Винокурова;

4. Усилить работу по организации и руководству научных исследований студентов, способствующих развитию и популяризации родного языка в сфере цифровых образовательных технологий.

В завершении организаторы и участники конференции поздравили глубокоуважаемого коллегу, учителя с большой буквы, истинного патриота, знатока и хранителя родного языка Ивана Петровича с присуждением званий «Почетный гражданин Алданского наслега» и «Почетный профессор Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ» и пожелали ему и его семье крепкого здоровья, счастья и всех благ в наступающем новом году. Студенты гордятся им и помнят его как доброго учителя-ученого, любителя играть в шахматы и петь старинные якутские песни, всегда рады принять участие в мероприятиях, посвященных его дате.

Отрадно, что организаторы за короткое время издали электронную версию сборника конференции и рассылали за день до начала конференции. Сборник будет размещен в системе РИНЦ. От имени участников выражаем огромную благодарность организаторам, гостям, а также всем участникам конференции.

N. A. Efremova

Vinokurov Readings commemorating the 80th anniversary of Ivan Petrovich Vinokurov, esteemed professor of the NEFU

December 10, 2021 at the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov held a republican conference "Vinokurov readings: theoretical and methodological aspects of studying the Yakut language, literature and culture", dedicated to the 80th anniversary of the famous scientist-teacher, candidate of philological sciences, professor of NEFU named after M.K. Ammosov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Excellence in Education of the Republic of Sakha (Yakutia), Labor Veteran, Teacher of teachers Ivan Petrovich Vinokurov.

Ivan Petrovich Vinokurov is one of the scientists and educators, who stood at the origins of the formation of the Yakut language department as an educational and scientific base for training specialists, teachers of the native language. Several generations of teachers, specialists, researchers-Yakut scholars have gone through his school. A teacher-scientist who was able to gain prestige among colleagues and students not only by professional abilities and deep knowledge, but also by his individual approach, unique style to the mastery of teaching the native language, warmth of soul and sane subtle mind. A clearly structured special approach, a detailed description of the linguistic material on the morphology and syntax of the Yakut language helped him create a number of textbooks that have become exemplary in the history of Yakut linguistics and teaching methods.

The opening of the plenary session began with the traditional welcome algsys, good wishes for the coming new year. The director of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, NEFU named after M.K. Ammosova G. G. Torotoev, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector for Educational Activities of the NEFU named after M.K. Ammosova A. I. Golikov, head of the municipal district "Aldansky nasleg" of Tattinsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) E. N. Postnikov, Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute for Humanitarian Research and Problems of Small Nations of the North, FRC YSC SB RAS N.N. Efremov.

A total of 44 were listened to, including 5 plenary reports. The organizer of the conference is the Department of the Yakut language named after N.S. Grigoriev Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation NEFU named after M.K. Ammosov.

At the plenary session, the colleagues of the hero of the day - Honorary Director of the Institute of Nuclear Physics of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor of the Yakut Language Department G. G. Filippov, Doctor of Philosophy, Head. Department of the Yakut Language, Chief Researcher of the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, FRC YSC SB RAS N. I. Danilova, Ph.D., Researcher, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, FRC YSC SB RAS N.M. Vasilyeva, Honorary Worker of the Education System of the Russian Federation, Excellence in Education of the Republic of Sakha (Yakutia), Laureate of the State Prize named after S.A. M. N. Novgorodova Borisov.

The educational and scientific activities of Ivan Petrovich at the university were presented by his friend-colleague, who led the department for many years, Honorary Professor of the Institute G. G. Filippov.

The conference worked in six areas related to the research topics of I. P. Vinokurov.

The first section was devoted to the phonetic, morphological, grammatical and syntactic aspects of the study of the modern Yakut language. Of the seven presented reports, the works of 1st year bachelor students of the Yakut language department Yakovleva K. A. ("Stylistic mistakes in the use of case forms (on the example of instagram texts)", Sleptsova O. D. ("Historical and genetic analysis of the names of clothes and hats in the Yakut language"), Egorova K. M. ("Phonetic analysis of the language of the poem by A. E. Kulakovskiy" Sakha dyakhtallaryn metiriettere """). It should also be noted that the best report of the teacher of the Yakut language and literature MBOU "2-Khomustakh secondary school named

after E. P. Sivtsev "Moscow region of Namsky ulus Argunova M.V. on the comparative analysis of adverbs in English and Yakut languages.

In the second section, reports were presented on topical problems of a comparative typological study of the Turkic-Mongolian languages. In this section, reputable scientists from the Institute of Humanities and Social Sciences of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, FRC YSC Monastirev V. D. demonstrated their reports. Dyachkovsky F. N., Popova N. I. on topical issues of studying the Yakut language in comparison with the Mongolian languages. To increase the incentive for students to participate in further scientific conferences, the moderators awarded diplomas to the reports of the following students of the Institute for Nuclear Research of the Russian Federation: Dyakonova A. A. ("Etymology of the word" turekh / turug "in the Yakut and Mongol-Buryat languages"), Egorova K. M. ("Yakut-Mongolian lexical parallels of compound words denoting the names of birds"), Gogoleva S. N. ("Semantic features of phraseological units with the components "cow", "horse", "dog" in the Yakut and Buryat languages").

In the third section "The language of olonkho and Yakut fiction", out of the stated 8 reports, 5 reports were listened to. It should be especially emphasized the report of Ph.D., senior researcher of the Institute of State Institutions of Science and Technology, FRC YSC SB RAS Gotovtseva L. M. "Features of the functioning of phraseological units in the novel by N. Ye. Mordinova-Amma Achchygya "Spring time". The rich factual material reveals the lexical, semantic and stylistic features of the phraseological units of the Yakut language, used by the classic writer Amma Achchygya. Further, the moderators identified the best reports of bachelor students of the direction "Philology" A. A. Arkhipova. ("Antithesis as a stylistic device in T. E. Smetanin's prose"), Pavlova U. V. ("Variations in the names of numerals in olonkho, written for children by S. S. Vasiliev-Borogonsky"), Loginova A. G. ("Lexemes of the concept" GOOD MAN "in the olonkho of P. A. Oyunsky" Nurgun Bootur the Swift "").

In the fourth section "Theory and methods of teaching the Yakut language, literature and culture in the university and school" 10 reports were presented. The reports of senior students of the Institute for Nuclear Research of the Armed Forces of the Russian Federation were awarded the highest assessment of the moderators: Starostina G. G. ("Studying the name of a numeral for 6th grade students using new technologies in teaching"), OI Nazarova ("The use of mnemonics in the lessons of the Yakut language for the development of speech"), Kirillina E. D. ("Creation of video lessons and educational portals for teaching the Yakut language and literature in the classroom according to the new standard"). Section moderator Professor E. M. Polikarpova highly appreciated the scientific report of Art. teacher, master's student Fedorova U. R. ("Formation of a speech personality in teaching the Yakut language as a non-native language").

In the fourth section "Questions of the stylistics of the Yakut language and Russian-Yakut translation" of the 7 reports presented, the moderators noted the following reports of bachelor and master students of the Russian-Yakut translation department: Pavlova A. N. ("Methods of transferring artistic representations in translated texts (based on the translation of the fairy tales of Suorun Omolloon "Egem ostuoruyalara" by L. Gabyshev"), Gerasimova E. S. ("Translation into the Yakut language of the popular song of N. Dobronravov and A. Pakhmutova "Hope"/ "Erel""), Sotnikova Yu. V. ("Translation of words-realities, expressing Yakut women's jewelry into Russian").

In the sixth section "The problem of Yakut literary criticism and folklore studies", out of the declared 8 reports, 3 participants publicly presented the results of scientific research. In terms of the depth and content of the study of the work of the master's students of the Institute of Nuclear Research of the Armed Forces of the Russian Federation, the moderators distributed in the following order: the report of O. N. Davydova; "Images-archetypes in the story of N. Mikhaleva-Saya "Alaadi"", Osipova A. S. "Epithets in the work of the folk singer S. A. Zvereva - Kyyl Uola "Uluu Moskuba tugunan toyuk"", Spiridonova M. V. "Dedication poems by K. D. Utkina-Nusyulgen".

At the closing session, the moderators made the following suggestions:

1. To systematically hold (every 2-3 years) Vinokurov readings in the form of a scientific and practical conference at the republican level, covering a wide range of participants (teachers, students of schools, lyceums and gymnasiums);

2. Collect and publish previously unpublished scientific and methodological developments by I. P. Vinokurov as teaching aids for students of the direction "Philology" in the discipline "Main (native) language";

3. Organize and conduct an annual competition for morphological analysis of words (within the framework of events held on the Day of Yakut Written Language, Week of Science, etc.). To award the winner of the competition with a personal scholarship to I. P. Vinokurov;

4. Strengthen work on the organization and management of scientific research of students, contributing to the development and popularization of the native language in the field of digital educational technologies.

In conclusion, the organizers and participants of the conference congratulated their highly respected colleague, teacher with a capital letter, a true patriot, connoisseur and keeper of the native language Ivan Petrovich with the award of the titles "Honorary Citizen of the Aldan Nasleg" and "Honorary Professor of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation" and wished to him and his family the strongest health, happiness and all the best in the coming new year. Students are proud of him and remember him as a kind teacher-scientist, a lover of playing chess and singing old Yakut songs; we are always glad to take part in events dedicated to its date.

It is gratifying that the organizers in a short time published an electronic version of the conference collection and sent it out a day before the start of the conference. The collection will be placed in the RSCI system. On behalf of the participants, we express our deep gratitude to the organizer, guests, as well as all the participants of the conference.

Ю. И. Трофимцев

Воин, математик, педагог. (К столетию Михаила Павловича Кылатчанова)

Михаил Павлович Кылатчанов – один из первых выпускников Якутского пединститута, оставленных на работу в родном вузе. Он прожил сложную жизнь, участвовал в двух великих битвах Великой Отечественной войны, в войне с Японией, учился, преподавал в школе, пединституте, университете.

Михаил Павлович родился 15 декабря 1921 г. в I Кангаласском наслеге Ленинского района в семье, в которой было девять детей. Еще до войны он поступил на отделение математики педагогического института, но в 1940 г. он был призван в ряды Красной армии. Вначале учился в Якутской национальной военной школе, затем служил в Чите и Монголии. Война застала его в Чите.

На Брянский фронт Михаил Павлович попал в 1943 г. командиром взвода минометов. Участвовал в битве на Курской дуге, где был

ранен, После госпиталя младший лейтенант Кылатчанов был направлен командиром учебного стрелкового взвода в Московский военный округ. Оправившись от ранения, Михаил Павлович подал рапорт об отправке в действующую армию.

В апреле 1945 г. в составе 39-ой армии Третьего Белорусского фронта он штурмовал город-крепость Кенигсберг. Сразу после взятия Кенигсберга 39-ая армия была направлена на восток, поэтому День Победы Михаил Павлович встретил в Москве, а уже через несколько дней вместе с товарищами был в Монголии. 9 августа 1945 г. началась война с Японией, длившаяся менее месяца. Несмотря на это, бои были ожесточенными. За штурм перевалов Большого Хингана в Маньчжурии, во время которого младший лейтенант Кылатчанов проявил мужество и отвагу, он был награжден орденом Красной Звезды. Михаил Павлович дошел до океана и закончил войну в Порт-Артуре.

Служба продолжалась до 1947 г., и после демобилизации М. П. Кылатчанов вернулся в родную Якутию. Средств на продолжение учебы у него не было, и два года он работал

ТРОФИМЦЕВ Юрий Иванович – д. т. н., профессор, профессор кафедры высшей математики Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

E-mail: trofimtsev@mail.ru

TROFIMTSEV Yuri Ivanovich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Further Mathematics, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

учителем в школе. В 1949 г. директор пединститута восстановил бывшего фронтовика на первый курс без оплаты обучения, и в 1953 г. Михаил Павлович успешно закончил математическое отделение Якутского государственного педагогического института. С тех пор и до 1987 г. его жизнь была связана с физико-математическим и математическим факультетами ЯГУ.

Михаил Павлович работал на кафедрах математики, алгебры и геометрии, высшей математики. Он сам вспоминал об огромной учебной нагрузке в то время, необходимости читать самые различные курсы из-за нехватки специалистов. Блестяще знал геометрию и читал математикам ее курс, работал со студентами-строителями на инженерно-техническом факультете, где преподавал курс высшей математики. Доброжелательным отношением к студентам, помощью им в решении их насущных проблем, Михаил Павлович завоевал у студентов непререкаемый авторитет и большое уважение.

Михаил Павлович всегда активно участвовал в общественной жизни университета и факультета, был членом парткома и месткома ЯГУ, работал в профбюро и партбюро, был заместителем декана факультета по заочному обучению.

Михаил Павлович отличался творческим подходом к преподавательской работе, а ведь в то время он был по возрасту самым старшим на факультете. Им было написано первое методическое пособие по математике на кафедре высшей математики, введено печатание заданий для вступительных экзаменов на отдельных карточках. Михаил Павлович первым стал преподавать математику во вновь открытом учебно-консультационном пункте в г. Нерюнгри.

Михаил Павлович и его жена Мария Романовна через всю свою жизнь пронесли любовь и уважение друг к другу. Они воспитали трех замечательных детей, которые пошли по стопам родителей. Дочь Ольга – заслуженный врач Российской Федерации, сыновья Роман и Кирилл – математики, кандидаты наук.

В 2017 г. на третьем этаже корпуса факультетов естественных наук открыта мемориальная доска в честь воина-математика М. П. Кылатчанова.

Yu. I. Trofimtsev

Soldier, mathematician, educator. (Commemorating the Centenary of Mikhail Pavlovich Kylatchanov)

Mikhail Pavlovich Kylatchanov – one of the first graduates of the Yakut Pedagogical Institute who remained as staff in the alma-mater. He lived a life fraught with hardships, having fought in two of the greatest battles of the Great Patriotic War, in the 2nd World War against Japan, studied and taught in school, pedagogical institute and the university.

Mikhail Pavlovich was born 15th of December 1921 in Kangelassky 1st Nasleg of Leninsky (Srednekolymsky) District as a 9th child in the family. Before the War, he had been enrolled into the Mathematics Division of the Yakut Pedagogical Institute, however he has enlisted into the Red Army in 1940. Underwent training in the Yakut National Military School, then service in Chita and Mongolia. War had broken out while he was stationed in Chita.

In 1943 Mikhail Pavlovich was commissioned commander of a mortar platoon in the Bryank Front. Participated in the Battle of Kursk, where he was wounded. On discharge from hospital he was transferred to the Moscow Military District as a commander of a training rifle platoon. Having fully recovered, Mikhail Pavlovich turn in the report for transfer into field duty.

In April 1945 in the composition of the 39th Army of the 3rd Belorussian Front he took part in the Battle of Königsberg. Just after taking Königsberg the 39th Army was redeployed to the East, and so Mikhail Pavlovich welcomed the Victory Day in Moscow, a few days later arriving to Mongolia along with comrades in arms. 9th of August was the start of the war with Japan, despite lasting less than a month the fighting was intense. For participating in the taking of the passages of the Greater Khingan in Manchuria, Junior Lieutenant Kylatchanov, on account of his fortitude and courage was awarded the Order of the Red Star. Mikhail Pavlovich had reached the Pacific and saw the end of the war in Port-Arthur (present day Lyushunkou District).

Military service continued until 1947 and upon demobilization Kylatchanov returned to native Yakutia. Having no means to immediately continue education, he worked as a school teacher for 2 years. In 1949 the Institute's Director reinstated the veteran on the 1st year at no charge, and in 1953 Mikhail Pavlovich successfully graduated the Mathematics Division of the Yakut State Pedagogical Institute. Since that and until 1987 he was engaged in the Physics-Mathematics and Mathematics Division of Yakut State University.

Mikhail Pavlovich worked in the Departments of Mathematics, Algebra and Geometry, Higher Mathematics. He himself recalled the huge academic burden at that time, the need to give a wide variety of courses due to a lack of specialists. He knew geometry brilliantly and taught the course to mathematicians, worked with construction students of the Department of Engineering and Technology, where he taught a course in higher mathematics. With a friendly attitude towards students, helping them in solving their pressing problems, Mikhail Pavlovich had earned unquestionable authority and great respect from students.

Mikhail Pavlovich had always actively participated in the public life of both the university and the faculty, was a member of the party committee and the local committee of the YSU, worked in the professional bureau and party bureau, was the Deputy Dean of the Department of Correspondence Education

Mikhail Pavlovich was distinguished by his creative approach to teaching, while at that time being the oldest lecturer in the division by age. He wrote the first methodological manual on mathematics at the Department of Higher Mathematics, introduced the individual printed cards

for entrance exams. Mikhail Pavlovich was the first to teach mathematics at the newly opened educational and consulting center in Neryungri.

Mikhail Pavlovich and his wife Maria Romanovna carried love and respect for each other through their entire lives. They raised three wonderful children who followed in their footsteps. Daughter Olga – Honored Physician of the Russian Federation, sons Roman and Kirill – mathematicians, Candidates of Sciences.

In 2017, a memorial plaque was opened on the third floor of the Department of Natural Sciences in honor of the soldier-mathematician M. P. Kylatchanov.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

6 (86) 2021

Редакторы
С. В. Антонова, Н. В. Дмитриева, В. Н. Иванов
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.12.2021
Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 13,0
Тираж 250 экз. Заказ .
Дата выхода в свет 30.12.2021
Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58